Григулевич Иосиф
Папство, Век двадцатый

Иосиф Ромуальдович Григулевич
Папство. Век двадцатый

Содержание.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, С КОТОРЫМИ ПРИДЕТСЯ ВСТРЕТИТЬСЯ ЧИТАТЕЛЮ.

БУЛЛА-папский документ, заявление или послание папы церковным или государственным деятелям. Буллы были в большом ходу в средние века.

ВАТИКАН-район в Риме, расположенный на холме того же названия и застроенный церковными зданиями. На территории Ватикана находится собор св. Петра, вмещающий около 10 тыс. человек. Собор строился 100 лет. В его строительстве и украшении участвовали выдающиеся архитекторы и художники: Бернини, Микеланджело, Рафаэль. К собору примыкает площадь св. Петра, обрамленная знаменитой колоннадой Бернини из 280 колонн, украшенная 164 статуями. В примыкающем к собору апостолическом дворце-3 тыс. комнат, 8 парадных и 200 обычных лестниц, 20 дворов. Личные покои папы (19 комнат) находятся на третьем этаже апостолического дворца, в нем же расположена Сикстинская капелла, где с XV в. избирается папа римский, глава римско-католической церкви. С 1929 г. Ватикан-самостоятельное государство, главой которого является папа римский. Территория государства-города Ватикана - 44 га, число подданных - около тысячи человек. Располагает собственным правительством (см. курия), флагом, гимном. Издает марки и выпускает денежные знаки. Поддерживает дипломатические отношения приблизительно со 100 странами мира. Имеет официальный печатный орган-газету "Оссерваторе Романо", выпускает ряд других изданий, располагает радиостанцией.

ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР-собрание епископов католической церкви, созываемое папой для решения важных церковных вопросов. Созывается весьма редко. XIX вселенский собор (Тридентский) заседал в XVI в., XX (Первый Ватиканский) - в 1870 г. Последний, XXI вселенский собор, более известный под названием Второго Ватиканского, состоялся в Риме в 1962-1965 гг. Принял программу "обновления" церкви.

ГРОШ СВ. ПЕТРА-пожертвования верующих в казну Ватикана, составляющие ежегодно несколько миллионов долларов. Является одной из важных статей дохода римской курии, своего рода церковным налогом. Вручается епископами лично папе в виде чека во время отчетных посещений ими Ватикана.

КАРДИНАЛ - второй после папы титул в иерархии католической церкви. Кардиналы назначаются папой с согласия консистории - собрания кардинальской коллегии. Этот титул папы присваивали в средние века своим незаконнорожденным сыновьям, племянникам и другим родственникам. Иногда папы назначали кардиналами даже детей. Так, Джованни Медичи (будущий Лев X) был назначен кардиналом в 7-летнем возрасте. Некоторые кардиналы не были священниками. Папа может назначать кардиналов секретным решением (in petto дословно: в груди), но если он об этом не сообщил до своей смерти консистории, то такое

назначение считается недействительным. Знаком кардинальского достоинства является красная шапка. Она была впервые присвоена кардиналам папой Иннокентием IV в 1245 г., символизирует готовность кардинала пролить свою кровь в защиту интересов церкви. Климент XIII говорил: "Папа может дать шапку, но не может дать голову".

КАРДИНАЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ-совещательный орган при папе. На протяжении веков число кардиналов не превышало 70, традиционно большинство из них составляли итальянцы. Иоанн XXIII нарушил эту традицию. В настоящее время кардиналов свыше 140, причем итальянцы находятся теперь в меньшинстве. Однако в кардинальской коллегии, как и прежде, преобладают европейцы и представители США.

КОНКЛАВ (дословно: под ключом) - собрание кардинальской коллегии для избрания папы римского. Заседает "под ключом", а точнее, замуровывается в Сикстинской капелле. Этот обычай введен в средние века, чтобы заставить кардиналов поскорей избрать папу. Теперь в нем участвуют кардиналы, возраст которых не превышает 80 лет. Число участвующих в конклаве кардиналов не должно превышать 120.

КОНКОРДАТ-договор между папским престолом и каким-либо государством, как правило обеспечивающий церкви определенные права и привилегии в данной стране.

КОНТЕСТАТОРЬ!-служители церкви и рядовые верующие, выступающие с критикой реакционных сторон деятельности церковного руководства, в том числе и папы римского. Термин появился после Второго Ватиканского собора.

КУРИЯ-центральный административный аппарат римско-католической церкви, возглавляемый папой. Курию образуют конгрегации, трибуналы, секретариаты, советы, комиссии, бюро, управления, гражданское губернаторство Ватикана. Главное учреждение курии - статссекретариат. Его глава - самый близкий сотрудник папы, называемый кардиналом-хозяином (падроне).

"МЯТЕЖНАЯ ЦЕРКОВЬ" - под этим термином подразумеваются церковники, выступающие с критикой консервативных позиций Ватикана и церковной иерархии и высказывающиеся в поддержку борьбы народов за социальное освобождение. Особенно много таковых в Латинской Америке. Понятие "мятежная церковь" появилось после Второго Ватиканского собора.

НЕПОТИЗМ (от лат. nepos-внук, племянник) - раздача римскими папами доходных должностей, высших церковных званий, земель своим родственникам. Хотя непотизм был особенно распространен в XV-XVI вв., склонность к нему проявляли и многие папы XIX- XX вв.

НУНЦИЙ -высший дипломатический представитель папы, соответствует чрезвычайному и полномочному послу. В ряде стран со времени Венского мирного конгресса 1815 г. нунций является дуайеном (старейшиной) дипломатического корпуса. Производное от "нунций" - "нунциатура" - посольство Ватикана в какой-либо стране.

ПАПА РИМСКИЙ-глава католической церкви и верховный правитель (абсолютный монарх) государства-города Ватикана. Полный титул папы: епископ Рима, наместник Иисуса Христа, преемник князя апостолов, верховный понтифик вселенской церкви, патриарх Запада, примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, монарх государства-города Ватикана, раб рабов божьих. Избирается конклавом пожизненно 2/3 голосов плюс 1 голос. Согласно догмату католической церкви, принятому на Первом Ватиканском вселенском соборе 1870 г., считается непогрешимым. В церковном реестре фигурируют, включая нынешнего, 263 папы. С XVI в. все папы-итальянцы.

ПАПСТВО - религиозно-политический центр католической церкви. Возник на базе римского епископства в V в. Получив в 756 г. от французского короля Пепина Короткого земли вокруг Рима, папа стал светским государем, владетелем Папской области и других территорий и начал вести себя, как светский князь. В средние века папство боролось за преобладание церковной власти над светской. В XIV в. папство подпало под власть французской короны, и с 1309 по 1377 г. резиденция пап находилась во французском городе Авиньоне. Реформация и, как следствие ее, церковный раскол, образование самостоятельных протестантских церквей (XVI в.) значительно ослабили влияние папства. В 1870 г. в связи с включением Рима в состав итальянского государства Папская область была ликвидирована. Лишенный светской власти, папа объявил себя "узником Ватикана". В 1929 г. папа снова становится светским правителем -

главой государства-города Ватикана. Папство и католическая церковь - соприкасающиеся, но не тождественные понятия. Интересы папства не всегда совпадают с интересами церкви в отдельных странах или частях света. Папство стремится навязать свой курс всему католицизму, но это не всегда ему удается.

СВЯЩЕННИКИ-РАБОЧИЕ-служители церкви, работающие на предприятиях наравне с рабочими. Движение священников-рабочих возникло во Франции в конце второй мировой войны. По замыслу французского епископата, они должны были вернуть рабочих в лоно церкви, подорвать влияние компартии на рабочий класс. Но эксперимент со священниками-рабочими провалился. Многие из них стали участвовать в забастовочном движении, вступили в профсоюзы. В 1952 г. Ватикан запретил их деятельность, но затем, опасаясь их разрыва с церковью, вновь разрешил, однако со многими оговорками и под строгим контролем церковного начальства.

СИНОД - совещательный орган при папе римском, в который входят представители национальных епископатов и международных католических организаций. Созывается по инициативе папы. Решения синода принимаются 2/3 голосов, вступают в силу после утверждения папой. Учрежден по рекомендации Второго Ватиканского собора.

ТЕОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ, или теология освобождения,-попытка обосновать богословскими аргументами необходимость и неизбежность прогрессивных революционных изменений в обществе, освобождения общества от капиталистической эксплуатации и колониализма. Зародилась после Второго Ватиканского собора к неудовольствию и возмущению консервативно настроенных церковных кругов.

ЭКУМЕНИЗМ-движение или стремление к сближению или объединению всех христианских церквей. Иногда толкуется более расширенно-как сближение всех религий мира. Ватикан стремится осуществить такое сближение под своей эгидой. Эти гегемонистские устремления встречают сопротивление руководителей других религиозных направлений.

ЭНЦИКЛИКА-окружное папское послание, адресованное всем католикам и имеющее для верующих директивное значение. Энциклики носят программный характер и могут быть посвящены религиозным, общественно-политическим, моральным и другим вопросам. Называются по первым словам текста, который обычно пишется по-латыни.

ОНИ НЕ ИЗМЕНИЛИ МИР

О католической церкви, ее прошлом и настоящем в нашей стране и за рубежом написано много интересных и содержательных книг. В них рассматриваются самые разнообразные стороны политики и идеологии этой крупнейшей религиозной организации, ее взаимоотношения с различными социальными прослойками и классами, различные аспекты социальной доктрины католицизма, внешней политики Ватикана, позиция папского престола по отношению к социалистическим странам и так далее

И все же папство и по сей день продолжает оставаться, как отмечает бывший французский посол при Ватикане Шарль Пишо, terrae incognitae -неизведанной землей, овеянной таинственностью. О том, что происходит за "бронзовыми вратами", ведущими в апостолический дворец-резиденцию папы и его ближайших сотрудников, о закулисной жизни Ватикана мало что известно, ибо высшим законом папства испокон веков было и остается строжайшее соблюдение секретности. О ватиканской "кухне" никто не должен ничего знать, за исключением узкого круга посвященных. При возведении прелатов в кардинальский сан папа "запечатывает" им уста. Это означает, что без его разрешения они не вправе говорить о делах ватиканских. В Ватикане строго осуждают болтливость, особенно если речь идет об особе папы римского, личность которого в силу организационной структуры и доктрины католической церкви оказывает огромное влияние на ее исторические судьбы.

Почему же церковь ревностно оберегает от посторонних взоров частную жизнь римских пап? Причины тому разные. Церковь пытается скрыть от верующих все земное, прозаическое и обыденное в жизни и деятельности своего главы. Ведь, согласно церковной доктрине, папы римские не обычные смертные, а наместники бога на земле, они непогрешимы, им якобы не свойственны присущие обычным смертным слабости, чувства и страсти. Они будто бы озабочены лишь одним - спасением погрязшего в грехах человечества. Они бесконечно

добры, отзывчивы на людские страдания, на людское горе, всегда готовы прийти на помощь страждущим. Как правило, так рисуют пап апологеты церкви. Такой идеализированный образ римских понтификов навязывается верующим.

Частная жизнь пап-запретная тема не только потому, что человеческие черты принизили бы образ пап в глазах верующих, лишили бы их священного ореола, но и потому, что многие из пап были отнюдь не праведниками.

Разумеется, полностью скрыть или замолчать теневые стороны жизни и деятельности римских первосвященников, в особенности средневековых, католическая историография не в состоянии. Некоторые церковные иерархи предпринимали даже попытки создать "объективную" историю папства. Так, папа Лев XIII (1878-1903), стремясь приуменьшить значение и влияние трудов антиклерикальных исследователей церкви XIX в., предложил немецкому историку Людвигу фон Пастору (1854-1928) написать историю папства. С этой целью Пастору был разрешен доступ в "святую святых" Ватикана-его секретный архив, на дверях которого красовалась установленная его создателем папой Павлом V в начале XVII в. и стертая по распоряжению того же Льва XIII угрожающая надпись: "Всяк сюда входящий без специального разрешения святого отца подлежит немедленному отлучению от церкви".

С Пастором сотрудничала группа иезуитов, поставлявшая ему документы и аргументы, необходимые для подкрепления угодной папскому престолу концепции. Шестнадцатитомный труд Пастора внушителен не только по объему, но и по своему научному аппарату. Тем не менее произведение немецкого историка отнюдь не является объективным историческим исследованием. Пастор не отрицал общеизвестных фактов, касающихся аморального облика таких пап, как Сикст IV, Александр VI, Лев X, но он утверждал, что их пороки- это пороки, характерные для эпохи в целом. Пастор идеализировал культурную, политическую и дипломатическую деятельность пап, превозносил контрреформацию, восхвалял иезуитский орден. Он замалчивал материальные связи церкви с господствующими классами и обходил многие вопросы, разбор которых мог бы выставить папство в неприглядном свете и принизить в глазах верующих авторитет Ватикана.

Насилуя историческую правду, Пастор пытался доказать, что католическая церковь, несмотря на все свои "слабости",-нужный и полезный для человеческого общества институт. Он облекал в "научную" оболочку тезис инквизитора XVII столетия кардинала Беллармина, тюремщика Галилея, утверждавшего, что если бы во главе церкви стояли только достойные пастыри, то ее долговечность объяснялась бы их мудростью, и это было бы естественно; но так как ею руководят и порочные первосвященники, то ее успехи иначе, как сверхъестественными причинами, объяснить нельзя.

Тезис Беллармина остается и поныне излюбленным оружием клерикальных историков, с помощью которого они доказывают "божественный" характер церкви. Например, бенедиктинец Паоло Кальяри в своей книге "Папа, видимый вблизи. Апологетические заметки", изданной с разрешения церковных властей, признает, что в прошлом многие из пап были закоренелыми грешниками. Кальяри пишет о средневековых папах: "Как только папа вступал на престол, он немедленно окружал себя детьми своих братьев и сестер, и казалось, что единственной его заботой было обогатить и возвеличить свою семью. Александр VI, Урбан VIII, Лев X, Павел III, Александр VII забывали, что они папы, и помнили только, что они Борджиа, Барберини, Медичи, Фарнези и Киджи. Их племянники, даже малолетние, даже при отсутствии у них каких-либо положительных качеств, вершили важными и ответственными делами церкви. Пятно непотизма охватывает три столетия церковной истории".

Да, говорит Кальяри, история церкви не была идиллией, а была драмой. На "святом престоле" действительно восседало немало недостойных пап. Но уже это само по себе есть доказательство божественного происхождения церкви. Ведь если бы церковь не пользовалась божественным покровительством, она давным-давно рухнула бы под тяжестью своих собственных преступлений. "Разве не чудо, что этого не произошло?" - вопрошает Кальяри.

Другие историки-клерикалы, признавая, что многие средневековые папы были моральными уродами и мошенниками, говорят, что такими папы были в светских делах, в своей личной жизни; в вопросах же религии они оставались верными церковным догматам. Как люди они грешили, но как верховные пастыри церкви вели себя безупречно. Так рассуждает, например, итальянский клерикальный историк Паоло Брецци, возводящий

папское лицемерие в высшую степень добродетели. Он не отрицает, что многие средневековые папы были недостойными людьми. Но тут же добавляет: "Никто из этих пап не нарушил вверенных их опеке доктрин, никто из них не санкционировал аморальных действий ссылками на учение церкви... Одним словом, оставаясь верными нашему объективному (?) критерию, можно заключить в отношении этого щекотливого и вызывающего споры периода папской истории, что, несмотря на личные слабости пап, римская церковь оставалась верной заветам святого Петра". Хотя подобные "аргументы" были осмеяны еще великими гуманистами Возрождения, в частности Боккаччо, клерикальные историки (за неимением лучших) продолжают перепевать их по сей день.

Одно из течений клерикальной исторической школы образуют иезуитские историки, характерным представителем которых является иезуит Пьетро Такки-Вентури, бывший исповедник Муссолини и автор "Истории Общества Иисуса в Италии". В своей книге, написанной в стиле Пастора и тоже по поручению Льва XIII, Тамки-Вентури делит историю церкви на два периода: до и после основания иезуитского ордена. Все, что происходило в церкви до Лойолы, он считает достойным хулы, все, что имело место после Лойолы, он восхваляет. Цитируя сотни первоисточников, Такки-Вентури рисует долойоловскую церковь как погрязшую в сквернах. Он обличает "греховную" жизнь пап Александра VI, Юлия II и Павла III. Но вот появляются на свет Лойола и иезуитский орден, и, по утверждению бывшего исповедника Муссолини, происходит чудо: Лойола и иезуиты "исцеляют" папство от всех язв и пороков. Во всей этой иезуитской концепции имеется только одно "но", которое заключается в том, что сам иезуитский орден в своей деятельности погряз столь глубоко в преступлениях, что по сравнению с ними поведение "долойоловских" пап может казаться шалостями непорочных отроков.

По-видимому, не имеет смысла препираться с апологетическими историками папства по поводу оценки того или иного из римских понтификов. Место и роль католической церкви в мировой истории определяются в конечном счете не этим. Действительно, папство даже в периоды своего упадка пользовалось огромным влиянием на массы верующих, являлось учреждением, с которым в той или иной мере были вынуждены считаться государственные деятели, в особенности католических стран.

Каков же был результат этого влияния? Можно ли назвать хоть одну область человеческой деятельности, где бы это влияние сыграло положительную роль? Увы, никто такой области назвать не в состоянии, ее просто не существует. Папы, эти "наместники бога на земле", оказались бессильными изменить мир к лучшему, сделать жизнь людей на земле менее тягостной, менее жестокой. Они не смогли покончить с социальным неравенством, национальным угнетением, колониальными захватами, воспрепятствовать агрессивным воинам.

Лидер французских социалистов Жюль Гед говорил во французском парламенте 15 июня 1896 г., обращаясь к представителям католического лагеря: "Прошлое целиком и исключительно принадлежало вам. Что же вы сделали, господа христиане? Восемнадцать столетий вы были владыками мира... Ваш папа попирал своей пятой королей и императоров. Тринадцать столетий вы могли лепить из человечества все, что вам было угодно, и, не освободив его, вы даже не сумели создать ему защиту от фатально происходящих кризисов, подстерегавших его... Вы являетесь с пустыми руками... Вы партия бессилия! Вся история вопиет об этом..." Жюль Гед. Речи, произнесенные в палате депутатов.

Как и любая другая религия и религиозная организация, католицизм и католическая церковь, возглавляемая папой, не только не способствовали совершенствованию общественного механизма, духовному и материальному благополучию трудящихся и эксплуатируемых, но всемерно препятствовали этому, защищая, отстаивая, благословляя самые закостенелые, отжившие, омертвевшие социальные системы, взгляды, понятия, теории, обычаи.

В ПРЕДДВЕРИИ XX ВЕКА
ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ ФЕОДАЛИЗМА.

'Папство-продукт феодального общества. Нарождающаяся революционная буржуазия прекрасно понимала это. В своей борьбе с феодализмом она пыталась приспособить христианство к своим нуждам и потребностям, что нашло выражение в реформации и возникновении протестантизма. Папство, однако, продолжало сражаться за феодальный мир под знаменем контрреформации. В XVIII в. буржуазия католических стран и ее идеологи объявили беспощадную войну папству, призывая устами Вольтера "раздавить гадину". Этот призыв поддержали представители просвещенного абсолютизма.

Удары, которые нанесли католической церкви просветители, значительно ослабили ее влияние, подорвали ее былое могущество. Французская революция, впервые отделив церковь от государства, еще больше поколебала авторитет католической церкви. Завоевание независимости бывшими испанскими и португальскими колониями в Америке способствовало дальнейшему ослаблению влияния папства, выступавшего в роли пособника и союзника колониализма.

Наполеон лишил папу светской власти. Он поселил Пия VII в Париже, а католических священников подчинил префектам полиции. В продиктованном самим Наполеоном катехизисе, положения которого вдалбливались церковниками верующим на всей территории Французской империи, утверждалось, что "христиане обязаны выражать по отношению к государю, ими управляющему, в частности - к императору, чувства любви, уважения, послушания и верности. Они обязаны нести военную службу и платить налоги для защиты империи и трона, возносить страстные молитвы за здоровье государя и за духовное и мирское благополучие государства".

После падения Наполеона папство становится глашатаем контрреволюции в Европе. Венский конгресс восстановил папское государство. Вернувшись из Франции в Рим. Пий VII первым делом воскресил иезуитский орден, распущенный в 1773 г,

Иезуиты быстро захватили в свои цепкие руки управленческий аппарат церкви и проникли во все поры церковной жизни. Уже в январе 1814 г., то есть за несколько месяцев до официального восстановления ордена, иезуиты организовали в Париже "Миссионерское общество Франции", якобы с целью обратить в христианство французских "безбожников". В действительности "Миссионерское общество Франции" превратилось в филиал бурбонской полиции.

С еще большим усердием "длинная рука" Общества Иисуса действовала в Италии, где реакция охотно пользовалась его услугами.

В Пьемонте, Тоскане, Парме и в Неаполитанском королевстве церковь помогала восстанавливать "порядок". Но хуже всех приходилось жителям Папской области, которым с 1814 г. снова довелось испытать на себе тяжелую десницу "наместника бога". С возвращением Пия VII в Рим в папском государстве воцарились прежние порядки и обычаи: торговля должностями и святыми дарами, расточительная, скандальная жизнь духовенства, произвол и бесчинства папских родственников.

Политически ненадежных заставляли исповедоваться каждые 15 дней у священников, назначаемых полицией. "Дело дошло до того,- говорит французский историк Сорен,-что в Риме было запрещено зажигать фонари на улицах, так как это полезное изобретение напоминало о пребывании в городе еретиков, по этой же причине было запрещено прививать оспу". Э. Сорен. История Италии от 1815 года до смерти Виктора-Эммануила. Секретный агент Меттерниха сообщал в Вену в 1822 г., то есть к концу правления Пия VII: "Можно утверждать, что в настоящее время Рим представляет собой в духовном отношении очаг запустения, а в мирском отношении - беспорядка. Жители склонны больше к предрассудкам, чем к подлинной вере. В этом правительстве кардиналов, прелатов и священников политика сводится к непрерывной игре фарисейства и маккиавелизма. Экономическая жизнь находится в удручающем беспорядке... Финансы пребывают в состоянии, которое невозможно выразить словами. Продажность министров и их невежество наносят изрядный ущерб казне... Во всей папской области суд открыто продается..."

При Льве XII .(1823-1829) усилилось преследование инакомыслящих, увеличились налоги и эксплуатация трудового населения. Агент Меттерниха выражал недовольство по поводу порядков, господствовавших в папских владениях. В октябре 1825 г. он доносил своему патрону: "Вавилон-вот имя, соответствующее Риму. Все здесь добывается золотом... Римское

духовенство на добрые 2/3 двуличное и продажное: проповедники в большинстве случаев безразличны к своим обязанностям или неверующие. Сие правительство (то есть церковное. - Я. Г.) - турецко-теократическое".

Опасаясь, что подобные порядки могут вызвать революцию, великие державы направили Ватикану в 1831 г. по случаю избрания в папы Григория XVL (1931 1846) меморандум, советуя провести кое-какие реформы. Однако правление Григория XVI мало чем отличалось от правления его предшественников. Григорий XVI, "тупоии пьяный злодей", как говорил о нем Герцен, был игрушкой в руках своего "всемогущего" лакея Гаэтано Морони. Кардиналы были подстать папе. "Что это за страшные, жестокие и подозрительные лица (напоминающие инквизицию и аутодафе), и что за веющие могилой лысины; в их отживших чертах виделась бесчувственность бессемейных стариков и жестокосердие дипломатов-иерофантов. Да, это люди инквизиции и реакции",-писал о кардиналах Герцен в своих "Письмах из Виа-дель-Корсо". А. И. Герцен. Письма из Франции и Италии. С того берега.

Герцен отнюдь не преувеличивал. Французский католический деятель Ламенне, посетивший Рим в 1832 г., говорил о ближайших сотрудниках Григория XVI, что они "карьеристы, скупые, испорченные, фанатичные идиоты".

В папских владениях процветал шпионаж. Для ареста достаточно было простого доноса. Особенно преследовались лица, причислявшиеся в церковно-полицейских документах к "классу, называемому мыслящим".

"Настоятели приходов,- обобщает итальянский историк Демарко,-имели право в любое время дня и ночи врываться в дома жителей, чтобы убедиться, не нарушаются ли законы благочестия и религиозные предписания... Под предлогом контроля за выполнением религиозных обрядов священники производили обыски и аресты".

Тысячи политических заключенных томились в застенках инквизиции, в тюремных казематах. "Тюрьмы в Риме и папских владениях,- по свидетельству Герцена,- к концу его (то есть Григория XVI-И. Г.) святительства были до того полны, что во всех публичных зданиях начали помещать арестантов i politici". Многие спасались от преследований бегством за границу.

"Изменой,- пишет английский историк Больтон Кинг,-навлекавшей смертную казнь и конфискацию имущества, считалось присутствие на собрании тайного общества; пожизненные галеры грозили всякому, способствовавшему побегу члена тайного общества из тюрьмы... а также за всякую попытку привлечь нового члена. Святотатство, как бы оно ни было чуждо политическим целям, причислялось к измене и наказывалось смертной казнью".

Книги на экономические темы считались богопротивными и опасными. Церковная цензура их запрещала. В печати не разрешалось упоминать о вращении Земли. Церковные власти насаждали мракобесие, считая, как говорил один из ватиканских прелатов - монсиньор Д'Азелио, что "невежественным народом легче управлять".

Между тем "невежественный народ" ненавидел папскую власть, чиновников и полицейских в рясе, видя в них своих притеснителей и эксплуататоров. В Папской области повсюду действовали ложи карбонариев, подпольные клубы.

"Это и не могло быть иначе,- отмечает Кинг, комментируя настроения, царившие среди папских подданных.- Все эти строгие охранительные законы находились в чудовищном противоречии с нравственной распущенностью тех, кто являлись их блюстителями. В то время как требовалось посещение церкви на пасхе, повседневная торговля священными требами и спекуляция вечным спасением производились с тем же бесстыдством, как и в дни Лютера. В то время как людям отказывали в медицинской помощи, если они не совершали причастия, скрытое вольнодумство процветало среди римского духовенства. Цензура заботилась о нравственной чистоте театральных пьес, в то время как церкви оставались центрами интриг. Дети, которых в школе принуждали к строжайшему выполнению религиозных обрядов, слышали с кафедры похвалы набожным разбойникам, которых святые охраняли от виселицы. Финансовые потребности заставляли держать открытыми по воскресеньям лотереи, в то время как лавки и кофейни должны были запираться". Б. Кинг. История объединения Италии.

Судьбами церковного государства вершили церковная иерархия во главе с папой и "черная знать", состоявшая из потомков пап и родственников кардиналов во главе с князьями

Колонна, Орсини, Русполи, Альдобрандини, Дориа, Одескальки, Боргезе, Роспильоси, Массимо и Торлониа, которые со своими женами, дочерьми и любовницами диктовали политику "святого престола". В Италии "черной" знатью называют аристократические (дворянские) семьи, связанные на протяжении

столетий с папством. Кардиналы, управлявшие провинциями, пользовались неограниченной властью, их произволу не было предела.

Лучшие земельные угодья, дворцы-одним словом, все богатства принадлежали церковной и "черной" знати, в то время как население страдало от хронического голода. В 1837г. булочники разносили хлеб под охраной солдат, опасаясь нападения голодной толпы. В Риме было множество воров, в пригородах свирепствовали разбойники. Чтобы обезопасить путешественников, вырубались деревья по сторонам дорог, как в Англии в XIII в.

Папские финансы находились в "хроническом хаосе", хотя ватиканская казна продолжала пополняться золотом, как в былое время. В 60-х годах только ежегодные поступления от "гроша св. Петра" составляли 8 млн. скуди в год. Накануне объединения Италии доходы с церковных владений превышали 50 млн. лир. Э. Серени. Развитие капитализма в итальянской деревне (1860-1900). Но всех этих миллионов "наместнику бога" не хватало. Львиную долю доходов, как обычно, присваивали папские родственники, фавориты, кардиналы. Дефицит и национальный долг росли из года в год.

Григорий XVI, загнавший евреев в гетто, не брезговал жить на займы у Ротшильда. В 1831, 1832 и 1837 гг. папа получил у Ротшильда займы на сумму 12 млн. скуди. Последний известный заем у Ротшильда был сделан папством накануне ликвидации светской власти пап в июле 1870 г., на сумму в 200 тыс. скуди. Папу обслуживали также банкиры и ростовщики помельче: Торлониа (Рим), Пароди (Генуя), и др. В последний год правления Григория XVI долг папского государства превышал 26 млн. скуди, а годичный дефицит доходил до 900 тыс. скуди.

Таково было положение в папских владениях, когда на престол святого Петра сел Пий IX-граф Джованни Мария Мастай-Ферретти.

ПИЙ IX. ИЛИ "НЕПОГРЕШИМЫЙ".

Джованни Мария Мастай-Ферретти, граф, родился в 1792 г. в Сенигальи, близ Анконы, родственник папы Пия VII. Важнейшие посты в церкви: член папской миссии в Южной Америке, епископ в Сполето и Имоле, с 1840 г.кардинал. Избран папой 16 июня 1846, г., принял имя Пия IX. Прозвище "бильярдист". Противник объединения Италии. Автор "Силлабуса"-"перечня заблуждений", в котором преданы анафеме все прогрессивные течения человеческой мысли. Созвал Первый Ватиканский вселенский собор, принявший догмат о непогрешимости папы. После занятия Рима итальянскими войсками в 1870 г. объявил себя "узником" Ватикана, запретил верующим сотрудничать с итальянскими властями. Умер 7 февраля 1878 г. При погребении римляне пытались сбросить его гроб в Тибр.

Эволюция "либерального" понтифика.

Граф Джованни Мария Мастай-Ферретти родился в эпоху, когда Франция была объята пламенем революции. Вначале он думал посвятить себя военной карьере. 19-летним он поступил на службу во французскую армию и в звании лейтенанта служил в почетной гвардии императора Наполеона, весело проводя время в Париже. После крушения наполеоновской империи будущий папа сменил французский мундир на австрийский, а затем перешел на службу в папскую гвардию Пия VII, с которым его связывали отдаленные родственные отношения. Вскоре эпилепсия, которой страдал этот аристократ, заставила его оставить военную службу и посвятить себя духовной деятельности. Э. Сорен. История Италии от 1815 года до смерти Виктора-Эммануила. Став прелатом, Мастай-Ферретти получил важную миссию: посетить Южную Америку в качестве неофициального агента курии для установления контактов с руководителями республик, возникших после изгнания испанских колонизаторов. В 1823- 1824 гг: он странствует по Америке, затем, возвратившись в Рим, быстро делает духовную карьеру. В 35 лет Мастай-Ферретти уже архиепископ Сполето, а потом в течение 16 лет занимает важный пост епископа Имоли, что в 1840 г. приносит ему кардинальскую шапку. В бытность свою в Сполето Мастай-Ферретти был свидетелем восстания, организованного карбонариями. Восстание было подавлено, а один из его участников, принц Наполеон,

арестован. Мать Наполеона - бывшая королева Голландии Гортензия-при содействии Мастай-Ферретти добилась освобождения сына из заключения. Наполеон, став императором Франции, не забудет этой услуги.

В Имоле будущий папа дружил с настоятельницей монастыря св. даров Розой Терезой Бренти. Характер этой дружбы привлек внимание церковных властей. По этому поводу биограф Пия IX И. Хэйлс пишет: "Это была цена, которую он платил всю свою жизнь за темпераментную нежность, порождавшую глубокую симпатию к женщинам. Несомненно, они ему нравились". "Чувственный, но не особенно умный"-так отзывался о нем Меттерних. Это довольно точная характеристика Пия IX.

В те годы о Мастай-Ферретти говорили, что он не чужд либерального духа и даже симпатизирует идее объединения Италии. В 1846 г., когда умер Григорий XVI, 81-летний старец, тиран и самодур, и в воздухе начинало попахивать революцией, либеральствующий кардинал Мастай-Ферретти оказался наиболее подходящим кандидатом в "наместники" бога. Хотя для папы он был слишком молод-ему исполнилось 54 года, возраст почти "неприличный" для понтифика, Мастай-Ферретти легко победил на конклаве своего конкурента статс-секретаря Ламбрускини, ибо курии был нужен молодой, предприимчивый глава, способный отстаивать ее интересы перед надвигающейся революционной бурей. Мастай-Ферретти принимает имя Пия в честь Пия VII, своего родственника, при поддержке которого он начал церковную карьеру.

Одним из первых актов нового папы была энциклика: "Qui pluribus" ("Сколь многих"), в которой он, к радости Меттерниха и русского царя, осудил коммунизм как греховную доктрину. Скорее всего, эту энциклику имели в виду Маркс и Энгельс, причисляя в первых строках "Манифеста Коммунистической партии" папу к силам старой Европы, объединившимся для "священной" травли" коммунизма. Но ни террором, ни заклинаниями остановить революцию было невозможно. Пий IX, опасаясь народного восстания, как отметил Ф. Энгельс, "предпринял некоторые весьма сомнительные попытки проведения реформ". Он амнистировал в Папской области политических заключенных, разрешил вернуться на родину эмигрантам, легализовал издание оппозиционных газет и учредил государственный совет-нечто наподобие парламента. Пий IX разрешил газовое освещение улиц Рима, постройку первой в папских владениях железной дороги, что тоже отмечалось как проявление его "либерализма". Ведь Григорий XVI считал подобные новшества дьявольским изобретением.

Эта реформаторская деятельность превратила Пия IX чуть ли не в лидера сторонников преобразований. Ф. Энгельс писал по этому поводу, что "в Италии мы являемся свидетелями удивительного зрелища: человек, занимающий самое реакционное положение во всей Европе, представитель окаменевшей идеологии средневековья - римский папа - стал во главе либерального движения". Итальянские патриоты предлагали Пию IX возглавить борьбу за объединение страны. Однако Мастай-Ферретти, напуганный масштабами патриотического движения, быстро сбросил с себя маску либерала и, подобно блудному сыну, вернулся в объятия феодально-абсолютистской реакции.

В начале 1848 г. папа решительным образом осудил тех, кто призывал его возглавить движение за объединение Италии. В своем выступлении (аллокуции) перед кардиналами 29 апреля 1848 г. папа заявил: "...мы не можем не отвергнуть перед всем миром коварные, проникающие даже на страницы газет и книг советы тех, кто хотел бы, чтобы Римский Первосвященник встал во главе новой Республики, которая должна объединить все народы Италии. Более того: движимые любовью к народам Италии, мы строжайше предупреждаем и призываем их всемерно остерегаться этих коварных советов, чреватых пагубными последствиями для самой Италии, хранить верность своим государям, доброжелательство которых они не раз испытали на себе, и всегда оказывать им должное почтение. Ибо, если бы народы Италии поступили иным образом, они не только изменили бы своему долгу, но и подвергли бы Италию опасности быть еще более разъединенной в результате внутренних распрей и смут".

Пий IX выступил против освобождения северных областей Италии от австрийских оккупантов и попытался ликвидировать все свои "либеральные" реформы. Это вызвало всеобщее возмущение в Риме. Спасаясь от народного гнева, 24 ноября 1848 г. папа бежал в

карете графини Сиаур в Гаэту, на территорию Неаполитанского королевства. В Риме народ провозгласил республику во главе с Мадзини и Гарибальди.

Из Гаэты папа-беглец стал взывать о помощи, обращаясь к неаполитанскому королю Фердинанду II, к Наполеону III, к Испании и Австрии, которые в ответ послали против Римской республики свои войска. Пий IX назвал впоследствии Наполеона III "человеком проведения в благодарность за вооруженную помощь. Находясь в Гаэте, Пий IX 20 апреля 1849 г. заявил, что требования о введении новых порядков, которым он вынужден был ранее уступить, преследовали цель "разжигать смуты, уничтожить основы справедливости, добродетели, честности, религии и ввести, распространить и насадить повсюду, нанося тем самым огромный ущерб всему человеческому обществу, ужасающую социалистическую или даже коммунистическую систему, в принципе несовместимую с понятием о праве и противоречащую самому здравому смыслу". Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии. В апреле 1850 г., когда Римская республика была задушена, Пий IX возвратился в Рим.

Несмотря на то, что в распоряжении Пия IX находились французские войска, присланные Наполеоном III, наемная швейцарская гвардия и "папские волонтеры"-пестрое сборище из наемников разных национальностей, папа жил в постоянном страхе перед народом.

Правой рукой Пия IX и главой его правительства в течение почти 30 лет был кардинал Джакомо Антонелли. Папа боялся Антонелли (он называл его "мой сатана") и в то же время держался за него. Несмотря на кардинальское звание, Антонелли не был священником. Папский наместник глубоко ненавидел все прогрессивное, отличался ненасытной страстью к наживе и любовным похождениям. Антонелли слыл финансовым гением, преумножившим путем различного рода спекуляций и финансовых махинаций не только капиталы папского престола, но и свои собственные. Ловкий кардинал оставил после себя огромное состояние, которое оценивалось в 100 млн. скуди, из коих 30 млн. было в бриллиантах и других драгоценных камнях. А. П. Лопухин. История христианской церкви в XIX в.

Сам Пий IX, как и многие его предшественники на папском престоле, любил великосветскую жизнь, балы, гулянья, карнавальные шествия. Отсюда римская пословица: "Vita di papa"-"Жить по-папски", то есть роскошно. По праздникам, после молебна, папа устраивал на крыше собора Петра пиршества, в которых участвовала римская "черная" знать, кардиналы и прочие церковные и светские знаменитости. Мастай-Ферретти был заядлым бильярдистом. Во всех его дворцах имелись бильярдные залы. Кардиналы и другие ватиканские вельможи знали, что лучший способ заручиться доброжелательством "святого отца"-это проиграть ему партию в бильярд.

Папе было известно, что его правительство состоит из продажных и разложившихся чиновников. Говорят, что однажды его врач сказал ему:

- Святой отец, я хотел бы попросить вас об одолжении: у меня сын бездельник, неуч, пропойца... -Понял,-ответил Пий IX.-Вы считаете, что он созрел для работы в нашем правительстве.

Да, Мастай-Ферретти знал, чего стоит его правительство, но никаких мер для исправления положения не принимал.

Пий IX возглавил борьбу реакционных сил против объединения Италии, которое угрожало средневековым привилегиям "святого престола". Папство было главным застрельщиком феодальной контрреволюции в Италии.

Папа отлучил от церкви вождей итальянского национально-освободительного движения Мадзини и Гарибальди и всех тех, кто боролся за объединение страны. Не было такого проклятия, такого бранного слова, которых бы папа не посылал в адрес итальянских патриотов. Волки, изменники, фарисеи, воры, лжецы, лицемеры, одержимые водянкой, нечестивцы, исчадия сатаны, враги бога, адские чудовища, воплощенные демоны, смрадные трупы, предатели, иуды - вот далеко не полный букет эпитетов, которыми наделял "святой отец" тех, кто боролся за объединение своей родины. В. Гладстон. Рим и папа перед судом совести и истории.

По указанию Пия IX иезуиты организовывали банды религиозных фанатиков"сан-федистов", которые сеяли террор в южных областях Италии, грабя и убивая итальянских

патриотов во имя "святого отца и господа бога". С этими головорезами итальянским властям пришлось бороться еще долго после объединения страны.

Идеологическим кредо Пия IX был "Силлабус", или "Список современных заблуждений", провозглашенный им в 1864 г. В "Силлабусе" Пий IX предал проклятию не только коммунизм, социализм, но и всю современную цивилизацию в целом. Пий IX проклял, в частности, всех тех, кто утверждал, что "церковь в своей деятельности не должна пользоваться насилием и обладать прерогативами светской власти" (заблуждение XXIV); что "церковь не имеет естественного и законного права приобретать и владеть земными благами" (заблуждение XXVI); что "папа должен примириться и прийти к согласию с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией" (заблуждение XXX) и так далее. В "Силлабусе" Пий IX называет свободу совести "безумием", свободу слова-"смердящим заблуждением".

В середине XIX в., писал Пальмиро Тольятти, когда Европа содрогается от первых больших капиталистических кризисов и законы капиталистического производства и международного обмена регулируют жизнь народов и решают судьбу войны и мира, когда появляются США на мировой арене и борьба за колонии приобретает лихорадочный ритм, когда в Париже вспыхивает пламя пролетарской революции,-в этих условиях папство Пия IX продолжает оставаться не только в отношении позиций, которые оно защищает, но и в отношении оружия, которое оно употребляет в их защиту, в основном феодальной властью. Свой конфликт с итальянским государством оно мыслит в свете феодальных и династических отношений.

В надежде укрепить свои позиции Пий IX созвал вселенский собор. Первый Ватиканский собор (под таким названием он вошел в историю) был одним из самых коротких-он продолжался всего около 10 месяцев. На открытии собора, в конце 1869 г., присутствовало 323 иерарха - кардиналы, патриархи, епископы и архиепископы и 4 тыс. прелатов. После бурных дискуссий Пию IX и его сторонникам удалось навязать собору догмат о папской непогрешимости. Один из участников собора - хорватский епископ Иосиф Штроссмаер, не пожелавший голосовать за догмат о папской непогрешимости, заявил, что всей воды в реке Тибр не хватило бы, чтобы смыть грязь даже с самой маленькой странички постыдной истории папства. Эти слова могут служить достойной эпитафией тысячелетней истории католической церкви.

"Узник Ватикана"

Потуги Пия IX задержать развитие истории оказались тщетными. Существование самостоятельного папского государства с его архаичными феодальными порядками, инквизицией, полицейскими в рясах являлось главным препятствием к объединению Италии. 19 июля 1870 г. Наполеон III, вступивший в войну с Пруссией, был вынужден отозвать свои войска из Рима. Это дало возможность итальянскому народу наконец ликвидировать светскую власть папы. Территория папского государства стала частью объединенной Италии. Нескольких артиллерийских залпов, произведенных 20 сентября 1870 г. гарибальдийцами на подступах к Риму, было достаточно, чтобы папское государство прекратило свое многовековое существование. Рим был присоединен к Италии и стал ее столицей.

В течение последующих восьми лет своего правления Пий IX настаивал на возвращении ему светской власти. В ноябре 1870 г. он объявил себя "узником Ватикана" и предал анафеме тех, кто принимал какое-либо участие во взятии Рима. В марте 1871 г. руководство церкви объявило верующим, что им "не дозволяется" ("non expedit") участвовать в выборах итальянского парламента. В энциклике "Ubi nos" ("Когда мы") от 15 мая

1871 г. папа осудил "Закон о гарантиях и прерогативах (правах) папы и св. престола и о взаимоотношениях государства и церкви", принятый итальянским правительством 13 мая, несмотря на то что этот закон предоставлял католической церкви широкую свободу деятельности в стране. Он также отказался от ежегодной субсидии в 3225000 лир (1 622 425 ам. долларов), которая гарантировалась ему этим законом в качестве компенсации за потерю светской власти и соответствовала сумме расходов папского двора в последние годы существования церковного государства. Принятие субсидии означало бы признание итальянского государства. Папа же был убежден, что оно вскоре развалится.

Не без злорадства встретил папа Парижскую коммуну. С одной стороны, он, как и духовенство Франции, метал громы и молнии против коммунаров, обвиняя их во всех смертных грехах и призывая к беспощадной расправе с ними, с другой-он считал, что коммуна-это кара господня на буржуазию за ее прошлый антиклерикализм. "Интернационал, вооруженный факелами и керосином,- это инструмент божеского гнева. Выбирайте:

с папой или Интернационалом!"-взывал орган иезуитов в Италии "Чивильта каттолика" в начале 70-х годов, обращаясь к правящим кругам Франции.

Комментируя выпады Пия IX против Интернационала и социализма, К. Маркс писал в

1872 г. в отчете Генерального Совета Гаагскому конгрессу Интернационала: "Его святейшество папа Пий IX излил свой гнев в обращении к депутации швейцарских католиков.

"Ваше республиканское правительство,- сказал он,- считает себя обязанным принести тяжелую жертву тому, что называют свободой. Оно предоставляет право убежища большому числу людей самого низкого пошиба. Оно терпит у себя секту, называемую Интернационалом, которая хотела бы поступить со всей Европой так, как она поступила с Парижем. Этих господ из Интернационала, которые, кстати, отнюдь не господа, следует опасаться, ибо они действуют в интересах вечного врага бога и рода людского. Зачем защищать их? За них нужно молиться".

Сначала повесьте их, а потом уже помолитесь за них!"

"Римский вопрос".

Добиваясь ликвидации светской власти пап, итальянская буржуазия тем не менее не выступала против католической церкви как таковой. По словам итальянского историка Фабио Кусина, экономическая действительность породила воинственный антиклерикализм итальянской буржуазии, но ею он был и ограничен. Правда, итальянская буржуазия с таким же энтузиазмом скупала отчужденные от церкви земли, как в свое время это делала французская. Но она и не помышляла посягать на религиозный авторитет католической церкви. Свободомыслие было ей чуждо.

"Освободив" папу от тягот светской власти, итальянские буржуа мечтали заключить союз капитала и креста, видя в религии, церкви и папе "полезные для общества" элементы. Эту идею выразил еще в 1850 г. известный итальянский политический деятель, будущий премьер-министр объединенной Италии, идеолог и лидер умеренно-либеральной буржуазии Кавур, заявив, что "для прогресса необходимо участие двух моральных сил, могущих воздействовать на общество: религии и свободы", подразумевая, естественно, под свободой власть буржуазии. Вот почему, согласно "Закону о гарантиях", итальянское государство не только обеспечивало свободу действий папе и папской курии и неприкосновенность Ватикана и других занимаемых папой дворцов и зданий, но и устанавливало для папы ежегодную субсидию, от которой он, как уже было сказано, демонстративно отказался.

Итальянское правительство изъяло из владения церкви 940 тыс. гектаров земли, но это были главным образом залежные земли, которые приносили незначительный доход. В руках церкви остались богатейшие латифундии в Лоретто, Ассизе и Падуе. Иначе говоря, и после "ограбления" церкви итальянской буржуазией Ватикан продолжал оставаться крупнейшим землевладельцем.

В области политической итальянское государство вело себя также довольно мягко по отношению к своему клерикальному противнику, продолжавшему нападать на него и вызывать против него ненависть и вражду во всем мире. Несмотря на острую полемику и словообильные протесты левых либералов, а также на то, что проекты антиклерикальных законов периодически вносились на рассмотрение парламента и даже частично им принимались, католическая церковь пользовалась всеми привилегиями мученика и жила припеваючи. Как отмечал один современник, в Италии "за церковью, презираемой и ненавистной, ухаживают, как за сумасшедшей бабкой в ожидании ее смерти". Так на деле выглядел "ужасный" антиклерикализм Кавура и его преемников.

Лишенный светской власти, Пий IX до последнего дня своей жизни не терял надежды возвратить утерянное с помощью французских или австрийских штыков.

Папа-"узник" в деньгах не очень нуждался. Потеря Рима и светской власти способствовала, как ни странно может показаться на первый взгляд, укреплению папских

финансов. Папа сразу освободился почти от всех своих долгов, на покрытие которых уходило до этого около половины его доходов: "узник" ведь был неплатежеспособным в силу "обстоятельств, не зависящих от него". Сильно сократились расходы курии, связанные с содержанием явной и тайной полиции, армии, чиновников и т. п. Итальянское государство сохранило за церковью имущество стоимостью в 1 млрд. лир (приблизительно 500 млн. долларов), продолжавшее давать изрядную ренту. К тому же во время распродажи церковных земель часть из них была приобретена доверенными людьми Ватикана, оставшись, таким образом, в его владении.

Многие из церковных предприятий по торговле мукой, солью и так далее незадолго до присоединения Рима к Италии превратились в "частные" акционерные общества, продолжая свою деятельность под контролем Ватикана. Доход от "гроша св. Петра" постоянно увеличивался. В 1866 г. "грош св. Петра" составил 1800 тыс. долларов, а в начале 70-х годов-свыше 4 млн. долларов.

К перечисленным источникам папских доходов следует добавить доходы от продажи папских орденов и дворянских титулов, плату за разрешения на смешанные браки, поступления от бракоразводной деятельности трибунала "Рота", доходы от паломничества, ценные подарки и наследства. Итальянский историк Сальвемини указывает на еще один источник дохода Ватикана-дивиденды от ценных бумаг, которые стали накапливаться в Ватикане при Пие IX. Ватикан продолжал получать немалый доход и от продажи индульгенций.

Эти данные свидетельствуют, что Пий IX, запершись в Ватикане, не мог испытывать никаких финансовых затруднений. Тем не менее он постоянно жаловался на свое "бедственное" положение. В католических странах духовенство распространяло среди верующих лубочные картинки, изображавшие папу узником, спящим в темнице на соломе. Этим преследовалась цель пошире открыть для церкви кошельки католиков во всем мире. Благодаря такому фарисейству "бедный" Пий IX совершил поистине "чудо": он не только не оставил своему преемнику долгов, но даже завещал ему 30 млн. лир (около 15 млн. долларов) наличными.

Необходимо указать и на другое немаловажное для папства последствие ликвидации светской власти. Лишившись ее, папство тем самым "очистило" себя от наиболее уродливых и позоривших его в общественном мнении атрибутов: террористического аппарата (полиции, тюрем, военного министерства) и таких проявлений "экономической" политики, как торговля должностями, сдача на откуп целых отраслей хозяйства, налогов. Папа стал только главой церкви, что способствовало укреплению авторитета церкви и его лично и возрождению в массах иллюзий в отношении "христианских добродетелей", якобы присущих духовенству вообще и папе в частности. Всем этим не преминул воспользоваться пропагандистский церковный аппарат еще при Пии IX для укрепления влияния церкви в массах.

Курс на сближение с буржуазией

Политические и материальные интересы неуклонно толкали католическую церковь к союзу с бывшим ее противником-буржуазией. Папство, церковь и клерикальные организации постепенно вживались в капиталистическую действительность. Особенно сближала их общая вражда к социалистическому движению. По мере развития рабочего движения и роста социалистических партий католическая церковь и буржуазия все более четко осознавали необходимость заключения друг с другом политического союза и готовы были взаимно простить друг другу старые обиды и прегрешения.

Во Франции союз католической церкви с буржуазией впервые открыто осуществился в 1848 г., когда эти две силы объединились для совместной борьбы с рабочим классом. Представитель клерикалов во французском Национальном собрании Монталамбер убеждал буржуазных парламентариев, что "христианский народ можно устрашить, кроме штыков, и другими мерами: там, где соблюдается закон бота, сам бог выполняет обязанности полиции". Религия, уверял он, обязывает не только подчиняться власти, но и уважать ее. "Мне нет необходимости повторять,-восклицал Монталамбер,-что религия означает для собственности... В чем заключается сегодняшняя проблема? Привить уважение к собственности тем, кто ее не имеет. Но я не знаю другого средства для достижения этого, за исключением одного: заставить их верить в бога! И не в неопределенного бога эклектиков той или другой системы, а в бога катехизиса, в бога, продиктовавшего десять заповедей,

осудившего навеки воров. Вот единственная вера, действительно общедоступная, способная с успехом защищать собственность".

Церковь устами Монталамбера открыто говорила, что она готова окружить ореолом благодати буржуазный строй и играть роль его духовной полиции.

Союз буржуазии и церкви стал основой империи Наполеона III. В Германии сближение между католической церковью и буржуазией наступило тоже в период революции 1848 г., когда впервые появились католические союзы и объединения, заигрывавшие с рабочими. Идеологом таких организаций был архиепископ Майнца Кеттелер. В своей книге "Рабочий вопрос и христианство", изданной в 1864 г., Кеттелер гневными словами бичевал капиталистическую эксплуатацию, но только для того, чтобы призывать рабочих искать спасения в католической религии, что вполне устраивало буржуазию. К. Маркс в связи с этим писал Ф. Энгельсу в 1869 г.: "Во время... поездки через Бельгию, пребывания в Ахене и путешествия вверх по Рейну я убедился, что необходимо энергично бороться с попами, особенно в католических местностях. В таком направлении я и буду действовать через Интернационал. Эти собаки (например, епископ Кеттелер в Майнце, попы на Дюссельдорфском съезде и так далее) заигрывают, где это им кажется удобным, с рабочим вопросом. В 1848 г. мы фактически поработали на них, они одни воспользовались плодами революции в период реакции". Католическая церковь, напуганная пробуждением рабочего класса, стремилась втереться к нему в доверие, предлагая одновременно свои услуги буржуазии в качестве укротителя пролетариата.

В Италии процесс сближения католической церкви с буржуазией совершался медленнее и с большими трудностями, чем в других странах. Но даже в 70-х годах, когда Пий IX особенно злобствовал против ненавистных ему либералов, стремление клерикалов распространить свое влияние на трудящихся, в противовес социалистам, не могло не вызвать симпатии буржуазии. В 1874 г. на конгрессе объединения клерикальных организаций Италии

"Опера деи конгресси" была принята резолюция, призывавшая создавать католические рабочие союзы, которые должны были действовать, исходя из принципов "христианской любви" и "непротивления злу", то есть непротивления капиталистической эксплуатации. Что касается крестьян, то тот же конгресс обязывал католические организации охранять их от "проказного заражения антирелигиозными, революционными и социалистическими идеями", что опять-таки играло на руку итальянской буржуазии.

Но если в области политической и идейной между папством и итальянской буржуазией распри длились еще долго, то в сфере материальных отношений разногласия преодолевались несравненно быстрее благодаря предпринимательской деятельности Ватикана.

В 1830 г. был учрежден ватиканский "Банка ди сконто". В 1834 г. Ватикан основал "Банка романа" с капиталом в 300 тыс. скуди для спекуляции недвижимым имуществом. В том же году был модернизирован и "Банк святого духа". В 1836 г. в Риме прелаты П. Мирини и К. Л. Моринини основали сберегательную кассу, которая 10 лет спустя уже насчитывала вкладов на сумму в 10 млн. скуди. В 1852 г. Ватикан увеличил капитал "Банка романа" и привлек к участию в нем крупных римских финансистов. В 1845 г. возникло существующее и поныне ватиканское акционерное общество "Сочьета дель акуа пия Антика Марча" по эксплуатации римского водопровода. В 1871-1875 гг. дивиденды этого общества увеличились в 10 раз. В 1852 г. Ватикан основал при участии английского капитала акционерное общество по газовому освещению "Сочьета англо-романа пер иллюминационе а газ". В 1875 г. капитал и дивиденды этого общества составляли соответственно 3250 тыс. лир и 289683 лиры, а в 1890 г.14 млн. и 1928366 лир. Из упомянутого общества в 1883 г. выделилось ватиканское объединение по использованию электроэнергии - "Сочьета электрика англо-романа".

Начиная с 40-х годов стали появляться многочисленные католические журналы и газеты, в частности газета "Оссерваторе Романо", ставшая впоследствии официозом римской курии, и журнал иезуитского ордена "Чивильта каттолика", являющийся "теоретическим" органом Ватикана (он уже в своем первом номере призывал бороться с "ужасной гидрой социализма"). Тогда же появились зачатки массовых клерикальных политических организаций.

Таковы были первые шаги Ватикана на пути его сближения с капитализмом.

Пий IX и Россия.

Важное место в деятельности Пия IX занимали взаимоотношения с царской Россией. Папский престол никогда не отказывался от надежд втянуть Россию в зону влияния католицизма. Включение значительной части польских земель в состав Российской империи придало этим надеждам видимость реальности. Польша была форпостом католицизма на Востоке. Ватикан рассчитывал использовать "польскую карту" в своей дипломатической игре с Россией.

Однако позиции католицизма в России не только не укрепились, но значительно ослабли. В 1839 г. состоялся униатский собор в Полоцке, постановивший порвать с католицизмом. Униатская церковь создана на Украине в результате заключения Брестской церковной унии в 1596 г., навязанной украинскому народу польскими феодалами. Уния предполагала подчинение православной церкви папе римскому и признание ею основных догм католицизма при сохранении православной обрядности. В 1946 г. решением собора униатского духовенства во Львове уния была упразднена. В результате многие униаты вернулись в лоно православной церкви. В 1842 г. в Петербурге была учреждена римско-католическая духовная академия, что позволило властям усилить контроль над деятельностью католической иерархии. Отношения царизма с Ватиканом обострились. Лишь новый подъем революционного движения в Европе в 40-х годах прошлого столетия вынудил обе эти силы вновь пойти на сближение. В декабре 1845 г. состоялась встреча Николая I с папой Григорием XVI в Риме, во время которой была достигнута договоренность о заключении конкордата, который был подписан уже при "либеральном" Пии IX 3 августа 1847 г.

Осуждение новым папой коммунизма и социализма способствовало дальнейшему сближению Ватикана с царизмом, хотя традиционные для них противоречия не были изжиты или преодолены. Э. Винтер. Папство и царизм. Папство готово было сотрудничать с царизмом в борьбе с революционным движением, надеясь, что такое сотрудничество приведет к укреплению позиций католицизма в России. Однако не прошло и нескольких месяцев после подписания конкордата, как Пий IX выступил в январе 1848 г. с энцикликой "In suprema Petri apostoli sede" ("У верховного апостольского престола Петра"), в которой призвал православную церковь к единству с "высшим престолом апостола Петра". Э. Винтер. Папство и царизм. Такие притязания на поглощение православия не могли не вызвать резкую отповедь со стороны царизма.

Польское восстание 1863 г. способствовало новому обострению отношений папства с царизмом. Хотя Пий IX и высшая католическая иерархия в польских землях осудили восстание, в то время как значительная часть рядового духовенства его поддержала, царизм все же считал, что втайне и они сочувствовали и потворствовали идее польской независимости. Отсюда ряд мер царского правительства, направленных на ограничение деятельности католической церкви на территории Российской империи. Так, из Варшавы были удалены архиепископ Сигизмунд Фелинский и его генеральный викарий, ссылке подвергся униатский епископ Каменский. Под предлогом, что повстанцы находили убежище в католических монастырях, царские власти 18 ноября 1864 г. опубликовали указ, по которому подлежали закрытию 114 (из 197) католических монастырей в России. Царизм категорически воспротивился учреждению нунциатуры в Петербурге, опасаясь, что это приведет к дальнейшему укреплению связей папства с польской церковной иерархией.

Для управления католической церковью в пределах Российской империи была создана Духовная коллегия во главе с послушными правительству католическими иерархами.

Эти действия царизма крайне раздосадовали Пия IX.

В пресловутом "Силлабусе" Пий IX предал анафеме всех тех, кто обвинял папство в церковном расколе (заблуждение XXXVIII). Именно такие обвинения против папства выдвигала православная церковь. Взаимные подозрения между царизмом и Ватиканом продолжали накапливаться. На пасхальном приеме в Риме 27 декабря 1865 г. Пий IX вступил в перебранку с русским поверенным в делах при папском престоле бароном Мейерсдорфом. Последний, естественно, оправдывал действия русского правительства. Рассерженный папа потребовал, чтобы Мейерсдорф покинул прием. Царское правительство воспользовалось этим инцидентом и в 1866 г. закрыло свое посольство в Риме. Таким образом, дипломатические отношения между Россией и папским престолом были прерваны, хотя неофициальные контакты

продолжали иметь место. После образования Священного союза царская Россия установила с папским престолом дипломатические отношения, которые осуществлялись через русскую миссию при Ватикане. Они осуществлялись в том числе и через русских дипломатических представителей, аккредитованных при итальянском правительстве, присутствие которых в Риме отнюдь не вызывало возражений папского престола.

Разрыв дипломатических отношений с Россией еще больше ослаблял позиции папства, светская власть которого и без того висела на волоске. Пий IX пытался возобновить отношения с Россией, используя для этого своего парижского нунция Киджи, лично знавшего Александра II. В 1867 г. Киджи встретился с русским царем во время его посещения Парижа. Однако примирения не произошло. Александр II, по-видимому, решил выждать, пока папа будет лишен светской власти. Озлобленный Пий IX опубликовал 17 октября 1867 г. V энциклику "Dovete" ("Должен"), в которой вновь обвинил Россию в гонениях на католическую церковь. Папа заявил о непризнании Духовной коллегии, запретив католикам в России подчиняться ее указаниям и распоряжениям.

После присоединения папских владений к Италии и лишения папы светской власти в Петербурге решили, что Пий IX станет более покладистым. В 1872 г. в Ватикан был направлен русский дипломат Петр Капнист. Ему было поручено позондировать почву насчет возобновления отношений с папским престолом. Но Пий IX, не желая "терять лица", предпочел уклониться от какого-либо формального сближения. Тем не менее он был вынужден возвести сотрудничавшего с правительством епископа Фиалковского в сан митрополита католической церкви в России и одобрить перенос центра митрополии из Могилева в Петербург. Согласился папа и с ликвидацией последней на территории России униатской епархии в Холме и, наконец, признал компетенцию Духовной коллегии. Оказавшись "узником" Ватикана, Пий IX уже не мог диктовать свои условия кому бы то ни было.

Осложнения в Латинской Америке

В период правления Пия IX возникали многочисленные конфликтные ситуации между Ватиканом и странами Латинской Америки. В прошлом папский престол и местная церковная иерархия являлись опорой испанских колонизаторов. После завоевания этими странами в первой четверти XIX в. независимости папство установило с ними дипломатические отношения, но продолжало поддерживать в них наиболее реакционные силы. В 1853 г. Пий IX основал в Риме семинарию (колледж), в которой готовились церковные кадры для этого региона.

В 50-х годах острый конфликт между церковью и государством возник в Мексике, где церковная верхушка оказала поддержку агрессорам США, лишившим Мексику большей половины ее территории.

В 1856 г. власть в Мексике перешла в руки умеренного либерала Комонфорта. Его правительство издало два закона. Закон Хуареса, названный по имени его автора-президента трибунала Бенито Хуареса, аннулировал привилегии духовенства, которые оно сохраняло со времен испанского колониального владычества. Закон Лердо, названный по имени министра финансов Лердо де Техада, обязывал церковь распродать все свое недвижимое имущество, при этом государство получало часть его стоимости. Комонфорт запретил иезуитский орден и подтвердил право монахов отказываться от своих обетов. На эти, по существу, половинчатые решения церковного вопроса клерикалы ответили заговорами, душой которых был прелат Франсиско Хавьер Миранда, а центром-город Пуэбла. Комонфорт был вынужден в виде репрессивной меры конфисковать имущество епархии Пуэблы. В Мехико правительство закрыло монастырь св. Франсиска, монахи которого готовили вооруженное восстание. 5 февраля 1857 г. конгрессом была принята новая конституция Мексики, провозгласившая свободу совести. Статья 5 конституции запрещала учреждение монашеских орденов и разрешала монахам отказываться от обетов. Статья 13 лишала духовенство особых "фуэрос" (привилегий). Статья 27 запрещала церкви иметь и приобретать недвижимое имущество.

Мексиканское духовенство и клерикалы, а с ними и папский престол не признали конституцию. В специальной булле папа Пий IX осудил статьи мексиканской конституции, касавшиеся церкви, и объявил их не обязательными для верующих. Церковная иерархия запретила верующим присягать новой конституции. Ни один человек, принимавший конституцию или приобретавший имущество церкви, не имел права на исповедь, на похороны

по христианскому обряду или на другие ритуальные услуги церкви. Церковная иерархия запретила вход в кафедральный собор членам правительства.

Осенью 1857 г. клерикальный наемник генерал Сулоага (в прошлом кассир игорного дома) поднял мятеж против правительства. Клерикалам удалось перетянуть на свою сторону Комонфорта. Сулоага захватил столицу. Многие депутаты конгресса бежали в Керетаро, где низложили Комонфорта и провозгласили временным президентом Бенито Хуареса. Новый президент перевел правительство в город Веракрус, откуда повел борьбу против мятежников, укрепившихся в Мехико. Так началась спровоцированная реакцией во главе с церковью кровопролитная гражданская война, известная под именем войны за "реформу". Под "реформой" подразумевалась прогрессивная законодательная деятельность правительства Хуареса. Она длилась три года и закончилась полной победой прогрессивных сил, возглавляемых Хуаресом.

В 1859 и 1860 гг. правительство Хуареса, находясь в Веракрусе, издало ряд законов, дополняющих конституционные статьи о свободе совести. 12 июля 1859 г. был издан закон, отделявший церковь от государства, вся церковная собственность национализировалась, запрещались монашеские ордена и конгрегации, книги и произведения искусства подлежали изъятию из монастырей и передаче государственным библиотекам и музеям. Были приняты законы о гражданском браке, о гражданской регистрации рождений и смерти, о секуляризации кладбищ, о сокращении числа признанных государством религиозных праздников и о свободе культов. В 1864 г. эти законы были включены в конституцию.

Вскоре клерикальная контрреволюция была разгромлена, и правительство Хуареса вступило в столицу, откуда немедленно были высланы папский нунций, архиепископ Гарсиа-и-Бальестерос и четыре епископа, скомпрометировавшие себя поддержкой мятежников. Прогрессивные реформы Хуареса пользовались поддержкой мексиканского народа. За них высказывались даже некоторые патриотически настроенные представители духовенства. Однако церковные власти и папский престол объявили войну Хуаресу.

Пий IX предал анафеме всех мексиканских государственных деятелей, имевших отношение к выработке и провозглашению указанных законов. Он объявил их "пустыми и несуществующими" и "не имеющими ценности". В своем заявлении папа римский метал громы и молнии также против тех священников, которые поддерживали президента Хуареса.

Не найдя опоры внутри страны, клерикальная реакция предложила свои услуги иностранным интервентам. Теперь Мексике угрожал Наполеон III. Действуя в согласии с ним, клерикалы предложили корону Мексики австрийскому эрцгерцогу Максимилиану. По дороге в Мексику эрцгерцог посетил Рим и встретился с Пием IX, который благословил его и обещал поддержку церкви, не преминув напомнить, что ожидает возвращения церкви конфискованного Хуаресом имущества. Поддерживаемый французским экспедиционным корпусом, Максимилиан вскоре высадился в Мексике, где был провозглашен императором. Он образовал марионеточное правительство- регентский совет, в который вошел Лабастида, архиепископ Мексики. 31 мая 1860 г. Хуарес вновь вынужден был оставить столицу.

Высшее духовенство встречало иностранных захватчиков колокольным звоном и торжественными молебнами. Только отдельные священники присоединились к Хуаресу и участвовали в борьбе с интервентами и их мексиканскими агентами.

Однако надежды клерикалов на поддержку со стороны французов и Максимилиана не вполне оправдались. Французы и Максимилиан понимали, что возвращение собственности и привилегий церкви удвоило бы ненависть населения к ним. Максимилиан пытался заручиться сотрудничеством умеренных либералов. В 1864 г. в Мексику прибыл папский нунций Мелиа для заключения конкордата. Мелиа потребовал от Максимилиана восстановить церковные привилегии и возвратить церкви ранее распроданное имущество. Максимилиан отказался. Мелиа пробыл в Мексике год, безуспешно пытаясь переубедить эрцгерцога. В 1865 г. Мелиа ни с чем покинул Мексику.

Этими маневрами Максимилиану не удалось завоевать доверие мексиканского народа. Патриоты сплотились вокруг Хуареса и вели беспощадную войну против завоевателей. Когда Максимилиан понял, что ему не переманить на свою сторону либералов, он вновь кинулся в объятия церкви и клерикалов и развязал при их поддержке террор против патриотов. Но ничто

уже не могло спасти ставленника Наполеона III, французский экспедиционный корпус и продавшихся интервентам реакционеров. Весь мексиканский народ встал на сторону Хуареса. В 1867 г. остатки разбитых интервентов с позором бежали из Мексики. Максимилиан направил свою жену, императрицу Шарлотту, в Европу просить помощи. Но Наполеон III категорически отказался продолжать мексиканскую авантюру. Шарлотта обратилась к Пию IX. Он не смог ей дать ничего, кроме своего благословения. Разъяренная Шарлотта набросилась на папу с упреками и обвинениями в коварстве и неискренности. Папа пытался ее успокоить. Тщетно. Шарлотта сошла с ума. Только на следующий день ее удалось удалить из Ватикана и поместить в больницу для душевнобольных.

Тем временем Максимилиан был взят патриотами в плен и расстрелян. В том же году Хуарес вновь возвратился в столицу.

Десятилетняя кровопролитная гражданская война и борьба с интервентами сильно истощили страну. В 1872 г. умер Хуарес, не успев осуществить всех намеченных им преобразований. Четыре года спустя генерал Порфирио Диас, за спиной которого стояли новые помещики, дельцы и спекулянты, капиталисты и банкиры, захватил в свои руки власть и установил диктатуру, длившуюся почти 35 лет. Диас широко открыл двери иностранному капиталу. В период диктатуры Диаса американские монополии захватили в свои руки мексиканскую нефть и огромные пространства земли. Диктатуру Диаса поддержала церковь в надежде, что он восстановит ее былое влияние.

Острые конфликты между церковью и государством во время понтификата Пия IX происходили также в Бразилии, Эквадоре, Венесуэле и других республиках Латинской Америки.

Когда папский престол лишился светской власти, то на призыв Пия IX ко всем католическим правителям о солидарности и поддержке откликнулся только эквадорский тиран Габриэль Гарсия Морено. Гарсия Морено обещал папе денежную помощь, порвал дипломатические отношения с Италией, а Франции в благодарность за оказанную поддержку Пию IX предложил объявить Эквадор своим владением. Наполеон III не смог воспользоваться этим предложением, оно дошло до него, когда он уже был низложен с императорского трона. Вскоре и сам Гарсия Морено был свергнут и убит возмущенными его изуверской политикой эквадорцами. Гарсия Морено на протяжении многих десятилетий почитался в Ватикане как один из благодетелей католической церкви. При Пии XII его большой портрет все еще украшал кабинет статс-секретаря.

Создатель современного папства?

Пий IX за годы своего правления заслужил сомнительную славу отъявленного ретрограда, врага итальянского государства, который жил идеями и понятиями, характерными для средневековой церкви. При нем папский престол растерял остатки своего былого величия, утратил светскую власть, лишился какого-либо влияния в международных делах.

В результате почти 32-летнего правления Пия IX папство и католическая церковь потерпели целую серию серьезных поражений как на идеологическом, так и дипломатическом фронтах. Опубликование "Силлабуса" и провозглашение догмата о непогрешимости папы на Первом Ватиканском соборе оттолкнули от церкви широкие слои либеральной интеллигенции. Не могли простить папству отчаянного сопротивления объединению Италии патриоты этой страны. Бурные конфликты между государством и церковью имели место в период понтификата Пия IX в Германии, Швейцарии, Мексике, Бразилии, Эквадоре, Венесуэле. Были прерваны дипломатические отношения с Россией. Во Франции, Бельгии, Испании находившиеся у власти антиклерикальные буржуазные партии выступали за отделение церкви от государства.

Отвернулись от церкви рабочие, в первую очередь в крупных промышленных центрах. Потерю церковью рабочего класса Пий XI назовет со временем "скандалом XIX века". Попытки христианских социалистов, клерикальных социальных реформистов привлечь на свою сторону трудящихся, разоблаченные еще К. Марксом и Ф. Энгельсом в "Коммунистическом манифесте", успеха не имели. С одной стороны, уж слишком очевидной была связь этих реформаторов с интересами реакции, чтобы можно было поверить в искренность их

намерений, с другой - не доверял им и сам Пий IX, считая, что своей социальной демагогией они не только не препятствовали революции, но, наоборот, способствовали ее успеху.

Большое недовольство вызвала обскурантистская политика Пия IX и в рядах самого духовенства. Лишенное в ряде стран традиционного официального покровительства, духовенство стало быстро терять почву под ногами, все больше изолируясь от широких масс верующих. Таким образом, создавалась атмосфера для будущих оппозиционных, "еретических" течений, стремившихся найти выход из тупика, в который зашла церковь, следуя твердолобому курсу Пия IX.

Хотя факты убедительно показывали, что этот курс терпел одно поражение за другим, Пий IX продолжал неуклонно его придерживаться, считая себя непогрешимым как в вопросах веры, так и в политических делах.

Двойственным было отношение папы к буржуазии. Он и ненавидел ее, ибо считал виновной в лишении его светской власти и в своем "затворничестве" в Ватикане. Он и завидовал ей, наблюдая, как она накапливает земные блага, как растет ее могущество и влияние. Он и желал, правда втайне, установить с нею союз в борьбе против общего врага - грядущей революции.

Английский историк И. Хэйлс называет Пия IX "создателем современного папства". На первый взгляд такое мнение может показаться парадоксальным, необоснованным. Действительно, Пий IX поборник феодальных прав папства, автор "Силлабуса" и догмата о папской непогрешимости,- может ли он претендовать на роль создателя современного папства?

Да, может. Дело в том, что основные черты ватиканской политики, выкристаллизовавшиеся при Пии IX, наложили свой отпечаток на последующую деятельность Ватикана. Это, во-первых, враждебность к коммунизму, социализму, рабочему и национально-освободительному движению. Во-вторых, стремление изменить соотношение политических сил в Италии в пользу крайней реакции. В-третьих, резко отрицательное отношение к отделению церкви от государства. В-четвертых, содействие созданию в международном плане реакционных блоков, направленных на подавление прогрессивных движений. В-пятых, резко отрицательное отношение к научному прогрессу, стремление всячески преуменьшить значение научных открытий. В-шестых, политика отлучений и анафем в адрес церковных и католических деятелей, выступающих с критикой реакционных установок Ватикана.

Преемники Пия IX до Второго Ватиканского собора развивали эти черты ватиканской политики, но не являлись их изобретателями. Родоначальником этого курса был папа Мастай-Ферретти. Поэтому в известной степени именно его можно считать "создателем современного папства".

НА РУБЕЖЕ

Х1Х и ХХ вв.

ЛЕВ XIII, ИЛИ "ПОДМАСТЕРЬЕ ДЬЯВОЛА"

Виченцо Джоакино Раффаэле Луиджи Печчи, граф, родился в 1810 г. в Карпьенто. Важнейшие посты в церкви: нунций в Бельгии, епископ, кардинал, избран папой 20 февраля 1878 г., принял имя Льва XIII. Прозвище "Кощей бессмертный". Повернул католическую церковь на путь сотрудничества с капитализмом, сторонник активного участия католиков в политической жизни. Автор первой социальной энциклики "Rerum Novarum" ("О новых вещах"), осуждавшей социализм и проповедовавшей классовое сотрудничество. Добивался укрепления связей с правительствами великих держав в ущерб Италии. Умер 20 июля 1903 г.

"Папа действительно мертв"

В первых числах февраля 1878 г. Пий IX заболел. Врачи констатировали у "высокочтимого больного" (augusto infermo) воспаление легких. Были применены различные средства лечения, но безрезультатно. 7 февраля папа лишился сознания и несколько часов спустя скончался. Председатель кардинальской коллегии - камерленго Джоакино Печчи - совершил над усопшим традиционный обряд: трижды стукнул его по лбу серебряным молоточком и, громко назвав по имени, данному ему при крещении, потребовал откликнуться. Пий IX не отозвался. Тогда камерленго произнес сакраментальную фразу:

- Папа действительно мертв!

И хотя это не было неожиданностью для прелатов курии, тем не менее смерть Пия IX произвела на них глубокое впечатление. Ведь с его кончиной заканчивалась целая эпоха в истории папства.

Похороны папы готовятся обычно с момента его избрания на престол. Папа заранее выбирает себе место захоронения, как правило, в одном из подземелий собора св. Петра или собора св. Лаврентия. Заранее заготавливаются по его росту три гроба - из кипариса, олова и бронзы, мраморная надгробная плита с надписью, на которой отсутствует только дата смерти; похоронная речь на пергаменте и черный кожаный футляр для нее, который затем вкладывается в гроб, как и мешок из красного сафьяна с монетами и медалями, отчеканенными во время истекшего понтификата. Отрабатываются заранее и все другие детали, ибо умершего папу спешат похоронить, чтобы перейти к более важному мероприятию-избранию нового главы католической церкви.

В прошлом похороны папы обставлялись исключительно торжественно и даже пышно. На них съезжались представители и члены царствующих домов с многочисленной свитой. Рассказывают, что в 1758 г. французское посольство во главе с графом Франсуа де Рошенуаром явилось на похороны папы Климентия XIII в 600 каретах, которые, прежде чем прибыть к собору св. Петра, проехали по Риму, произведя ошеломляющее впечатление на запрудивших улицы зевак и паломников.

Захоронить Пия IX, соблюдая традиционный пышный ритуал, оказалось не так-то просто. Хотя он завещал погрести его в базилике св. Лаврентия, расположенной в нескольких километрах от апостолического дворца, кардиналы, учитывая ненависть к нему римлян, решили не рисковать и оставить его гроб до лучших времен в подземелье собора св. Петра. Только три года спустя-13 июля 1881 г.-ватиканские власти наконец осмелились перевезти глубокой ночью и без всякой помпы гроб с останками Пия IX в базилику св. Лаврентия. Римляне узнали об этом, напали на траурный кортеж и попытались сбросить гроб покойного папы в Тибр. Папским гвардейцам с большим трудом удалось отбить гроб у разъяренной толпы и доставить его по назначению. Но и там останки Мастай-Ферретти не обрели вечного покоя. Во вторую мировую войну в один из авиационных налетов на Рим гробница папы Мастай-Ферретти была буквально стерта с лица земли.

Пий IX просидел на папском престоле 31 год и 7 месяцев, побив все рекорды своих предшественников по длительности срока пребывания на этом посту.

Недовольство и разочарование политикой Пия IX проникли даже в само окружение папы. Как отмечает прогрессивный итальянский публицист Дж. Канделоро, "в последние годы пребывания на престоле Пия IX, как это было и в последние годы понтификата Григория XVI, в ватиканских кругах все больше начинали понимать, что непримиримая политика, проводимая Ватиканом во всем и по отношению ко всем, потеряла всякое значение и необходимо искать новые пути". Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии.

Следует ли удивляться, что кончина Пия IX была воспринята со вздохом облегчения не только его противниками, но и его окружением-прелатами курии. Эти настроения не могли не отразиться на конклаве, избиравшем преемника Пия IX.

Тайны конклава.

В средние века выборы пап протекали бурно и нередко длились неделями, а то и месяцами. Кандидаты в папы покупали голоса кардиналов за баснословные суммы. Кандидатов поддерживали императоры, короли, местные феодалы, банкиры. Иногда на конклаве происходил раскол. Часть кардиналов отказывалась повиноваться новому папе и провозглашала папой другого кандидата. Если тому удавалось низложить своего конкурента и подчинить себе церковное правительство-римскую курию, он становился законным папой.

В XIII в. был случай, когда кардиналы, принимавшие участие в конклаве, заседавшем в Витебро (одном из городков римской области Велетри), не смогли договориться об избрании нового папы в течение двух лет и девяти месяцев (с ноября 1268 г. по сентябрь 1271 г.). Поведение кардиналов вызвало возмущение верующих, которые закрыли "владык" на замок (лат. con clave) во дворце и предупредили их, что они останутся там до тех пор, пока не изберут нового папу. Кардиналы продолжали между собой спорить и препекаться. Тогда жители Витебро сорвали с дворца крышу, а участников конклава посадили на хлеб и воду.

Время было зимнее. Вскоре холод и голод заставили кардиналов договориться и был избран папа- Григорий X.

Чтобы заставить кардиналов поскорей избирать папу, Григорий X издал в 1274 г. особый закон о конклаве, который с небольшими изменениями сохранился по сей день.

Согласно этому закону, конклав следует созвать на десятый день после смерти папы. Десять дней церковь обязана соблюдать траур. За это время нужно похоронить папу в городе, в котором он умер. Конклаву надлежит собраться в здании, служившем резиденцией покойному папе. Кардиналы замуровываются на время конклава в отведенном для них помещении. Каждому кардиналу для отдыха отводится только одна комната. Если по истечении трех дней кардиналы не изберут папу, то количество блюд сокращается им до одного на следующие пять дней. Если и после этого срока папа не будет избран, то кардиналы остаются на хлебе и воде до тех пор, пока выборы папы не состоятся. В задачу конклава входит только избрание папы, он не полномочен решать какие-либо другие вопросы.

В период между смертью папы и избранием нового (этот период называется sede vacante- незанятый трон) вся деятельность римской курии приостанавливается, покои покойного папы опечатываются, а казна передается на хранение председателю кардинальской коллегии-камерленго, который без согласия конклава не вправе ею распоряжаться.

В конклаве имеют право участвовать все кардиналы, даже те из них, кто ранее был отлучен от церкви. Для избрания папы необходимо набрать не менее 2/3 голосов кардиналов, участвующих в конклаве. Папой может быть избран любой из кардиналов, присутствующих на конклаве или отсутствующих, или любое другое лицо. Следовательно, теоретически папой может стать не только кардинал или рядовой священник, но и мирянин.

Участникам конклава запрещается давать обещания, брать на себя обязательства, заключать союзы и какие-либо сделки с целью заручиться поддержкой в пользу определенной кандидатуры. Все подобные сделки незаконны.

В XV в. по распоряжению папы Каликста III выборы папы стали совершаться в Ватикане, в левом крыле апостолического дворца, там, где находится Сикстинская капелла, расписанная великим Микеланджело. Каждый из кардиналов имеет право взять с собой на конклав двух помощников - одного клирика и одного мирянина, а также врача и другой медицинский персонал, если в таковом нуждается. Кроме того, в покоях, где заседает конклав, присутствуют несколько десятков человек обслуживающего персонала: официанты, повара и т. п. Всего в покоях, где заседает конклав, находится около 300 человек. Когда все участники конклава в сборе, камерленго обходит помещение с возгласом: "Extra omnes!" ("Лишних прошу выйти вон!") После этого помещение замуровывается. Строжайше запрещено передавать "на волю" какие-либо сведения письменно, устно или знаками. Теперь кардиналы могут сообщаться с внешним миром только через приспособление, именуемое "руота" (колесо),- деревянный круг с закрытыми ячейками. Он сконструирован так, чтобы люди, стоящие по обе стороны дверей, не могли видеть друг друга. Через "руоту" каждое утро передаются "с воли" для участников конклава свежие продукты, овощи, фрукты, медикаменты. Газеты передавать запрещено, ибо они могут оказать влияние на конклавистов. В наши дни участникам конклава запрещено иметь при себе радиоприемники, магнитофоны, радиопередатчики, кино- и фотоаппаратуру, аппаратуру для микрофильмирования, телевизоры. За нарушение правил виновные караются отлучением от церкви.

В Сикстинской капелле устанавливаются для участников конклава "троны" кресла, обтянутые красным бархатом. Перед каждым из них небольшой стол с фиолетовым покрывалом. Над креслами укреплены фиолетовые балдахины, которые опускаются после избрания папы: неспущенным остается только балдахин над креслом вновь избранного. Перед алтарем капеллы стол, покрытый зеленым покрывалом, на котором стоит золотой кубок, служащий урной для бюллетеней. Здесь же установлена чугунная печка для сжигания бюллетеней. Бюллетень-полоска плотной бумаги с загнутым краем. На прикрытой его части- фамилия и герб голосующего кардинала, дата. Для избрания папы теперь требуется 2/3 голосов плюс 1. Для подсчета голосов избирается счетная комиссия.

Ежедневно происходят два тура голосования-утром и вечером. После каждого голосования бюллетени сжигаются в присутствии кардиналов. Если никто из кандидатов не

получил необходимого для избрания в папы большинства, то к горящим бюллетеням подкладывают сырую солому и паклю, и тогда из трубы на крыше валит черный дым ("сфумата")-сигнал для собравшихся на площади св. Петра журналистов и любопытных, что папа еще не избран. Если же выборы завершаются избранием папы, то бюллетени сжигаются с сухой белой соломой, хранящейся в специальных бутылях, и тогда из трубы валит белый дым, возвещающий о том, что кардиналы договорились и новый глава католической церкви вскоре будет объявлен.

Получившему большинство голосов кандидату в папы полагается проявить скромность, пасть ниц перед своими избирателями, заверить их, что выбор пал на недостойного и отказаться от столь высокой чести. Но подобную скромность следует проявлять в меру.

История более чем 200 конклавов позволяет достаточно уверенно воссоздать психологическую атмосферу, в которой собираются князья церкви. Пожалуй, можно утверждать, что многие приемы парламентской игры, маневры по созданию непредвиденных коалиций, уловки, приводящие к избранию кандидата"сюрприза", распространенные во всех западных парламентах, были изобретены именно за замурованными дверьми конклавов.

В тех случаях, когда кардиналы разбиты на четкие группировки, обычно никогда не избирается лицо, явно принадлежащее к одному из течений, и проходит компромиссный кандидат-"серая лошадка",-который удовлетворяет соперничающие группировки.

За многовековую историю Ватикана всякое случалось на конклавах-собраниях кардиналов, избиравших главу католической церкви. На папский трон возводились люди жестокие и безвольные, глупые и хитрые, властолюбивые и тщеславные, образованные и неучи, молодые и старцы, итальянцы и иностранцы. Из 263 пап, которые официально числятся в списках Ватикана, 95 были неитальянского происхождения. Среди них: 15 французов, 6 немцев, 5 сирийцев, 2 еврея, в том числе мифический первый папа - Петр.

Часто, казалось бы, наиболее вероятные кандидаты на пост папы на конклаве терпят фиаско. Существует даже пословица по этому поводу: тот, кто входит папой на конклав, выходит из него кардиналом. Как правило, папу избирают в результате сговора различных группировок, в руках которых находится контроль церковного аппарата-римской курии.

В прошлом пап избирали главным образом из самых престарелых кардиналов с расчетом, чтобы они не задерживались слишком долго на своем посту.

В начале XX в. один из современников так описывал "проблему возраста" пап: "Долголетие папы вовсе не является достоинством в глазах Ватикана... Кардиналы, и среди них "папабили", находятся в том возрасте, когда нет времени долго ждать. И чересчур продолжительный понтификат разрушает много честолюбивых надежд. При продолжительном понтификате в Ватикане не происходит никакого "движения". Все лучшие, самые почетные и выгодные должности заняты родственниками папы. Родственники "папабилей" ждут, живут "в тени", стареют, теряют надежды. Из окружающих папу, кроме его семьи, слишком затянувшийся понтификат никому не может нравиться. Отсюда те легенды, которые окружают Ватикан,-легенды о папах, которых в прежние времена будто бы умерщвляли, если они жили слишком долго. Сколько в этих старых легендах правды, знают, конечно, только ватиканские архивы".

После того как камерленго сообщает фамилию избранного папы, он спрашивает его:

"Согласен ли ты с избранием тебя на должность верховного понтифика?" ("Acceptasne electionem de te canonice factum in Summum Pontificem?") Как правило, избранный соглашается. Тогда камерленго спрашивает его, каким именем он желает назваться ("Quo nomine vis vocari?").

Изменение имени после избрания вошло в обычай в средние века после избрания папой одного епископа, имя которого звучало весьма неприлично. Папа может выбрать себе любое имя, но, как правило, в последние столетия прибегают только к уже использованным папами именам, выбирая среди них такое, которое символизирует определенный курс, придерживаться коего намерен новый понтифик. Только одно имя, Петр, принадлежавшее легендарному апостолу и первому папе, не повторяется в папском реестре. Считается, что тот папа, кто отважится присвоить себе это имя, будет последним.

Затем наступает церемония облачения избранника в папские одежды и акт поклонения-адорация, когда кардиналы по очереди подходят к новому папе, прикладываются к его стопе, перстню с изображением рыбы - символа первоначальных христиан - и к устам.

Потом все кардиналы с папой выходят на балкон собора св. Петра, с которого камерленго сообщает имя нового папы: "Объявляю вам славную весть-у нас есть папа (имярек)!" ("Nuntio vobis gaudium magnum-ha-bemus Papam!") -и представляет его народу, а папа совершает благословение "города и мира" "urbi et orbi".

Несколько дней спустя происходит официальная коронация папы.

"Подмастерье дьявола".

Смерть Пия IX вызвала, с одной стороны, радость в ватиканских кругах, с другой-определенную растерянность и чувство неуверенности. Ведь теперь впервые предстояло избрать папу в условиях, когда Рим находился в руках "врага" - итальянского светского государства. Некоторые кардиналы предлагали созвать конклав за рубежом, использовать его для новой демонстрации против итальянского правительства. Но последнее предупредило Ватикан, что если это произойдет, то оно не пустит нового папу в Италию. Кардиналам пришлось смириться и собрать конклав в Ватикане, или "папской тюрьме", как называл его покойный Пий IX.

Конклав недолго находился "под ключом". На второй день его заседания, то есть спустя 36 часов после открытия конклава, белый дым из трубы апостолического дворца известил жителей Рима, что новый папа избран. Им стал кардинал Виченцо Джоакино Раффаэле Луиджи Печчи. Он, как и его предшественник, происходил из итальянской аристократической семьи, что импонировало ватиканской верхушке. С другой стороны, он являлся выразителем интересов и стремлений тех церковных кругов, которые выступали за изменение курса Пия IX и откровенно ратовали за компромисс с буржуазией. Кардинал Феррата писал в своих воспоминаниях, что Печчи стремился примирить веру с разумом, церковь с обществом, папство с правительствами республиканской Франции и кайзеровской Германии.

Окончив дипломатическую академию дворянских священников, Джоакино Печчи некоторое время работал в статс-секретариате, затем занимал в течение ряда лет пост нунция в Бельгии, что привило ему вкус к дипломатической деятельности. Деятельность бельгийских церковников на профсоюзном и политическом поприще убедила его в том, что только таким путем церковь сможет добиться успеха в борьбе против социалистов и других прогрессивных сил. Печчи стал сторонником сближения с правительствами крупнейших европейских держав, главным образом с государственными группировками, выступавшими в той или иной мере против Италии, ослабление которой, по его мнению, было необходимой предпосылкой "возрождения" папства. Он мечтал о распаде итальянского государства на федерацию маленьких республик, возглавляемую папой римским.

В 1846 г. Печчи был назначен архиепископом Перуджи. Его епархия была главным театром военных действий во время борьбы за объединение Италии. Стремясь заручиться симпатиями прихожан, Печчи выдавал себя за поборника научного прогресса, осужденного "Силлабусом". Злые языки говорили, что он превратил архиепископский дворец Перуджи в "Антиватикан". Таким образом, его кандидатура была приемлема для церковных иерархов, жаждавших перемен в политике церкви.

В момент своего избрания на папский престол Печчи выглядел весьма хилым и довольно дряхлым для своих 68 лет. Правая рука его постоянно дрожала. Говорили, что это результат частых кровопусканий, с помощью которых он лечился от хронической мигрени. Сам он заявлял, что если его изберут папой, то не пройдет и года, как кардинальской коллегии придется вновь поработать, чтобы подыскать ему преемника. Однако надежды кардинальской коллегии на кратковременность понтификата Льва XIII не оправдались. Он просидел на папском престоле 25 лет, издав за этот отрезок времени рекордное количество энциклик-свыше 60!

Печчи неплохо говорил по-французски и по-немецки, что позволило ему общаться без лишних свидетелей с зарубежными дипломатами. Внешне он походил на Вольтера, чем немало гордился. Он был страстным любителем нюхательного табака, крошками которого была всегда обильно усыпана его белая папская сутана. Но главной его страстью были разного

рода торговые операции и игра в высокую дипломатию, церковные же апологеты создали ему славу социального реформатора, "великого папы рабочих", хотя это меньше всего соответствовало его намерениям и его человеческим качествам. Его презрение к простым людям было столь велико, что, как утверждали старожилы Ватикана, Лев XIII за 25 лет своего "святейшества" ни разу не поздоровался со своим кучером. Он обожал придворную помпу. Его выходы и приемы обставлялись с театральной пышностью, его всегда окружали десятки прелатов и гвардейцев.

При избрании папой Печчи назвался Львом XIII. Это имя, с одной стороны, говорило о том, что он намерен отойти от политики Пия IX, а с другой,- что он будет стойко защищать интересы церкви, как это делали предшествовавшие ему средневековые папы, носители того же имени, поборники преобладания духовной власти над светской.

Обычно нового папу выносили на балкон собора св. Петра, с которого он благословлял верующих "города и мира", собравшихся на соборной площади. Так было и при Пии IX. Но папа Мастай-Ферретти провозгласил себя "узником Ватикана", и Лев XIII решил последовать его примеру. Соответственно он распорядился отнести его на другой балкон, выходящий не на площадь, а во внутренний двор ватиканского дворца.

Новый папа сразу же показал свой крутой нрав, лишив швейцарскую гвардию так называемого "откупа". В средние века существовал обычай, согласно которому со смертью папы населению Рима разрешалось грабить папский дворец. Толпа врывалась в папские покои и уносила все, что попадалось под руку: личные вещи покойного папы, произведения искусства и прочие предметы. В этом грабеже участвовали и приближенные папы, в том числе швейцарские гвардейцы. В начале XIX в. этот обычай был заменен "откупом" - крупной суммой, которой одаривал швейцарскую гвардию вновь избранный наместник Петра. Взамен гвардейцы обеспечивали сохранность папских покоев. Лев XIII отменил "откуп", чем вызвал недовольство гвардейцев. Они стали угрожать бунтом. Лев XIII уволил их командира. Гвардейцы смирились, но о новом папе стали говорить как о скряге.

Действительно, Лев XIII, впрочем как и многие его предшественники, был более чем неравнодушен к "золотому тельцу". Перебравшись в апостолический дворец, он поспешил распорядиться, чтобы в его спальне был установлен огромный несгораемый шкаф, в котором "наместник бога" держал акции и другие ценные бумаги-австрийские, баварские, французские, бельгийские. Вскоре одного несгораемого шкафа оказалось мало, и папа приказал установить второй. Лавры финансового дельца привлекали, видимо, его больше, чем подвиги на ниве господней. "Лев XIII всегда прекрасно был информирован о биржевых курсах,вспоминал знавший его лично французский журналист Жозеф Гальтье.- Могу подтвердить, что папа часто консультировался по этому поводу с г-ном Эрнестом Пачелли, городским советником Рима, и председателем административного совета "Банка ди Рома"".

Существующий и поныне ватиканский "Банка ди Рома" был учрежден по инициативе Льва XIII в 1880 г. Во главе этого учреждения кроме упомянутого выше дяди будущего папы Пия XII стояли князья Бонкомпаньи и Роспильоси, маркизы Саккетти и Теодоли и другие видные представители "черной" аристократии. Вместе с ними действовал Ромуло Титони, брат министра, члена итальянского правительства, которому был подарен пакет акций. Участие Титони в руководстве "Банка ди Рома" способствовало срастанию финансовых интересов Ватикана и итальянской буржуазии. "Банка ди Рома" стал заниматься биржевыми спекуляциями, фокусируя свои интересы на Ближнем и Среднем Востоке. В этот же период (80-90-е годы) возникали в Италии по инициативе Ватикана, как грибы после дождя, многочисленные ссудные кассы и различного рода ростовщические и спекулятивные организации.

При Льве XIII широкий размах получила деятельность Ватикана в области страхования. В конце прошлого столетия ватиканские доверенные лица учреждали по всей Италии компании по страхованию от огня, града и других стихийных бедствий, от несчастных случаев и т. п. Ватиканские дельцы, используя суеверия и религиозные предрассудки своих клиентов, убеждали их, что при страховании в католических компаниях они могут рассчитывать на покровительство бога и тем самым надежнее обеспечить себя от разных напастей, чем при страховании в компаниях, не связанных с церковью.

Неприязнь Льва XIII к итальянскому государству не помешала ему воспользоваться благоприятной конъюнктурой в связи с бурным ростом Рима после провозглашения его столицей Италии. Кроме уже упомянутых нами акционерных обществ по эксплуатации водопровода, газа и электричества в годы понтификата Льва XIII возникли ватиканские трамвайные и мукомольные компании- "Сочьета пер ле транвие е льи омнибус" и "Сочьета молини пантанелла" (последнее общество существует по сей день, являясь собственностью семьи Пачелли). В 90-х годах "Пантанелла" диктовала цены на хлеб в Риме. Орган социалистической партии "Аванти!" писал в 1897 г.: "Господа граф Эдуардо Содерини, Эрнесто Пачелли и их друзья из "Банка ди Рома", получив при поддержке кардинала Рамполлы и соответственно с согласия Льва XIII крупную сумму "гроша св. Петра" с поручением реализовать ее, скупают все мельницы Рима. С момента, когда упомянутые господа добились монопольного владения мельницами, цена на муку, а следовательно, и на хлеб повысилась".

Лев XIII учредил своего рода министерство финансов - Управление имуществом Ватикана, к руководству которым был привлечен один из видных представителей "черной" аристократии-князь Карло Пачелли. Лев XIII несколько модернизировал ватиканскую канцелярию, отменив обязательную шифровку папских энциклик и других документов, которые, согласно средневековой традиции, после их одобрения папой и в целях сохранения секрета переписывались так называемыми шифрами булл и св. Петра (litera bullatica, litera Sancti Petri). При этом слова подвергались произвольному сокращению, иногда заменялись условными обозначениями, отсутствовали знаки препинания. Зашифрованный таким образом текст мог быть прочитан только специалистом.

В качестве курьеза следует отметить, что тайный архив папы, в котором хранились оригиналы папских булл и другая важная переписка, находился на попечении специальных хранителей-монахов. Чтобы хранители не могли ознакомиться с текстами папских документов, их подбирали из числа не умеющих читать и писать, и в списках папских служащих они числились как "fratres analphabeti"-"неграмотные братья". При Льве XIII их стали называть "бородатыми братцами", так как по традиции они носили бороды.

И все же Лев XIII во многом оставался верен средневековым традициям. Верующие на папских приемах были обязаны встречать главу католической церкви коленопреклоненными. Лев XIII, как и его предшественники, являлся закоренелым непотистом - покровительствовал своим "непотам" - племянникам и другим родственникам. Своего брата Джузеппе, ничем не примечательного священника, он назначил кардиналом, племянники Людовико и Рикардо стали при нем тайными камергерами, племянник Камилло получил чин полковника папской дворянской гвардии и был поставлен во главе дворцовой стражи. Даже настоятелем собора св. Петра Лев XIII назначил одного из своих племянников. Его родственник Станислао Печчи получил графский титул и пост директора Римской сберегательной кассы. Впоследствии он стал представлять в Италии американский концерн "Оливер бразерс корпорэйшн".

"Уходите из ризниц в народ!"

Лев XIII был сторонником самого активного участия католиков в политической жизни, в особенности в странах, где католическую религию исповедовало большинство населения. Отстаивая в своих энцикликах средневековую доктрину о божественном происхождении верховной власти и отдавая предпочтение абсолютистской монархической форме правления, папа Печчи тем не менее допускал возможность сотрудничества с парламентскими и даже республиканскими режимами при условии, чтобы, как отмечалось в энциклике "Libertas" ("Свобода") от 20 июля 1888 г., "не были нарушены ничьи права и главным образом, чтобы были учтены интересы церкви". "Уходите из ризниц в народ!"-таков был один из излюбленных призывов Льва XIII к духовенству. Он поощрял создание католических профсоюзов, выступавших с позиций классового сотрудничества, и различного рода светских клерикальных организаций.

При Льве XIII в Германии, Австро-Венгрии, Бельгии клерикалам удалось создать влиятельные массовые политические организации.

Меньший успех имели клерикалы во Франции, где большинство из них выступало с крайне правых, враждебных республиканскому строю позиций и где скандальное дело Дрейфуса (1894) и антисемитизм сильно подорвали их влияние на верующую массу.

Льву XIII от его предшественника достался конфликт с Германией, где Бисмарк стал осуществлять политику отделения церкви от государства под флагом "культуркампфа". Бисмарк надеялся, что такая политика поможет ему сломить своего политического соперника в лице клерикальной партии Центра.

На практике получилось иначе. "Такой борьбой,- писал В. И. Ленин,Бисмарк только укрепил воинствующий клерикализм католиков, только повредил делу действительной культуры, ибо выдвинул на первый план религиозные деления вместо делений политических..." Духовенство резко протестовало против антиклерикальной политики Бисмарка. На "железного канцлера" сыпались анафемы Пия IX. Бурный рост рабочего движения и социал-демократической партии в Германии заставил как Бисмарка, так и клерикалов искать примирения. Лев XIII всемерно способствовал такому повороту дел. Он, как и Бисмарк, считал, что главный противник-социалисты.

В конце концов 21 апреля 1887 г. Бисмарк отменил все антицерковные законы, снял антиклерикальные ограничения, а 25 мая того же года Лев XIII заявил о примирении с Бисмарком. Согласие и взаимное доверие между германским правительством, с одной стороны, и партией Центра и церковной иерархией-с другой, были восстановлены. Эти силы объединились для борьбы с социалистами, деятельность которых в Германии была запрещена специальным законом в 1878 г.

Лев XIII ликовал. На радостях он наградил Бисмарка высшим ватиканским знаком отличия-орденом Христа. Такой награды впервые удостаивался протестант.

Окончательное примирение Ватикана с Германией совершилось в 1888 г., когда Льва XIII посетил кайзер Вильгельм II. Однако надежды понтифика на то, что ему удастся убедить кайзера во время этого визита высказаться в поддержку восстановления светской власти папы, не оправдались. Вильгельм II, стараясь добиться союза с Италией, не имел намерения покровительствовать папским притязаниям на светскую власть.

Лев XIII продолжал придерживаться линии бойкота итальянского государства, проводившейся Пием IX. На деле это означало союз с реакционными силами страны, а не воздержание от политической деятельности, как то утверждают некоторые либеральные и клерикальные историки. Папа всемерно поощрял развитие в Италии католических организаций, объединенных в "Опера деи конгресси", что позволяло клерикалам и церкви оказывать все возрастающее влияние на политическую жизнь страны.

Следует учитывать, что католическое движение, в особенности в Италии, как и само духовенство, было далеко не однородным. Католики были разбиты на течения: санфедистов, или непримиримых, стоявших на позициях "поп expedit"; умеренных, или сторонников компромисса с итальянским государством, которые были бы не прочь сотрудничать с правыми партиями против социалистов; просто оппортунистов, готовых договориться с любым буржуазным правительством, если из этого можно извлечь какую-либо выгоду; наконец, христианских демократов, тяготевших если не к социализму, то по крайней мере к либеральным лозунгам. Лев XIII при определении своего политического курса не мог не считаться с наличием этих течений, что вынуждало его к политическому лавированию.

Однако во многих других странах буржуазия вовсе не желала делить власть с церковью, что приводило к разрыву отношений с Ватиканом. Так, в период понтификата Льва XIII были разорваны дипломатические отношения папского престола с Аргентиной, Бельгией, Колумбией, Мексикой, Парагваем, сложными были отношения с Португалией, Испанией, Швейцарией, Венесуэлой и другими странами.

Льву XIII пришлось, кроме того, пережить в 1898 г. острый кризис в отношениях с итальянским правительством и, наконец, оставить своему преемнику Пию X решать "французский вопрос", который кончился в конечном итоге поражением клерикалов и отделением во Франции церкви от государства в 1906 г. Европейская буржуазия была готова сотрудничать с Ватиканом для борьбы против социализма и рабочего движения, она стремилась к этому, но при условии, что командовать парадом будет она сама, а не церковь.

Так рассуждала и итальянская буржуазия. Лев XIII тем не менее надеялся, что нарастающая революционная волна заставит правительство рано или поздно просить помощи у церкви. И тогда Ватикан мог бы диктовать условия решения "римского вопроса". Эти

настроения довольно ярко выразил в 1897 г. на съезде "Опера деи конгресси" ее президент маркиз Саккетти. Он предупредил либералов: если они "хотят, чтобы церковь спасла их от социализма, то пусть сперва сдадутся на нашу милость, пусть преклонятся перед знаменем церкви". Итальянское правительство, однако, не думало сдаваться на милость клерикалов.

Сознавая, какой вред авторитету церкви причинил "Силлабус", Лев XIII, не отменяя его, старался представить церковь как друга и даже поборника научного и технического прогресса, покровительницу искусств и ремесел. Наиболее четко эта позиция папы была сформулирована в следующем абзаце его энциклики "Immortale Dei" ("Бессмертный господь") от 1 ноября 1885 г.: "Поскольку нет таких истин в области естествознания, которые могли бы ослабить силу и достоверность дарованного богом учения, а многие из них даже подкрепляют его, и поскольку истинное открытие может лишь помочь лучше познать и прославить всевышнего, то церковь всегда примет с радостью и одобрением все то, что будет способствовать расширению границ знания, и с присущим ей усердием позаботится о том, чтобы поддержать и поощрять наряду с другими науками также и такие, предметом которых является изучение природы. Церковь не будет препятствовать тому, чтобы наука в своих исследованиях совершала новые открытия. Она не будет препятствовать стремлению сделать жизнь отраднее и богаче;

более того, будучи противницей лени и праздности, церковь желает, чтобы талант человека благодаря его труду и знаниям приносил щедрые плоды. Церковь поощряет развитие всякого рода искусств и ремесел; освящая своей высшей добродетелью труд, она делает все возможное, чтобы человек, где бы он ни применял свои способности и свой труд, не забывал о боге и о вечных ценностях". Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии.

Хотя эти возвышенные обещания не подкреплялись практическими действиями, они тем не менее производили впечатление на буржуазных идеологов, усматривавших в них признаки эволюции церкви в сторону прогресса.

Лев XIII убеждал общественное мнение, что религия и наука не только не противоречат друг другу, но взаимно дополняются. Такая позиция церкви полностью устраивала многих буржуазных ученых и одновременно создавала самому Льву XIII ореол покровителя наук. В действительности же церковь боялась успехов науки при Льве XIII не меньше, чем при его предшественниках.

Ересь "американизма"

Весьма сложными при Льве XIII были отношения Ватикана с католической церковью в США. Бурное развитие капитализма в этой заокеанской державе, технический и научный прогресс, отметавший религиозные предрассудки, соперничество с многочисленными протестантскими культами-все это толкало католическую церковь в США на отход от одиозного "Силлабуса", средневековых догм, на союз с крупной монополистической буржуазией.

Кардинал Гиббон, сделавший модной в католических кругах США социальную демагогию и заслуживший похвалу многих американских президентов и миллиардеров, настойчиво проводил курс на превращение католицизма в США в опору существующего строя. Гиббон основал в 1882 г. первую массовую католическую организацию в США- "Рыцари Колумба", действовавшую в противовес рабочей организации "Рыцари труда". Гиббон был одним из тех, кто настойчиво советовал Льву XIII выступить со своей собственной "социальной" программой в противовес "Коммунистическому манифесту". Некоторые историки даже считают Гиббона соавтором энциклики "Рерум новарум". Уже в конце XIX в. влияние католической церкви США как внутри страны, так и при Ватикане настолько возросло, что французский исследователь Макс Леклерк с полным правом мог заявить в 1891 г.: "Теперь энергичный и внушительный голос англосаксов слышен и заставляет себя слушать в руководящих кругах католической церкви. Американская церковь, которая раньше была простым внешним придатком римской церкви, отдаленным и слабо связанным с нею, превратилась в одну из ее основных движущих сил".

В 1893 г. в Чикаго состоялся всемирный конгресс протестантских церквей, в котором приняло участие руководство католической церкви в США. На конгрессе наметилось сближение американских католических иерархов с протестантскими. Это вызвало большое беспокойство в Ватикане.

Лев XIII и его советники опасались, что такой курс может привести американскую церковную иерархию к отходу от Ватикана. В 1899 г. папа направил кардиналу Гиббону энциклику "Testem benevolentiae" ("Свидетель благодеяния"), в которой отмечал, что деятельность американских католических церковников "вызывает подозрение, что среди них имеются священники, планирующие и желающие создать в Америке особую церковь, отличающуюся от существующей в других странах мира". Стремление церковной иерархии США приспособиться к буржуазным нравам, обычаям и традициям Ватикан окрестил "ересью американизма".

Представитель России при Ватикане Н. В. Чарыков писал 14 (26) февраля 1899 г. министру иностранных дел Н. Н. Муравьеву, что "ересь американизма" порождена сомнениями американских прелатов в том, "может ли римско-католическая церковь, являющаяся специфическим продуктом латинской культуры и, в частности, города Рима, основанная на слепом подчинении авторитету и привыкшая опираться на светскую правительственную власть... может ли эта церковь в теперешнем ее виде существовать и преуспевать в Северной Америке, где господствует культура англо-германская, где жизнь общественная и частная основана на свободе и самодеятельности и где церковь совершенно отделена от государства". М. М. Шейнман. Ватикан и католицизм в конце XIX - начале XX в.

"Ересь американизма" могла оказаться заразительной и для европейских католиков. Лев XIII осудил ее. Однако до конфликта с католической церковью США дело не дошло. Ни та, ни другая сторона не были заинтересованы в обострении отношений. Распри закончились компромиссом. Лев XIII разрешил американской церковной иерархии проводить политику приспособленчества к местным условиям, даже выступать с экуменистических позиций - ратовать за объединение всех христианских церквей взамен на беспрекословную поддержку внешнеполитического курса Ватикана. Таков был "дух" папской энциклики, в которой вопрос об "ереси американизма" был решен Львом XIII, по словам русского дипломата Н. В. Чарыкова, "в пользу интересов папства с удивительным остроумием и гибкостью".

Смена хозяина на Кубе.

Сближению Ватикана и США способствовала победа заокеанской республики в войне 1898 г. против Испании, которой предшествовал длительный период борьбы кубинских и филиппинских патриотов за свою независимость.

Обострение отношений между США и Испанией вызвало большое беспокойство в Ватикане, где до последнего момента надеялись на "чудо"-победу Испании над кубинскими и филиппинскими патриотами. Церковь и Ватикан выступали на стороне испанских колонизаторов. Лев XIII, который был крестным отцом престолонаследника Испании (будущего короля Альфонса XIII), опасался, кто потеря Кубы и Филиппин вызовет падение монархического режима в Испании и тем самым нанесет удар влиянию церкви в этой стране. Еще в апреле 1898 г. представитель царского правительства при Ватикане Н. В. Чарыков сообщал в Петербург: "...кардинал Рамполла (статс-секретарь Ватикана.-И. Г.) уже несколько недель тому назад высказывал мне свои опасения относительно возможности войны (США против Испании.-И. Г.) и неминуемой гибели, коей последняя угрожала бы династии в Испании". М. М. Шейнман. Ватикан и католицизм в конце XIX - начале XX в.

Вот почему, когда правительство Германии предложило Ватикану выступить в роли посредника между США и Испанией, Лев XIII охотно согласился с этим предложением и уполномочил американского епископа Джона Айрланда, находившегося в дружеских отношениях с президентом В. Мак-Кинли, предпринять соответствующие шаги. Айрланд встретился с Мак-Кинли, однако убедить президента принять арбитраж Ватикана ему не удалось. Война разразилась. Тогда Лев XIII стал ходатайствовать перед правительством США, чтобы за Испанией были сохранены хотя бы Филиппины, не возражая против захвата Соединенными Штатами Кубы. Посол России в Испании Д. Е. Шевич сообщал в Петербург в августе 1898 г.: в Мадриде "убеждены, что папа, в глазах которого потеря Испанией архипелага (то есть Филиппин.-И. Г.) нанесла бы в то же время чувствительный удар католицизму, деятельно хлопочет теперь в Вашингтоне и в Мадриде ввиду сохранения за Испанией этой колонии с ее восьмимиллионным католическим туземным населением, громадное большинство коего находилось до сих пор под исключительным влиянием монахов...". М. М. Шейнман. Ватикан и католицизм в конце XIX - начале XX в.

Не успели, однако, США разгромить Испанию и оккупировать Кубу и другие испанские владения, как Ватикан стал проявлять угодничество перед Вашингтоном в надежде таким поведением сохранить свои позиции в бывших испанских колониях. В декабре 1898 г. Н. В. Чарыков писал в одном из своих донесений в Петербург, что "американские победы повлекли за собой сближение между Белым домом и Ватиканом".

Такому сближению способствовало и то обстоятельство, что империалистов США открыто и ревностно поддерживала американская католическая церковная иерархия.

Местное католическое духовенство на Кубе, со своей стороны, заискивало перед североамериканскими оккупантами, оказывая им такую же поддержку в борьбе с национально-освободительным движением, как прежде оно оказывало испанцам. Об этом в январе 1899 г. писал из Мадрида в Петербург посол России в Испании Д. Е. Шевич, отмечая, что поведение духовенства на Кубе вызвало возмущение в придворных кругах Испании: "Единственно заботясь о материальных выгодах церкви и будущности духовных корпораций в отторженных от Испании колониях, местное духовенство под влиянием североамериканских католических прелатов, получающих инструкции из Рима, с той минуты как оно убедилось в тщетности усилий Испании сохранить за собой свои колонии, открыто стало на сторону завоевателей... На последней аудиенции, которую я имел у королевы регентши, ее величество не скрыла от меня своего негодования по поводу антипатриотического поведения испанского колониального духовенства, причем изволила сказать мне, что, встретившись на днях с папским нунцием, она сказала ему "все свое негодование"". М. М. Шейнман. Ватикан и католицизм в конце XIX - начале XX в.

В начале 1899 г. американские оккупационные власти на Кубе в надежде заручиться симпатиями кубинской общественности, возмущенной поддержкой духовенством колонизаторов, декретировали отделение церкви от государства и ввели гражданский брак как единственно законный, что соответствовало программе кубинских патриотов - борцов за независимость. Казалось, что этими действиями влиянию католической церкви на острове нанесен серьезный удар.

Однако с назначением в декабре 1899 г. на пост военного губернатора Кубы американского генерала Леонарда Вуда оккупационные власти стали демонстративно оказывать покровительство католическому духовенству и делать все от них зависящее, чтобы поднять его авторитет и укрепить его влияние.

Такой поворот в американской политике по отношению к католической церкви на Кубе был вызван различными обстоятельствами. После убийства президента Мак-Кинли в 1901 г. его место занял вице-президент Теодор Рузвельт, который готовился выдвинуть свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах. Желая заполучить голоса католиков, Теодор Рузвельт назначил на некоторые ответственные правительственные посты людей, известных своими связями с католической церковью. Таким был, например, Чарлз Дж. Бонапарт, получивший пост военно-морского министра.

На Кубе местная церковная иерархия в свою очередь охотно сотрудничала с американскими оккупационными властями, которые представлялись ей "меньшим злом" по сравнению с кубинскими патриотами. Не успели США оккупировать остров, как Лев XIII поспешил назначить епископом Гаваны (фактически главой католической церкви на Кубе) итальянского прелата Донато Сбаррети (впоследствии кардинала). Это был подлинно иезуитский ход. Испанца Ватикан боялся назначить на этот пост, а кубинца не желал, отсюда назначение итальянца Сбаррети, чиновника статс-секретариата римской курии.

Поведение Ватикана вызвало возмущение кубинских патриотов: они организовали общество под председательством видного участника войны за независимость Сальвадора Сиснероса Беттанкура, агитировавшее за высылку с острова ватиканского наместника. Требование выслать Сбаррети было более чем оправданно. Новый епископ Гаваны вел себя провокационно по отношению к кубинцам: он назначал на высокие церковные посты священников, известных своими происпанскими симпатиями и совершивших в период господства колонизаторов немало преступлений против патриотов.

Своим представителем (апостолическим делегатом) в Гаване после захвата острова Соединенными Штатами Лев XIII назначил американского архиепископа Шапелье.

Американский епископ Курьер также был переведен на Кубу. Посланник США в Гаване Герберт Д. Сквайрс, родственник губернатора Вуда, был фанатично настроенным католиком. По настоянию Вуда генеральным консулом США на Кубе был назначен Штейнгарт, тоже католик, тесно связанный с американской церковной иерархией. Таким образом, основные политические посты на Кубе оказались заняты людьми, тесно связанными с католической церковью.

Комментируя американизацию церковной иерархии на Кубе в период оккупации острова Соединенными Штатами, консервативный кубинский историк Портель Вила пишет: "Ватикан, который прежде, защищая свои привилегии на Кубе, поддерживал Испанию, немедленно после победы Соединенных Штатов примкнул к последним, и апостолический делегат, разные епископы и члены новых монашеских орденов, появившихся на Кубе, были североамериканскими гражданами на службе интересов своей страны и ее идеологии. Их никоим образом не беспокоило укрепление кубинского националистического идеала или защита республики".

Генерал Вуд обязался от имени Кубы выплатить католической церкви возмещение за понесенный ею ущерб в связи с секуляризацией церковной собственности в 40-х годах XIX в., предпринятой испанским правительством. США не имели официальных отношений с Ватиканом, и поэтому для них конкордат, заключенный Испанией с папским престолом в 1851 г., не был обязателен. Во всяком случае, вопрос о выплате церкви компенсации за конфискованную у нее собственность мог быть решен только самим кубинским правительством. Но оккупационные власти знали, что кубинское правительство, даже состоящее из американских ставленников, в условиях, когда общественное мнение почти единодушно осуждало церковную иерархию за ее сотрудничество с испанскими колонизаторами и американскими захватчиками, не решилось бы сделать церкви столь щедрый подарок. Поэтому они распорядились за кубинцев. Указ о выплате церкви компенсации был подписан генералом Вудом всего за несколько дней до передачи им власти кубинскому правительству. Этим как бы подчеркивался тот факт, что только благодаря оккупантам церковь смогла получить столь значительный куш.

Приблизительно такие же взаимоотношения между американскими оккупационными властями и католическим духовенством сложились и на Филиппинах, где США с согласия Ватикана выкупили за солидную сумму земли испанских монашеских конгрегаций и где местное духовенство было подчинено американской католической иерархии.

В то же время, не желая отталкивать от себя Испанию, Лев XIII созвал в 1899 г. в Риме первый латиноамериканский собор с участием всех епископов этого региона. "По словам кардинала Рамполлы,- докладывал Н. В. Чарыков из Ватикана в Петербург,- уже на этом соборе был возбужден вопрос о дальнейшем развитии панлатинской солидарности через привлечение Испании, бывшей метрополии большинства американских республик".

Папа рабочих?

Стремление Льва XIII договориться с буржуазией вовсе не означало, что он решил отказаться от традиционных католических догм. Не следует забывать, что именно ему принадлежит сомнительная честь воскресения ретроградного учения Фомы Аквинского, который специальным папским декретом был объявлен верховным богословом современной церкви. Лев XIII стремился к союзу с ультраконсервативной, реакционной частью буржуазии, резко осуждая либеральное крыло, представлявшееся ему не менее опасным, чем социалисты.

Главной же задачей католической церкви Лев XIII считал борьбу с рабочим движением, с социализмом. Уже в одной из своих первых энциклик он доказывал власть имущим, что цели церкви и государства тесно связаны и "что церковь Христа более подготовлена для борьбы с язвой социализма, чем человеческие законы, судебные репрессии или сила оружия". В 1891 г., когда Италия была охвачена массовым забастовочным движением, Лев XIII опубликовал энциклику "Рерум новарум", которая по сей день считается одним из основных программных документов католической церкви в области социальной политики. Энциклика "Рерум новарум" была написана по поручению Льва XIII его советниками-кардиналом Зильяри и прелатами Боккали и Вольпини. Энциклика начинается с осуждения социализма, который

провозглашается "фальшивым лекарством" против социальных зол. Первый параграф энциклики прямо озаглавлен: "Социализм вредит рабочим".

Лев XIII не жалеет красок для описания бедственного положения рабочих при капитализме. Он осуждает чрезмерную эксплуатацию рабочих капиталистами. Но, говорит он, богатые и бедные всегда были, есть и будут. Рабочие должны не бороться с капиталистами, а сотрудничать с ними, ибо они не могут существовать без капиталистов, как и капиталисты без рабочих.

Частную собственность Лев XIII провозглашает богоданной и священной. Нарочито подменяя понятия личной и частной капиталистической собственности, Лев XIII убеждал рабочих, что отмена частной собственности нанесет им не меньший вред, чем капиталистам, ибо лишит рабочего возможности приумножить свое состояние, то есть стать капиталистом, чего якобы он может достичь, если проявит смирение, прилежание и бережливость. Лев XIII пугал верующих, что отмена частной собственности приравняет людей к животным, у которых такой не имеется! Лев XIII осуждал также национализацию земли. "Даже если земля разделена между частными собственниками,-уверял он,-она продолжает обслуживать нужды всех, так как все поддерживают свою жизнь ее плодами". То, что большая часть земли находилась в руках помещиков и кулаков, эксплуатирующих массу крестьянства,-об этом Лев XIII предпочитал не распространяться. Лев XIII призывал трудящихся объединяться в христианские рабочие ассоциации в защиту указанных принципов.

Энциклика "Рерум новарум", этот католический "антикоммунистический манифест", с энтузиазмом была встречена международной буржуазией, увидевшей в ней то идеологическое оружие для борьбы с рабочим классом, которое она сама оказалась не в состоянии создать.

Стремление Льва XIII заигрывать с рабочими и представить церковь в роли поборницы социальных реформ вызвало резкую отповедь со стороны социалистов, разоблачавших демагогические маневры папы римского. Поль Лафарг написал памфлет о иезуитских владениях в Парагвае в XVIII в., показывая, как "святые отцы" подвергали бесчеловечной эксплуатации закрепощенных ими индейцев гуарани. В этом иезуитском государстве прошлого Лафарг видел прообраз христианского "государства будущего", наступление которого предвещала энциклика "Рерум новарум".

Поль Лафарг писал: "Под умелым руководством Льва XIII, "скромно" называвшего себя "папой рабочих", католическое духовенство Европы и Америки выступило в поход, чтобы возвратить себе свое прежнее влияние на народы. Желая избавить рабочих от "вредоносного влияния социалистов", оно приняло на себя заботу об улучшении участи пролетариата, бедственное положение которого до тех пор очень мало его трогало, очевидно, вследствие того, что все силы духовенства уходили на удовлетворение требовании, предъявляемых ему классом капиталистов, у которого оно было на содержании. В настоящее время повсюду распространяется христианский социализм, умело приспособляющийся к национальным и социальным условиям тех стран, куда апостолы его являются со своей благой вестью. Поэтому нелишне будет заглянуть в тот "Новый Иерусалим", который духовенство уготовило для человека... Чтобы представить себе обетованную землю католического духовенства, нам не надо разнуздывать свою фантазию и измышлять "государство будущего", право на которое католическое духовенство с полным основанием может оспаривать у нас. Достаточно исследовать "Христианскую республику", основанную отцами иезуитами в Парагвае". "Из истории общественных течений".

Но если социалисты разоблачили реакционную сущность социальных доктрин Льва XIII, то крайне правым, для которых сам термин "социальное" казался уже подрывным и крамольным, реформистские потуги "папы рабочих" представлялись весьма опасными для существующего эксплуататорского строя новшествами. Когда Лев XIII в своих первых энцикликах предавал социализм анафеме, называя его "смертоносной чумой" и тому подобными эпитетами, реакционеры хвалили его за "мудрость и прозорливость". Его же рассуждения о демократии и социальной справедливости в энциклике "Рерум новарум", хотя они также были направлены против социализма, католические ультра расценили как "уступку" социализму, как отход от позиций "Силлабуса". В некоторых странах, в Латинской Америке, церковная иерархия замалчивала новую энциклику, опасаясь, что вступление на путь социального реформизма, даже в духе классового сотрудничества, неизбежно приведет

верующих к социализму. Церковников пугало и то, что в ряде случаев верующие, ссылаясь на энциклику "Рерум новарум", требовали у хозяев непомерных, на их взгляд, уступок, чем вызывали их раздражение и возмущение. Из многих стран в Ватикан стали поступать жалобы на слишком ретивых католических социал-реформистов с требованием унять их не в меру радикальный пыл.

Все это заставило Льва XIII, а точнее, его окружение, ибо к тому времени папа уже был слишком стар, чтобы принимать самостоятельные решения, пойти на попятную. 18 января 1901 г. была опубликована энциклика "Graves de Communi" ("Тяжкие всех"), которая фактически ревизовала ряд основных положений "Рерум новарум". На этот раз Лев XIII не только категорически отрицал какую-либо связь между христианством и социализмом, но и осуждал "католический социализм". Что касается "христианской демократии", то папа предупреждал: этот термин следует понимать не как борьбу христиан за народовластие, а как "полезную деятельность христиан в интересах народа".

Новая энциклика была откровенной уступкой ультраправым элементам как в церкви, так и за ее пределами. Комментируя ее содержание, русский представитель при Ватикане С. Д. Сазонов сообщал министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу в феврале 1901 г., что она появилась на свет, с одной стороны, ввиду того, что "Рерум новарум" по-разному истолковывалась консервативной высшей церковной иерархией и низшим духовенством, легко поддающимся демократическим веяниям, а с другой стороны, из-за протестов правительств против слишком радикальных действий некоторых христианско-демократических деятелей. Все это привело к тому, писал Сазонов, что, "видя невозможность идти далее без крайней опасности для самой церкви по пути, на который его завлекли ватиканские новаторы, Лев XIII счел необходимым разъяснить в новом окружном послании, (один из синонимов энциклики) что именно следует подразумевать под понятием "христианской демократии" и что в этом учении является с точки зрения церковной дозволенным". М. М. Шейнман. Ватикан и католицизм в конце XIX-начале XX в. По мнению Сазонова, Лев XIII считал основой церковного социального учения евангельский завет взаимной любви и согласия и увещевал как богатых, так и бедных не сходить с этой почвы при регулировании социально-экономических вопросов, причем папа напоминал бедным, что терпение-одна из высших христианских добродетелей.

Несбывшаяся мечта Льва XIII.

Апологеты папы пытаются представить его в роли поборника демократии и социальной справедливости. Между тем необоснованность подобных утверждений явствует не только из беспристрастного анализа его выступлений и заявлений по социальному вопросу, но и из его внешнеполитического курса, в частности настойчивого стремления добиться расположения царизма.

Лев XIII в течение 25 лет вел сложную международную игру с целью возродить Священный союз, идейное руководство которым осуществлял бы Ватикан. Большое место в таком союзе Лев XIII отводил царскому правительству России. В нем он видел надежный оплот контрреволюции в Европе, с ним стремился установить тесные дружественные отношения, предлагая царю поддержку католической церкви в Польше и на Балканах. Сообщения русских дипломатических представителей при Ватикане, в их числе А. П. Извольского, частично опубликованные в 1931 г. Е. А. Адамовым, подробно излагают дипломатические планы Льва XIII.

Тотчас же после своего избрания на папский престол Лев XIII известил об этом Александра II, выразив пожелание возобновить дипломатические отношения. Царь не возражал. Переговоры начались в Вене через папского легата Якобини с русским посланником Новиковым. Осуждение папой социалистов импонировало Александру II, опасавшемуся революции в России. В Вене была в принципе достигнута договоренность о восстановлении отношений. Якобини был возведен в кардинальское звание и назначен статс-секретарем. Вслед за тем, 30 сентября 1880 г., папа опубликовал так называемую "славянскую" энциклику "Grande Munus" ("Великая обязанность"), в которой изъяснялся в любви к славянским народам и провозглашал Кирилла и Мефодия святыми католической церкви. Однако энциклика вызвала отрицательные отклики среди православной иерархии, оценившей ее как возрождение традиционных экспансионистских устремлений папства по отношению к славянству. Это и убийство 13 марта Александра II задержало ратификацию достигнутого в Вене соглашения.

Александр III находился под влиянием обер-прокурора синода Победоносцева, выступившего против каких-либо уступок католической церкви и против восстановления отношений с Ватиканом. Тем не менее переговоры со Львом XIII возобновились. Папа своим антисоциализмом не мог не привлечь симпатий нового царя. Когда же папа в конце 1883 г. призвал на встрече с польскими паломниками к поддержке униатства в России, Александр III возмутился и приказал прервать переговоры с Ватиканом. Контакты были возобновлены только пять лет спустя, когда царь поздравил Льва XIII с "золотым" епископским юбилеем.

Папа немедленно ответил Александру III подобострастным посланием, в котором, предлагая установить отношения с Россией, подчеркивал враждебность Ватикана к "подрывным" движениям. Папа писал царю: "Побуждает нас еще раз обратиться к в. в. с изъявлением неизменного желания и предначертания нашего покровительствовать всюду порядку и миру и оказывать всякое содействие наше для обеспечения благоденствия народов и правительств то, что мы видим, как повсеместно ведется борьба против принципа власти и как общество все более и более проникается и подрывается соблазнительными и греховными учениями".

Александр III принял предложение Льва XIII и направил в Рим для переговоров с папой одного из способнейших русских дипломатов того времени А. П. Извольского. Однако ему были даны указания никаких обещаний насчет восстановления дипломатических отношений папе не давать, а постараться обязать его оказывать "умиротворяющее" влияние на польское католическое духовенство и католическую паству.

Уже в первом разговоре с Извольским, в марте 1888 г., Лев XIII, "перечислив все акты со времени принятия им первосвященнического сана, направленные к поддержанию начал порядка и мира и к обузданию разрушительных стремлений", стал заверять, что "он пришел к тому выводу, что и в пределах русской империи союз правительства с римским престолом может лишь облегчить первому достижение высших государственных целей". Далее, как сообщает Извольский, говоря о поведении польского епископата в России, "папа с жаром заявил, что его неизменное правило-внушать как иерархии, так и пастве повиновение законной власти и что он готов доказать на деле, что влияние его на епископов всегда сообразно с интересами русской государственной власти". Свою речь Лев XIII закончил предложением Александру III заключить союз с Ватиканом. "Почему бы государству, как Россия, стремящемуся к поддержанию охранительных начал и желающему прочного и справедливого мира в Европе, не иметь этой силы (то есть католической церкви.- И. Г.) своею союзницей?"-вопрошал папа царского дипломата.

В сентябре того же года Извольский вновь встретился с Львом XIII, который, "по своему обыкновению, импровизировал пространную политическую речь". Основной мыслью этой речи было доказать "необходимость солидарности и единения между великими консервативными державами, особенно Россией, и св. престолом, "неусыпно работающим над поддержанием нравственного и политического порядка в Европе" (слова в кавычках принадлежат Льву XIII). Коснувшись польского вопроса, папа с жаром заявил, что его авторитет будет всегда употребляем на то, чтобы внушить католикам Польши повиновение законам и верность их государю".

В той же беседе Лев XIII заверил Извольского, что в Италии св. престол является единственным препятствием наступающим разрушительным началам. "В этой борьбе,-сказал папа,- мне нужна помощь консервативных держав, и я придаю большую цену нравственной поддержке со стороны России".

В декабре того же года Извольский имел новую беседу с Львом XIII. И на этот раз папа, по донесению Извольского, "пространно изложил свои стремления и надежды, пользуясь обычными своими выражениями по поводу благотворного воздействия, которое он решил оказывать на католических подданных его величества (Александра III.-И. Г.), и необходимости объединить в наши смутные времена консервативные силы мира".

В феврале 1889 г. Извольский сообщал в Петербург, что, "когда Лев XIII хочет представить нам ценность своей дружбы во время европейских осложнений, он имеет в виду в особенности польский вопрос, в котором его духовная власть может, по его мнению, оказать весьма ценное воздействие".

Настойчивое стремление Льва XIII навязать себя Александру III в качестве союзника для подавления и усмирения непокорного польского населения воспринималось с недоверием как Извольским, так и царем. Правящие круги России опасались, что папство рассчитывало таким путем добиться осуществления своих замыслов, идущих вразрез с интересами царизма.

Чего же, собственно говоря, добивался

Лев XIII, стремясь стать союзником царской России?

В России папа видел оплот европейской реакции, он надеялся заручиться доверием царя и превратиться в его главного вдохновителя и советника в борьбе с "гидрой революции". Лев XIII рассчитывал, таким образом, добиться унии православной церкви с католической, которая в свою очередь заставит и протестантов пойти на соглашение с католицизмом. Дальнейшие события показали, что надежды Льва XIII носили химерический, несбыточный характер. Максимум, на что мог рассчитывать папа римский в своих отношениях с царизмом, это на роль пособника, услугами которого пользуются, но которому не доверяют.

В марте 1884 г. Лев XIII опубликовал послание к польским епископам, призывая их к сотрудничеству с властями России, Германии, Австро-Венгрии, к поддержке монархических режимов в этих странах. Особенно усердно папа призывал к повиновению и послушанию местным властям католиков России. Комментируя это послание, Роза Люксембург писала, что Лев XIII говорил полякам в России, что "с этого времени истинным представителем бога в Польше является русский кнут".

Появление этого "верноподданнического" по отношению к монархической власти послания, по-видимому, склонило чашу весов в Петербурге в пользу установления официальных отношений с Ватиканом. В мае того же года соответствующее соглашение было подписано, и Извольский стал первым послом-резидентом при папском престоле. Папа взамен надеялся получить согласие царя на учреждение нунциатуры в Петербурге. Смерть Александра III снова помешала папе добиться этого.

С восшествием на престол Николая II папа стал с удвоенной энергией добиваться дальнейшего укрепления связей с царизмом. Он исключительно тепло принял в Ватикане посланца Николая II князя А. Б. Лобанова-Ростовского, наградил его орденом Христа, высшим отличием церкви. Лобанов и Извольский склонялись удовлетворить просьбу Льва XIII об открытии нунциатуры в России. Когда Лобанов стал министром иностранных дел, это так обнадежило Льва XIII, что он даже наметил на пост нунция своего доверенного прелата Тарнасси. Но Лобанов вскоре скончался, а назначенный на его место М. Н. Муравьев высказался против нунциатуры. Извольский в

1897 г. был отозван из Ватикана и назначен послом в Белград.

Все эти годы Лев XIII продолжал заискивать перед царизмом. Он заверял русских дипломатов, что только царизм может спасти Европу от грядущей революции. С назойливой настойчивостью папа предлагал царю свои услуги для борьбы с социализмом. В феврале

1898 г. Лев XIII говорил Н. В. Чарыкову, министру-резиденту России при папском престоле: "В настоящее время, подобно тому как папа служит представителем духовной власти (autorite), русский император является самым могущественным и даже единственным представителем принципа власти в сфере гражданской. Только русский император не пошел на сделку с началами революции и народоправства. Я только что говорил австрийскому послу, как сильно упало могущество и значение Австрийской империи с тех пор, как она вступила на ложный путь конституционализма. То ли было, когда кн. Меттерних был государственным канцлером? Теперь же богемцы, немцы, венгерцы-все требуют особых прав в ущерб положению империи". Папа не пощадил и Германии, обвинив кайзера в неспособности задержать рост влияния социализма. "И в Германии,-говорил Лев XIII Чарыкову,-власть императорская умаляется постепенным возрастанием социализма. Армия, конечно, хорошая опора, но самая прочная опора-это человеческая душа (concience). Этой опорою владеет русский император, и если между ним как главой светской власти и папою как носителем принципа власти духовной устанавливается соглашение, то таковое не может не быть в высшей степени драгоценно для мира и для душевного мира на всем пространстве земли...". М. М. Шейнман. Ватикан и католицизм в конце XIX-начале XX в.

Царь не без удовольствия воспринимал комплименты папы римского, но не спешил раскрыть для него свои объятия.

Характеризуя внешнюю политику Ватикана того времени, тот же Н. В. Чарыков в письме к министру иностранных дел М. Н. Муравьеву писал в декабре 1898 г.: "Римская курия преклоняется перед германскими и англо-саксонскими успехами, но в то же время они ее пугают. Во-первых, потому, что успехи эти угрожают полным подавлением латинской расы, в которой папство черпает главные свои ресурсы. И затем потому, что безраздельное господство протестантских и либеральных держав чревато опасностями для принципов католицизма и власти. Вот почему Лев XIII и его статс-секретарь ищут противовеса этому господству и считают, что нашли его в содружестве народов латинских и славянских".

Весьма примечательно складывались тогда отношения Ватикана с Англией. Стремясь заручиться расположением Лондона, Лев XIII осудил борьбу ирландцев против английского владычества, призвал мальтийцев повиноваться английским властям. Папа надеялся, что в знак признательности Англия установит с ним дипломатические отношения. Когда же этого не случилось и англичане стали терпеть поражения в Трансваале, ватиканская печать стала осыпать "коварный Альбион" упреками и предрекать ей поражение от буров.

Не оправдались надежды, возлагавшиеся Львом XIII и на царское правительство. В 1901 г. Рим посетил великий князь Сергей. Он был принят папой, который вновь заверял его в своей преданности и любви к Николаю II. Через Сергея папа направил царю еще одно верноподданническое послание, в котором слезно молил способствовать интересам католической церкви и согласиться на открытие в Петербурге нунциатуры, что позволило бы папе направлять деятельность католической иерархии в России в интересах властей. Ознакомившись с этим посланием, Николай II, по сообщению австро-венгерского посла при Ватикане, якобы сказал: "То, как святой отец формулирует свои пожелания, доказывает, что он совершенно не знает Россию". Э. Винтер. Папство и царизм.

Лев XIII так и ушел из жизни, не добившись осуществления своей заветной мечты - превратить царскую Россию в равноправного союзника папского престола, добиться нунциатуры в Петербурге, завоевать на сторону католицизма славянский мир.

ПАПСТВО. ВЕК XX.

ПИЙ X - ПЕРВЫЙ ПАПА XX ВЕКА

Джузеппе Мельчиор Сарто, родился в 1835 г. в семье издольщика в Риезе, близ Тревизо. Важнейшие посты в церкви: с 1884 г.- епископ, с 1893 г.-патриарх Венеции, кардинал. Избран папой 4 августа 1903 г. Прозвище "портной". Ярый противник церковного модернизма. Создал систему внутрицерковного шпионажа "Содалициум Пианум". Поддерживал итальянскую колониальную авантюру в Триполитании. Умер 20 августа 1914 г.

Так проходит земная слава

В 1903 г. Льву XIII исполнилось 92 года. Возраст рекордный даже для пап, отличающихся в общем долголетием. Он все еще сохранял ясность ума, хотя с трудом передвигался и уже давно был не в состоянии служить торжественные молебны в храме св. Петра. Современники смотрели на него как на своего рода музейный экспонат. Многие знаменитости спешили его увидеть. Его посетили английский король Эдуард VII и германский император Вильгельм II.

В начале июля папа почувствовал себя плохо и слег. Ему предложили пригласить доктора Баччелли, крупного итальянского специалиста в области сердечных болезней, но Лев XIII не согласился. Баччелли занимал министерский пост в правительстве Италии,- значит, на него распространялось отлучение от церкви, как и на всех, кто был "виновен" в лишении папства светской власти. Но вряд ли бы Баччелли чем-нибудь помог папе, силы которого слабели с каждым днем.

В воскресенье, 20 июля, в полдень, дежурившие около Ватикана журналисты увидели, как подкатила к папскому дворцу черная карета с великим пенитенциарием кардиналом Серафино Ванутелли, в обязанность которого входило соборовать папу. По городу быстро разнесся слух: папа умирает. На площадь св. Петра потянулись любопытные, туристы.

О том, что происходило в тот день в папской опочивальне, австро-венгерский посол сообщил шифровкой в Вену: "Почувствовав приближение смерти, Лев XIII знаками дал понять своему ближайшему окружению, где спрятан его укрытый от всех взоров личный и неприкосновенный фонд". Как было подсчитано потом, этот фонд составлял 5 млн. французских франков в банкнотах. Ничто не может лучше характеризовать профранцузскую ориентацию папы, чем этот жест умирающего. Французские миллионы были его наследством преемнику. Лев XIII твердо рассчитывал на победу на международной арене Франции, опирающейся на Россию. Французские займы, предоставленные царю под высокие проценты, были надежной гарантией устойчивости французского франка. Отсюда ясно, указывает немецкий прогрессивный историк Э. Винтер, почему Лев XIII повторял все зигзаги французской политики, и, несмотря на резкие высказывания французского правительства в адрес церкви, поддерживал его. Э. Винтер. Папство и царизм.

Агония папы длилась всего несколько часов. Вечером 20 июля 1903 г. на площади св. Петра было вывешено объявление, сообщавшее, что в 4 часа и 2 минуты пополудни указанного дня папа Лев XIII скончался.

В Ватикане началась обычная в таких случаях суета. Статс-секретариат слал телеграммы во все концы мира, созывая кардиналов на конклав. Прелаты курии выдвигали кандидатов на папский престол. Сбивались с ног в поисках конфиденциальной информации журналисты и дипломаты, аккредитованные при Ватикане. Ватиканское пошивочное ателье готовило папские одеяния и головные уборы разных размеров. Похоронное бюро трудилось над изготовлением погребальных аксессуаров.

21 июля тело покойного папы забальзамировали, а 22 июля оно было выставлено для прощания в соборе св. Петра. В течение трех дней с 6 часов утра до 15 часов верующие приходили в собор, чтобы отдать последний долг тому, кто при жизни носил имя Льва XIII. Газеты отмечали, что обряд прощания не включал целования папских стоп: стояла нестерпимая жара, бальзамирование не удалось, и от "святого отца" сильно попахивало.

25 июля, в субботу, в 19 часов состоялась погребальная церемония, длившаяся два с половиной часа. В 21.30 санпьетрини-рабочие, обслуживающие собор св. Петра,-приступили к последней скорбной процедуре. Покойника поместили в тройной гроб. Когда последний гвоздь был вбит, гроб был поставлен на тележку и в сопровождении кардиналов и дипломатического корпуса доставлен в подземелье, где в одной из стен была открыта ниша. Когда гроб вставляли в нее, он застрял, и один из санпьетрини втолкнул его на место ударом сапога. Среди присутствующих находился патриарх Венеции кардинал Джузеппе Сарто. Он шепнул стоявшему рядом с ним монсиньору Карло Респиги:

- Ты видел? Вот чем заканчивается славный путь папы-пиночком!

Этот Джузеппе Сарто, позволивший себе бросить такую шекспировскую реплику при захоронении Льва XIII, накануне конклава не котировался как кандидат в папы.

Однако папой был избран именно он, Джузеппе Сарто.

Кто такой "портной"?

Как же это случилось? В конклаве участвовало 62 кардинала, из них 24 иностранца и 38 итальянцев. Для избрания нового папы съехались почти все кардиналы, за исключением австралийца Морвона, который не успел вовремя прибыть в Рим. Среди высших иерархов церкви преобладало мнение, что больше других имел шансов быть избранным статс-секретарь Льва XIII кардинал Рамполла дель Тиндаро. Он слыл за способного дипломата, осторожного и осмотрительного в своих высказываниях и поступках, отличался редкостной работоспособностью и показным благочестием. Говорили, что Рамполла вставал в 5 утра и до 12 часов ночи трудился, отрываясь лишь для еды и молитвы. Два раза в день он посещал мессу, которую отстаивал на коленях. Рамполлу считали сторонником французской ориентации. Предполагали, что в случае своего избрания он будет продолжать курс Льва XIII. Представители австро-немецкого блока выдвинули кандидатуру кардинала Готти, главы конгрегации пропаганды веры, ведающей деятельностью миссионеров.

Конклав заседал четыре дня - с 1 по 4 августа. Было проведено семь туров голосования. При первом Рамполла получил 24 голоса, Готти-17, Сарто-5. С каждым новым туром число поданных за Сарто голосов росло. Результаты второй баллотировки выглядели так: Рамполла-

29, Готти-16, Сарто-10. Опасаясь победы Рамполлы, прогерманская партия устами краковского кардинала Пузины, выступавшего от имени австрийского императора, провозгласила отвод его кандидатуры. Со времен средневековья правом отвода пользовались Австрия, Испания и Франция.

Отвод вызвал резкие протесты сторонников Рамполлы. Сам Рамполла заявил:

- Я сожалею, что светской властью в вопросе избрания папы нанесен столь серьезный удар свободе церкви и достоинству святой кардинальской коллегии. Я энергично протестую против этого. Что касается моей скромной особы, то я заявляю, что для меня нет ничего более почетного и более желанного, чем избрание.

Рамполла решительно отказался снять свою кандидатуру. Он надеялся на поддержку конклава. Но кардиналы не решились прогневить императора Франца-Иосифа, единственного главу государства, с которым после 1870 г. у Ватикана не возникало конфликтов. Конклав не мог не учесть враждебное отношение Австро-Венгрии - ведущей католической державы-к Рамполле. В последующих турах кандидатура Сарто продолжала медленно, но уверенно набирать число сторонников. В седьмом туре Сарто получил 50 голосов, Рамполла-10, Готти-2. Часть сторонников Рамполлы проголосовала за Сарто, когда тот пообещал упразднить право вето (отвода), что он действительно и сделал после своего избрания. Таким образом, Сарто стал папой благодаря поддержке кардиналов австро-венгерской ориентации. Став папой, Сарто в благодарность за оказанную ему услугу назначил кардинала Пузину секретарем конгрегации священной канцелярии. Когда были оглашены результаты голосования, декан кардинальской коллегии Орелья ди Санто-Стефано обратился к Сарто с традиционным вопросом:

- Согласен ли ты стать папой? Кардиналы считаются "братьями во Христе" и обращаются друг к другу на "ты".

На этот раз вопрос не был праздным, учитывая, что во время баллотировок Сарто слишком категорично и настоятельно просил кардиналов снять его кандидатуру, утверждая, что он "недостоин" избрания в папы.

На вопрос Орельи Сарто издал только глухой стон. Орелья вновь повторил свой вопрос:

- Отвечай, согласен ли ты стать папой?

- Я недостоин! Я недостоин! Забудьте меня! - плача, отвечал Сарто.

Среди кардиналов раздались возмущенные голоса в адрес новоизбранного. Некоторые кричали ему:

- Кончай комедию, соглашайся! Сарто продолжал стонать и мотал отчаянно головой. И только когда Орелья в пятый раз потребовал от него ответа, Сарто наконец изрек заветное:

- Да, согласен!

- Какое имя ты себе избираешь? - последовал второй традиционный вопрос кардинала Орельи.

На этот раз Сарто не медлил с ответом:

- Пий, братья мои.

Кардиналы поняли: новый папа будет тянуть церковь обратно, к "Силлабусу" Пия IX, для сторонников Льва XIII наступали тяжелые времена...

Избрание Джузеппе Сарто было для всех неожиданностью. Рассказывают, что, когда один из прелатов, стремясь сообщить стоявшему у окна ватиканского дворца журналисту, что избран Сарто (по-итальянски-портной), стал жестами имитировать шитье, журналисты никак не могли уловить смысл его жестикуляции. Тогда прелат стал сводить и разводить пальцы, изображая ножницы, в надежде, что это наведет журналистов на мысль, что победил Сарто. Но они решили, что фамилия нового папы начинается на латинскую букву "V". Это их еще больше сбило с толку, ибо в кардинальской коллегии два человека носили фамилию, которая начиналась на букву "V", это были братья Ванутелли. Журналисты стали гадать: кто же из двух братьев победил? Одним словом, шансы всех возможных папабилей были взвешены, и только имя Сарто никому не пришло в голову.

В тот же вечер, когда отзвучали благодарственные молебны и вновь избранный папа удалился на отдых, к нему пришел с поздравлениями монсиньор Карло Респиги.

- А помнишь пиночек, который достался на прощание Льву XIII?-сказал, смеясь, Сарто своему другу. - Такой пиночек и меня ждет в конце моего пути.

Вслед за Респиги к папе явился секретарь кардинальской коллегии Мерри дель Валь. Он принес тексты обращения к главам государств с извещением о вступлении на престол нового папы, требовавшие подписи вновь избранного понтифика. Сарто подписал документы впервые своим новым именем - Пий X. Одновременно он отблагодарил дель Валя за его работу во время конклава, вручив ему конверт с кругленькой суммой. Вернувшись в свой кабинет, дель Валь нашел там прелата делла Кьезу, заместителя статс-секретаря, который полюбопытствовал посмотреть на подпись нового папы. Тогда никто не мог предполагать, что первому из этих двух прелатов-дель Валю-суждено было стать вскоре статс-секретарем, а другому-делла Кьезе-преемником только что избранного понтифика...

Что же представлял собой новый папа с такой прозаической фамилией-Сарто (портной)? Родился он в Северной Италии, в области Венето, в семье небогатого крестьянина, обремененного большой семьей. В юном возрасте он поступил в духовную семинарию. В Венето крестьянские семьи, чтобы избавиться от лишнего рта и заиметь подмогу, посвящают одного из своих детей церковной карьере. Обычно такому крестьянскому сыну в сутане покровительствует местный помещик, делающий это отнюдь не без корысти: ведь священник из чувства благодарности будет защищать интересы своего покровителя и поддерживать его в спорах с крестьянами. Именно таким служителем культа и стал Сарто. Вначале он добросовестно выполнял свои обязанности сельского кюре, строго придерживаясь самых ортодоксальных взглядов. Рвение молодого падре было замечено и оценено по заслугам духовным начальством: он стал быстро продвигаться по церковно-служебной лестнице. В 49 лет-уже епископ, а в 58 кардинал и патриарх Венеции. Чем выше он поднимался по церковной лестнице, тем ортодоксальнее становился. Он не без гордости заявлял: "Я не дипломат и в политике ничего не понимаю". Но такое открещивание от политики было тоже своего рода политикой, тем более что этот "противник политики" всегда решительно осуждал социализм и социалистов.

Став патриархом Венеции, Сарто приложил немало сил, чтобы укрепить местные клерикальные организации, носившие ультраправый характер. Один из его биографов, бенедиктинец Фридолин Сегмюллер, пишет, что патриарх Сарто, находясь в Венеции, "для удержания своих прихожан от участия в социалистическом движении основал католические рабочие союзы". Он был одним из основателей "Банка св. Марка". Местная клерикальная буржуазия в этом "мужицком кардинале" (cardinale di campagna), как она же его не без ехидства окрестила, души не чаяла. Его щедро снабжали деньгами на "общественную деятельность".

И все же, только реакционными взглядами Сарто нельзя объяснить его избрание папой. В кардинальской коллегии реакционностью вряд ли можно было кого-либо тогда удивить. Почему же выбор кардиналов пал именно на Сарто?

Скорее всего, это объясняется политикой маятника, характерной для истории церкви. Многие церковники, в особенности итальянцы, считали, что Лев XIII занимался высокой политикой в ущерб чисто церковным делам. Социальная демагогия Льва XIII, выраженная в наиболее яркой форме в энциклике "Рерум новарум", хотя и была направлена против социализма и коммунизма, многим реакционерам казалась чуть ли не "революционной". Как бы там ни было, но Лев XIII все-таки призывал капиталистов заботиться о рабочих, а такие призывы в глазах церковных обскурантистов превращались почти в социализм. Эти ультра, или "санфедисты", как их называли, хотели видеть на папском престоле не политикана, подобного Льву XIII, а пастыря, действующего в традиционном церковном стиле, "а-ля Пий IX". Для такой роли наиболее подходящим кандидатом оказался кардинал Джузеппе Сарто, и он, как показало его правление, полностью оправдал надежды консервативно настроенных иерархов.

Означал ли действительно приход в апостолические покои папы Сарто возврат к временам Пия IX?. Да, в том смысле, что новый папа сделал своим девизом римское изречение: "Против новшеств, верность традиции" ("NiHil innovatur nisi quod traditium est"). Сарто был сторонником обскурантизма в стиле "Силлабуса". С другой стороны, даже при всем своем желании Пий X не мог вернуть церковь полностью на позиции Пия IX. Конечно, Сарто,

как и Мастай-Ферретти, не пылал любовью к буржуазии, лишившей папство светской власти, значительной доли богатства и традиционного влияния. Но еще больше он не терпел социалистов, превратившихся при нем в могучего и грозного противника буржуазии. Ведь конечной своей целью социалистическое движение объявляло достижение социальной справедливости, удовлетворение всех духовных и материальных потребностей людей, уничтожение всякого угнетения и любых форм эксплуатации. "Это невозможно!" - утверждала церковь. С маниакальным упорством она отрицала саму возможность достижения справедливого социального порядка путем революционной борьбы, ибо если признать, что такой порядок достижим без церкви, то кому и зачем в таком случае она нужна?

Церковь не в силах уже была бороться одновременно против буржуазии и пролетариата, как это она еще пыталась делать при Пии IX. Пию X и церкви в целом не оставалось ничего другого, как вслед за Львом XIII согласиться на роль младшего партнера буржуазии по борьбе с социализмом.

Новый папа, новые порядки

Появление в Ватикане нового хозяина всегда влечет за собой перемены не только в политике церкви, но и в повседневном быту вельмож и чиновников курии.

Лев XIII отличался аристократизмом: он был почти недосягаем для простых верующих, да и со своим ближайшим окружением держался высокомерно. Правом сидеть в присутствии "святого отца" пользовались только главы государств, коронованные особы и кардиналы. Простые смертные, получавшие у него аудиенцию, должны были стоять перед ним на коленях. Лев XIII не пользовался часами, писал гусиным пером, в его ближайшем окружении не было женщин, если не считать его сестры.

Совсем другие порядки воцарились в апостолическом дворце с появлением в нем Пия X. Новый папа в обхождении был демократичен. Своих гостей он любезно усаживал в кресла. Перебравшись в Ватикан, Пий X ни в чем не изменил своих провинциальных привычек. Как и до этого, он продолжал пользоваться дешевенькими часа ми-луковицей, писать обыкновенной канцелярской ручкой, причем чистил перо о манжеты своей белоснежной сутаны, отчего они всегда были измазаны чернилами. У Сарто было шесть сестер и один брат. Три сестры всегда жили с ним. Пий X снял для них вблизи Ватикана апартаменты, но они ежедневно появлялись в папских покоях, обедали вместе с братом. В качестве домоправительницы Пий X поселил в своих апартаментах немку Терезу Бонг, основательницу монашеского ордена св. Анны, властную и хитрую женщину, игравшую видную роль в окружении папы, где ее прозвали "кардинальшей". Зная о ее влиянии на Пия X, многие обращались к ней за покровительством, которое она оказывала за щедрые подношения.

По распоряжению Пия X папские покои были перенесены со второго этажа на третий, а статс-секретариат разместился на первом этаже. Второй этаж был оборудован для аудиенций. Такое размещение сохранилось в апостолическом дворце до настоящего времени.

Пий X вошел в историю как первый папа, увидевший кинофильм. Это была короткометражная лента о реконструкции колокольни св. Марка на одноименной площади в Венеции. Фильм очень понравился папе, он смотрел его множество раз, узнавал в кадрах друзей и знакомых, тыкал в них пальцем, громко выкрикивал их имена, смеялся, одним словом, вовсю наслаждался зрелищем.

Нельзя сказать, чтобы Сарто был классическим непотистом. Своего племянника священника Джованни Батисту Паролина он держал в далеком горном приходе, не покровительствуя ему. Пий X помогал своим сестрам и брату, но в меру. Никто из них не разбогател от его щедрот. Папа был скуповат. Он любил счет деньгам, записывал свои расходы и доходы в большой старомодный конторский гроссбух, с которым никогда не расставался. Его статс-секретарь Мерри дель Валь рассказывает в своих воспоминаниях, что папа застраховал свою жизнь в американской "Лайф иншюранс компани" на крупную сумму, завещая ее выплату своим сестрам и брату. Римский понтифик, страхующий свою жизнь, да еще в американской компании,-разве это не парадокс? Разве этот поразительный факт не говорит о том, что Сарто больше доверял американской страховой компании, чем господу богу, наместником которого на земле он числился? Бог богом, а кошелек кошельком. По-видимому, именно так рассуждал папа Пий X. Это, однако, не помешало Ватикану сперва (в

1951 г.) причислить его к лику блаженных, а потом (в 1954 г.) возвести в сонм святых. Какая великолепная реклама для "Лайф иншюранс компани"!

Кроме родственников, а их у него было немало, при Пии X в Ватикан получило доступ множество его друзей и почитателей из его родной провинции Венето. Папа охотно принимал и угощал их, показывал с гордостью свои новые владения. Шумные, говорливые и прожорливые друзья нового понтифика на первых порах превратили папские покои в подобие цыганского табора, к ужасу и возмущению старожилов курии.

Частым гостем Пия X в Ватикане был приходский священник дон Джузеппе Санремо, тоже из крестьян и родом из Венето. В его обязанности входило развлекать папу веселыми историями, что он и делал с достойным лучшего применения рвением. Санремо обладал громоподобным голосом и был большим любителем красного вина, которому отдавал должное и сам папа Сарто. Судя по взрывам смеха, которые раздавались в папских покоях, когда там пребывал с визитом дон Санремо, Пий X действительно получал большое удовольствие от общения со своим тезкой.

Сарто не пытался подражать аристократам. Говорил он чаще всего на венецианском диалекте. Как и все крестьяне, он был грубоват, шутки его не отличались утонченностью. По его распоряжению в папском дворце был построен лифт, на котором он любил кататься. Лифт обслуживал 20-летний светловолосый паренек, сын одного из ватиканских садовников. Папа, встречая его в лифте, неизменно говорил ему:

- Светлячок, ты большой жулик (Biondin, te si una gran canagia).

Хотя кардиналы потратили немало слов, чтобы вырвать у Сарто согласие на принятие папской тиары, новая должность, судя по всему, пришлась ему по душе.

Папа охотно позировал, часто по нескольку часов в день, далеко не первоклассным живописцам и скульпторам, которые оставили потомству целую галерею его портретов и бюстов весьма посредственного качества. Пию X явно нравилась роль верховного владыки католической церкви, для управления которой он считал себя вполне подготовленным. Придворные льстецы, славословившие его скромность, простоту, кротость и мудрость, пользовались его благосклонностью и симпатией.

Пий X энергично и решительно взялся за выполнение своих обязанностей наместника бога на земле. Как и при вступлении на престол Льва XIII, швейцарская гвардия потребовала от папы "отступного". Когда ему доложили об этом, он, не задумываясь, продиктовал приказ о немедленном роспуске этой "армии". Решение папы вызвало сенсацию. Властям, церковникам и верующим Швейцарии, да и самим гвардейцам пришлось потратить немало времени и усилий, чтобы вымолить прощение и упросить папу отменить свое решение.

При новом папе в Ватикане сильно возросло влияние иезуитов. Сарто всегда тяготел к ордену Лойолы, занимавшему ультрареакционные позиции. С. Д. Сазонов, посланник России при папском дворе, проницательный дипломат, располагавший надежными источниками информации, писал в своих воспоминаниях, что нового главу католической церкви окружали люди, которые были обязаны своим возвышением главным образом близости к ордену иезуитов и к стоящим за ним ультрамонтанским кругам, то есть экстремистской партии, которую можно назвать "католической черной сотней". Подобные же мнения высказывали и другие авторитетные зарубежные наблюдатели.

Этот крестьянин на папском престоле оказался не только решительным, но и мстительным человеком. Рамполлу, своего главного соперника на конклаве, занимавшего при Льве XIII ключевой пост статс-секретаря, он назначил главой Библейской комиссии, созданной для того, чтобы в зародыше задушить научную критику Библии. Делла Кьезу, заместителя Рамполлы по статс-секретариату и его единомышленника, Пий X обещал назначить нунцием в Испанию, что было связано с возведением в кардинальское звание. Когда же слух об этом стал муссироваться в прессе, он послал его архиепископом в Болонью, и кардинальскую шапку тот получил только шесть лет спустя после смерти Рамполлы. Такими примерами мелочной мстительности правление папы Сарто изобиловало.

В лице Мерри дель Валя Пий X нашел послушного исполнителя своей воли. Дель Валь, сын испанского аристократа, родился в Лондоне. Отец его был дипломатом. Обладая изысканными, вкрадчивыми манерами, знанием иностранных языков и ватиканской "кухни", он

представлял собой тип куриального карьериста, крайне реакционного по своим взглядам. Новый папа назначил его статс-секретарем. В 39 лет он был уже кардиналом. Будучи всецело обязан своим молниеносным возвышением Пию X, Мерри дель Валь служил своему патрону со рвением все 11 лет его понтификата. Этого не простит ему преемник Пия X, при котором он вынужден будет испытать на себе все "прелести" папской опалы.

Дела духовные, дела мирские

В первые же годы своего правления Пий X предпринял несколько акций, направленных на упорядочение церковных дел. Он отменил, как уже говорилось, право отвода при избрании пап и строжайше запретил разглашение подробностей, относящихся к работе конклава. Пию X были неприятны воспоминания, связанные с его упрямым отказом принять папскую тиару, и вызванные этим обвинения в его адрес в лицемерии и ханжестве. Стремясь предать эти факты забвению, Пий X постановил, что виновные в разглашении тайн конклава будут подвергаться автоматическому (latae sententiae) отлучению от церкви. Однако угроза отлучения отнюдь не положила конец утечке информации о ходе последующих конклавов.

Другим важным мероприятием Пия X была реформа курии, этого церковного правительства, которое неимоверно разбухло после ликвидации папского государства в связи с необходимостью пристроить прелатов, занимавших ранее светские должности. В наследство от его предшественника Пию X достались 37 конгрегаций курии. Энцикликой "Sapiente concilio" ("По зрелому размышлению") Пий X сократил их число до 19, разделил служащих курии на разряды, положил им твердое жалованье (ранее они содержались за счет доходов учреждений, в которых работали).

Идя навстречу пожеланиям буржуазии, Пий X в 1911 г. значительно уменьшил число церковных праздников, а большинство из оставшихся перенес на воскресные дни. Комментируя этот акт папы, русский представитель при Ватикане писал в Петербург в июле 1911 г.: "За несколько уже лет ни одно мероприятие Ватикана не встречено было с таким сочувствием, как нынешнее, и притом равно в клерикальных и антиклерикальных сферах... Те уступки, которые сделаны новейшим изменением церковного календаря, являются весьма существенными и, несомненно, отвечающими требованиям времени". М. М. Шейнман. Модернизм и модернизация в католицизме.- "Ежегодник музея истории религии и атеизма".

Пий X затеял создание Кодекса канонического права, который должен был подвести юридическую базу под деятельность церкви, уточнить права и обязанности как мирян, так и духовенства в свете традиционного католического вероучения. Дело это представлялось чрезвычайно сложным ввиду противоречивости, двойственности и туманности многих церковных канонов и догматов. Эксперты считали, что им понадобится не менее 20 лет для завершения этой работы. Но Пий X немилосердно их подгонял, и вчерне кодекс, состоящий из 2414 статей, был подготовлен при его жизни. Кодекс был утвержден Бенедиктом XV в 1917 г., то есть 13 лет спустя, после того как комиссия по его созданию приступила к работе.

Формально этот кодекс остается в силе по сей день, хотя по решению Второго Ватиканского собора он подлежит реформе. По-видимому, привести его в соответствие с решениями последнего собора оказалось значительно труднее, чем некогда сочинить его. И это понятно. Ведь ныне вопрос стоит об изъятии из кодекса всех ультрареакционных статей, касающихся, в частности, отлучений и прочих дисциплинарных санкций против инакомыслящих, а также других положений, соответствующих духу "Силлабуса" и фактически отмененных решениями Второго Ватиканского собора. Вот и получается, что современная церковь сидит как бы на двух стульях: на реформистских решениях собора и на каноническом кодексе, статьи которого могут быть использованы для предания анафеме указанных выше соборных решений.

Заслуживают упоминания и меры, предпринятые Пием X по борьбе с "бродячими" клириками, толпы которых наводняли Рим, захлестывая ватиканские учреждения в поисках более прибыльных назначений, чинов, почестей и наград. Эти клирики иногда бездельничали в Риме по многу лет: пьянствовали, развратничали, дебоширили. Многие из них ходили в замызганных сутанах, в рваной обуви, небритые, своим видом и неприглядным поведением компрометируя духовное звание. Пий X повел с этими "бродягами" решительную борьбу. Пребывание лиц духовного звания в Риме подвергалось строгой регламентации. Служитель церкви мог покинуть свой приход или монастырь только на определенный срок и с разрешения

своего начальства. Нарушение этого правила могло навлечь на него суровые санкции церковных властей, вплоть до отлучения. Число "бродячих" священников в Риме со временем значительно сократилось. Хотя Пий X не питал пристрастия к политике и дипломатии, о чем он неоднократно заявлял, тем не менее ему пришлось иметь дело с политическими и дипломатическими кризисными ситуациями, в которые была вовлечена церковь. Перечислим их: мощный подъем рабочего движения в странах Европы, высшей точкой которого была революция 1905-1907 гг. в России; отделение церкви от государства во Франции; рост модернистской "ереси" среди духовенства и католиков-мирян и надвигающаяся мировая война-"Il guerrone", или "война-гигант", как ее называл Пий X. Папа был вынужден занять по отношению к этим событиям более или менее четкую позицию, определить политическую линию церкви, которой обязано было придерживаться все католическое духовенство и верующие во всех странах мира.

Рассмотрим более подробно эти события и реакцию на них Пия X.

В начале XX в. в Италии, как и во многих других странах Европы, наблюдается подъем рабочего движения, быстрый рост влияния социалистической партии.

В 1904 г. в Италии впервые разразилась всеобщая забастовка трудящихся, изрядно напугавшая как правящие круги, так и Пия X и его окружение. Перед угрозой социализма Ватикан решил отложить на время свои распри с итальянским государством и выступить единым с буржуазией блоком против трудящихся. Пий X распустил "Опера деи конгресси", в которой руководство перешло к сторонникам священника Ромоло Мурри (1870-1950), редактора основанного в 1898 г. журнала "Культура сочиале", пропагандировавшего идеи христианской демократии. Мурри выступал как против капитализма, так и против социализма. Однако он считал, что лучшее средство против социализма - это борьба за интересы трудящихся. Эта позиция Мурри не нашла поддержки в Ватикане. Его стремление к созданию независимой от церкви демохристианской партии было осуждено Пием X, не желавшим обострения отношений с правящими кругами Италии. Вместо "Опера деи конгресси" по указанию Ватикана была создана новая клерикальная организация "Народный союз", прямо подчиненная церковной иерархии. Этой организации, послужившей прообразом нынешнего "Католического действия", папа разрешил участвовать в парламентских выборах, поддерживая наиболее реакционных кандидатов. Таким образом, Пий X практически отказался от политики "non expedit". Голоса католиков позволили реакционному правительственному блоку одержать на очередных выборах победу, что вызвало волну энтузиазма по отношению к Ватикану в кругах промышленников и банкиров.

Участие католиков в парламентских выборах на стороне правительства означало открытый союз Ватикана с буржуазией против пролетариата. Пий X продемонстрировал, что церковь готова встать на защиту политической власти буржуазии, если этой власти грозит опасность. Ромоло Мурри выступил против этой ориентации Ватикана. После запрета Пием X его журнала "Культура сочиале" Мурри создал свою собственную организацию - "Национальную демократическую лигу" и новый журнал "Ревиста ди культура", в которых продолжал выступать с прежних позиций. В марте 1909 г. Мурри подвергся отлучению от церкви в связи с его избранием при поддержке социалистов в палату депутатов. В 1912 г. он женился. Мурри можно считать первым идеологом демохристианизма. Во время первой мировой войны он высказывался за вступление в нее Италии, приветствовал приход к власти фашистов, в 1943 г. вернулся в лоно церкви, весьма благосклонно принятый Пием XII, с которым он вместе учился в духовной академии (C. Falconi. Gli spretati. Firenze, 1958, p. 186-189).

Эту готовность папа продемонстрировал и в период революции 1905-1907 гг. в России.

Сразу после избрания Сарто на папский престол русский резидент при Ватикане К. Губастов сообщал в Петербург, что новый папа-личность незначительная, из сельских священников, никогда не был за пределами Италии и не говорит на иностранных языках, находится под влиянием иезуитов, как и его статс-секретарь Мерри дель Валь. "Если уж не удалось добиться выборов собственного кандидата - Рамполлы,- писал, как бы извиняясь за результаты конклава, Губастов,-то, во всяком случае, незначительный человек лучше на этом посту, чем такая личность, как префект конгрегации "Пропаганда веры" Готти". Э. Винтер. Папство и царизм.

Этот "незначительный человек" оказался полезным царизму, когда грянула революция 1905 г. В конце декабря 1905 г. папа принял русского представителя при Ватикане-Нарышкина и заявил ему, что горячо порицает революционное движение в России. Пий X сообщил, что он "почел долгом обратиться со словами успокоения к римско-католическому духовенству России, вменяя ему в священную обязанность наставлять свою паству в духе повиновения русским властям...". М. М. Шейнман. Ватикан и католицизм в конце XIX-начале XX в. В декабре того же года папа опубликовал энциклику "Poloniaepopulum" ("Польский народ"), в которой призывал польских верующих и католическое духовенство оказать поддержку царским властям. "Подданные обязаны чтить своих князей и быть им преданными, как богу,- наставлял польских католиков Пий X.- Они должны сохранять священный порядок, установленный в их обществе, воздерживаться от всяких средств, на которые толкает их зловредная секта (социалистов.-И. Г.), избегать всяческого бунта, всеми силами стараться сохранить мир и справедливость". Э. Винтер. Папство и царизм. Папа призывал поляков-католиков думать о загробном счастье, ибо "католическое учение наставляет нас, что искание вечных благ должно стоять выше каких бы то ни было преходящих земных выгод...".

Царские власти с радостью восприняли эту энциклику и широко ее распространяли среди польского населения, а Николай II выразил папе за нее "особую признательность". Ознакомление с содержанием папской энциклики побудило министра иностранных дел Ламздорфа предложить Николаю II по примеру Германии использовать Ватикан для борьбы против революционного движения. Царской России, увещевал Ламздорф Николая II, дружеское содействие Ватикана "могло бы точно так же оказаться чрезвычайно важным: не говоря уж об умеряющем влиянии св. престола через местное духовенство специально на наши польские дела,-в каковом направлении последняя энциклика папы к епископам Польши является весьма знаменательным шагом навстречу пожеланиям русского правительства..."

Николай II согласился с предложением Ламздорфа и на докладной записке собственноручно начертал: "Следует приступить к переговорам безотлагательно. Вполне разделяю высказанные здесь мысли".

В апреле 1906 г. в беседе с новым русским представителем при Ватикане Сазоновым Пий X просил передать Николаю II, что царь "может вполне положиться на искренность его желания препятствовать польской пропаганде, которую он признает крайне опасной с точки зрения настоятельно необходимого в настоящее тяжелое время умиротворения Польши и прилегающих к ней губерний...". Пий X сетовал перед Сазоновым, что в его распоряжении только один способ воздействовать на разгоряченные умы римско-католических подданных русского царя, а именно путем посланий к епископам, к которому он прибегает каждый раз, когда можно ожидать от него пользы. "Не скрою от Вас,говорил Пий X,-что последняя моя энциклика к польским епископам причинила мне немало хлопот и не принесла ожидаемых мною результатов. Поляки ставят сплошь да рядом свою национальность выше своей веры, которой отводится часто только служебная роль, а мой голос нередко-надеюсь, только временно заглушается шумом народных волнений. Тем не менее я все-таки твердо уповаю, что великодушной политике Вашего государя и стараниями св. престола удастся постепенно успокоить национальные и политические страсти на благо Русской империи и религиозного мира..." М. М. Шейнман. Ватикан и католицизм в конце XIX - начале XX в.

Церковные иерархи по указаниям Пия X подавляли в зародыше демократические элементы в массовых католических организациях, находившихся под их контролем, продолжая медленно, но неуклонно укреплять свои связи с правящими кругами Италии. В 1913 г. граф Винченцо Оторино Джентильони, представитель Итальянского католического избирательного союза, объединявшего все клерикальные организации страны, заключил избирательное соглашение с либеральной партией, возглавляемой Джолитти, в результате которого католикам удалось провести в парламент несколько десятков своих депутатов.

И все же, несмотря на растущее сотрудничество клерикалов и буржуазии в борьбе против рабочего движения, ни Ватикан, ни итальянское правительство еще не были готовы к тому, чтобы похоронить "римский вопрос". Ореол "узника Ватикана", отстраненного от политической власти, приносил Пию X значительный политический капитал: его поддержки добивались как Антанта, так и австро-германский блок. Итальянскому правительству в свою очередь было выгодней существование Ватикана, формально независимого или даже на

словах враждебного к нему, а на деле его союзника. Об этом недвусмысленно заявил в 1905 г. глава итальянского правительства Джолитти: "Для нас важно, чтобы голос папы был итальянским, но при одном условии: чтобы мир был убежден, что папа хотя и итальянец, но представляет независимую от любого влияния точку зрения. В день, когда это убеждение будет поколеблено, папство станет для нас бесполезным. Отсюда наша политика: нужно, чтобы мы находились в неприязненных отношениях с папой, правда, не до такой степени, чтобы он сложил свои чемоданы и покинул Италию, но настолько, чтобы создать впечатление, что папство не имеет ничего общего с итальянским правительством".

Участие в колониальных авантюрах.

Между тем сотрудничество Ватикана, клерикалов и крупной итальянской буржуазии продолжало укрепляться и развиваться. Особенно энергично поддерживал Ватикан колониальную экспансию итальянской буржуазии, надеясь извлечь из нее для себя не только "духовную", но и большую материальную выгоду, в первую очередь через "Банка ди Рома", инвестировавший крупные капиталы на Ближнем Востоке и в Африке.

В 1904 г. "Банка ди Рома" учреждает филиал в Александрии (Египет), в 1905 г. участвует в открытии "Абиссинского банка", в 1906 г. открывает филиал на Мальте и способствует созданию государственного банка в Марокко, в 1907 г. основывает филиал в Триполи, в 1910 г.-в Барселоне ив 1911 г. - в Константинополе. В отличие от двух других крупных банков Италии-"Банка коммерчиале" и "Кредито итальяно", которые хотя и участвовали в колониальной экспансии, но все же сосредоточивали большую часть своих капиталов в итальянской промышленности, "Банка ди Рома" уделял основное внимание капиталовложениям в странах Средиземноморского бассейна, что соответствовало интересам итальянского империализма в этом районе. Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии.

Важные позиции приобрел "Банка ди Рома" в Триполитании, где под его контролем оказались крупные земельные участки, фактории, пароходные компании и другие предприятия.

Укрепившись через "Банка ди Рома" в Триполитании, Ватикан начинает подталкивать итальянское правительство на вооруженный захват этих территорий. Джолитти, вынужденный считаться с антиимпериалистическими настроениями итальянских масс, медлил с развязыванием военных действий. Тогда "Банка ди Рома" демонстративно вступил в переговоры с группой германских и австрийских капиталистов, предложил уступить им, разумеется за внушительную сумму, все свои интересы в Триполитании. Не без участия самих ватиканских кругов сведения о переговорах проникли в печать и произвели впечатление разорвавшейся бомбы среди итальянских финансистов и капиталистов, которые не менее Ватикана были заинтересованы в порабощении африканских народов. Под давлением этих кругов и Ватикана Джолитти объявил в 1911 г. войну Турции и послал войска для захвата Триполитании.

Итальянская и мировая печать в свое время подробно писала о роли Ватикана и "Банка ди Рома" в развязывании ливийской, или, как ее также называют, триполитанской войны. В депеше от 10 октября 1911 г. русский поверенный в делах при Ватикане П. П. Волконский сообщал в Петербург, что "общественное мнение единодушно признает заинтересованность курии в теперешнем кризисе и почти нераздельно приписывает ей на этот раз определенные итальянские симпатии... Но едва ли не самым главным грузом на чаше весов является известная связь Ватикана с "Banca di Roma". Достаточно вспомнить то обстоятельство... что во главе названного учреждения стоит г. Эрнест Пачелли, представитель клерикального Рима, дядя восходящего светила ватиканской дипломатии монсиньора Эудженио Пачелли. Значительность же роли этого банка в нынешнем конфликте настолько очевидна, что даже переоценивается в здешнем общественном мнении, доходящем до утверждения, будто война вызвана именно деятельностью его руководителей.

В заключение позволю себе высказать мысль, что удачный результат итальянского военного предприятия доставил бы здешнему клерикальному миру возможность сочетания земных приобретений с соблюдением духовного нейтралитета".

То же самое сообщал своему правительству и тогдашний американский посол в Риме. "Хорошо информированные круги считают,-писал он,-что Ватикан субсидирует газетную

кампанию (за войну с Турцией. - И. Г.), ввиду крупных интересов в этом деле "Банка ди Рома"".

Руководство "Банка ди Рома" не скрывало своего участия в колониальной авантюре итальянского империализма. В начале 1913 г. Эрнест Пачелли, выступая перед акционерами банка, между прочим, сказал: "Вы должны испытывать чувство достойной гордости, узнав еще раз, что если Италия укрепилась в Северной Африке, то это прежде всего благодаря деятельности капиталов вашего банка... Эту великую добычу подготовило Италии незаметное проникновение вашего банка".

Итальянским империалистам удалось захватить Триполитанию только после продолжительных кровопролитных боев, в которых погибли десятки тысяч солдат. Триполитанская война принесла народу неисчислимые бедствия, зато итальянским капиталистам и особенно ватиканскому банку, игравшему столь видную роль в этой преступной авантюре, она доставила колоссальные барыши. Сумма оборотов "Банка ди Рома" возросла в период войны более чем в полтора раза: с 21 753 021 812 лир в 1910 г. до 35 201 502 895 лир в 1912 г. Основной капитал "Банка ди Рома" вырос с 40 млн. лир в 1907 г. до 200 млн. лир в 1912 г. В результате этих изменений ватиканский "Банка ди Рома" превратился во второй по величине капитала банк в Италии.

Триполитанская война показала, как тесно переплелись финансовые интересы Ватикана и итальянской буржуазии, что неминуемо должно было отразиться и на их политических отношениях. В 1912 г. Джолитти, вынужденный издать закон о расширении избирательного права, опасаясь, что новые избиратели усилят позицию социалистической партии, заключил с клерикалами официальный избирательный пакт ("пакт Джентильони").

Правительство Джолитти обещало клерикалам не издавать законов, направленных против религиозных конгрегаций или могущих "нарушить религиозный мир в стране" (например, закон о разводе), и юридически приравнять экономические и социальные организации церкви к светским. На выборах 1913 г. католики, выставившие своих кандидатов в 64 округах, добились избрания 29 депутатов. Кроме этого, как хвасталась католическая печать, благодаря их поддержке было избрано 228 других правых депутатов и провалено свыше 100 левых кандидатов-социалистов, республиканцев и радикалов.

Конфликт с Францией.

Иные отношения складывались у Ватикана при Пии X с французской буржуазией.

Церковь во Франции давно восстановила свои позиции, подорванные в годы революции 1789 г. В начале XX в. число монахов и монахинь достигло во Франции 200 тыс. человек и священников-свыше 38 тыс. В 1900 г. недвижимость только монашеских орденов оценивалась в 1071775260 франков. Л. А. Борисов. Из истории борьбы за отделение церкви от государства и школы от церкви во Франции.- "Вопросы истории религии и атеизма". Начальное, среднее и высшее образование находилось в значительной степени под контролем церкви. В 1899/1900 учебном году дошкольные церковные учреждения посещал 343 641 ребенок, имелось 19222 католических начальных школы, в которых обучалось 1589465 мальчиков и девочек. В средних школах, контролируемых церковью, обучалось 91 006 учеников, в то время как в государственных - 86 321 ученик. Католические университеты имелись в Париже, Лионе, и Анжере. Л. А. Борисов. Из истории борьбы за отделение церкви от государства и школы от церкви во Франции.- "Вопросы истории религии и атеизма", выпуск 10.

Стремление церкви подчинить своему контролю систему образования вызвало раздражение в кругах французской буржуазии. Интересы капиталистического развития требовали ограничения ретроградного влияния католической церкви на образование. В 1904 г. французское правительство издало закон о светском обучении, запрещавший церковникам содержать учебные заведения. Это вызвало резкие протесты со стороны духовенства и крайних реакционеров, а также Пия X.

В апреле 1904 г. в связи с официальным визитом президента Франции Лубэ по приглашению итальянского короля в Рим Пий X, следуя уже установившейся в Ватикане традиции, в ноте французскому правительству оценил этот визит как оскорбление главы католической церкви. Публикация ватиканской ноты Жоресом в газете "Юманите" накалила антиклерикальные страсти в стране. Французское правительство порвало дипломатические

отношения с Ватиканом, а 9 декабря 1905 г. приняло закон об отделении церкви от государства.

Закон был отнюдь не всеобъемлющим, как это могло показаться на первый взгляд. Он ликвидировал конкордат, заключенный еще Наполеоном I в 1801 г., предписал создание вероисповедных ассоциаций, которым передавалось церковное имущество, в частности церковные здания, подтверждал запрещение конгрегациям заниматься преподаванием, но сохранял миссионерские школы в колониях и церковные учебные заведения в метрополии, готовившие преподавателей для миссионерских школ. Закон запрещал преподавание религии в школах, но разрешал проведение в них, а также в приютах и тюрьмах богослужений за счет государства. Кроме того, государство обязывалось выплачивать церковникам пенсии и различного вида пособия.

Протестантское и иудейское духовенство приняло закон. Часть служителей католического культа также готова была с ним смириться. Церковная же иерархия под давлением Ватикана решительно его отвергла.

Папский престол со времен французской революции 1789 г. решительно возражал против отделения церкви от государства. В XIX в. Ватикан вел подлинную войну против латиноамериканских государств-Мексики, Эквадора, Венесуэлы, Бразилии, правительства которых выступали за отделение церкви от государства. Только в странах, где, как в США, католики составляют меньшинство, Ватикан соглашался с этим принципом. Там же, где большинство населения исповедовало католицизм, папство настаивало не только на праве церкви контролировать систему актов гражданского состояния, но и систему образования, осуществлять духовную цензуру, получать правительственные субсидии, не платить налоги и пользоваться рядом других привилегий.

Пий X в энцикликах "Vehementer Nos" ("Со всей настойчивостью мы") и "Gravissimo officii" ("Важнейшие услуги"), опубликованных в 1906 г., решительно осудил отделение церкви от государства во Франции. Папа призвал французских католиков и духовенство не подчиняться властям, в частности не создавать вероисповедных ассоциаций, в распоряжение которых, согласно закону, передавались церковные здания. В спешном порядке Ватикан причислил Жанну д'Арк, сожженную в 1431 г. по решению инквизиционного трибунала, к лику блаженных. Пий X использовал это обстоятельство для мобилизации французских клерикалов против правительства. Агентура Ватикана во Франции активно сотрудничала с ультраправыми и монархистами в подготовке заговоров против республики. Папа римский надеялся, что ему удастся заставить правительство Франции отказаться, подобно Бисмарку, от антиклерикального курса. Но он просчитался. Французская буржуазия вовсе не намеревалась отступать с занятых позиций. Этот конфликт еще более укрепил антифранцузские настроения Пия X.

Он всячески выказывал свои симпатии Германии и Австрии, с победой которых в грядущей войне надеялся вернуть былое влияние католической церкви не только в Италии, но и во Франции. Дипломатические отношения Ватикана с Францией так и не были возобновлены при Пии X.

Борьбу Пия X против французской республики поддерживали далеко не все католики в этой стране. Это относится, в частности, к католической организации "Силлон" ("Борозда"), возглавлявшейся одним из идеологов христианской демократии-Марком Санье (1873-1950). "Силлонисты" стояли на позициях признания республиканского режима и сотрудничества с ним. Что касается социальной программы, то они, стараясь удержать трудящихся под своим влиянием, осуждали капитализм и относились с симпатией к борьбе рабочих за повышение их жизненного уровня. Санье и его сторонники признавали авторитет церкви в вопросах веры, возражая против церковного контроля в мирских делах. Позиция Санье в известной степени перекликалась со взглядами Ромоло Мурри. Оба эти католические деятели находились тогда на левом фланге католического движения. Естественно, что, осудив в Италии Мурри и его сторонников, Пий X некоторое время спустя расправился также с Марком Санье и его "Силлоном".

В августе 1910 г. Пий X направил французским кардиналам послание, в котором обвинил "силлонистов" в модернистской ереси, отходе от церковного социального учения, сотрудничестве с приверженцами других культов. Папа потребовал распустить "Силлон".

Комментируя это папское послание, тогдашний поверенный в делах при Ватикане князь П. П. Волконский писал в августе 1910 г:

С. Д. Сазонову, занимавшему в то время пост министра иностранных дел России, что папский документ "представляет собою, в сущности, обвинительный акт против силлонистов... является своего рода проповедью политического консерватизма".

Французский епископат и руководители "Силлона" подчинились требованию папы, и "Силлон" прекратил свое существование.

x x x

В 1910 г. у Ватикана возникла конфликтная ситуация в отношениях с Португалией, где произошла буржуазная революция. В Лиссабоне к власти пришли антиклерикалы. Новое правительство распустило монашеские ордена, изгнало из страны иезуитов, монахов-иностранцев, провозгласило отделение церкви от государства. Пий X решительно осудил эти акты португальского правительства и призвал католиков не повиноваться им.

Не ладились у католической церкви дела и в Латинской Америке. С 1910 г. стали поступать тревожные вести из Мексики, где в результате народного восстания был свергнут многолетний диктатор Парфирио Диас, покровительствовавший католической церкви. В стране разразилась гражданская война, местная церковная иерархия с благословения Пия X поддержала группировку генерала

Викториано Уэрты, убийцы и крайнего реакционера, тесно связанного с правящими кругами США. Позиция церковной иерархии вызвала волну народного гнева, что угрожало католической церкви серьезными осложнениями.

Огонь против модернистов.

Значительную часть своей энергии и сил Пий X израсходовал на беспощадную борьбу с так называемой модернистской ересью. В чем была ее суть, чего добивались и кого представляли модернисты? Почему против них с таким ожесточением ополчились Пий X и его окружение?

Под термином "модернисты" вошли в историю церкви многочисленные и не всегда связанные между собой церковные и мирские католические деятели, которые, отталкиваясь от призывов Льва XIII "осовременить" церковь, выступали с реформаторских позиций с целью примирить католическую веру с современной общественной мыслью и наукой. Приверженцы модернизма, как отмечает Дж. Канделоро, стремились скептически пересмотреть и обновить закостенелую католическую доктрину и традиционалистскую, авторитарную практику церкви. Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии. От такой "ревизии" католицизма выигрывала в первую очередь буржуазия.

В философском плане модернисты находились под сильным влиянием иррационалистической философии А. Бергсона, в области политики они выступали с позиций христианской демократии и даже христианского социализма. В целом модернисты стремились обновить католицизм, освободить его от средневековых суеверий, сделать его более "утонченным" и тем самым более привлекательным, с одной стороны, для интеллигенции, а с другой - для трудящихся масс, борющихся за свои права.

Католические модернисты, как уже упоминалось, появились при Льве XIII. "Ересь американизма" была одной из разновидностей модернизма. Лев XIII, как уже было сказано, выступил против "американизма". Незадолго до своей смерти, в декабре 1902 г., Лев XIII в послании к итальянскому духовенству осудил "тяготение к неразумным и печальным новшествам". Однако он призывал одновременно "разумно сообразовываться с условиями времени". В отличие от своего предшественника, Пий X ополчился против модернистов без всяких оговорок. В особенности раздражал Ватикан историко-критический подход модернистов к библейским текстам и церковным догматам, отрицание ими веры в чудеса, в чудотворность церковных реликвий.

Движение модернистов обычно связывается с именами французских аббатов Альфреда Луази (1857-1940) и Луи Дюшена (1843- 1922), английского иезуита Джорджа Тиррелла (1861-1909) и уже упоминавшегося нами итальянского священника Ромоло Мурри - одного из идеологов христианско-демократического движения. Хотя они не были связаны между собой и труды их по своей тематике не совпадали, их объединяло то, что они подвергли сомнению

различные положения католической догматики, требовали научного подхода к оценке церковных источников, в частности Библии.

Аббат Луази утверждал, что существование бога с научной точки зрения недоказуемо. Он считал, что бог не видим ни через телескоп астронома, ни в образцах пород, собранных геологом, ни в реторте химика. Возможно, он и существует, но представить людям неопровержимые доказательства своего существования он по причинам, только одному ему известным, не пожелал.

Аббат Дюшен доказал, что ранняя церковная история основана на легендах и вымыслах и не выдерживает научной критики.

Иезуит Тиррелл удивлялся, почему бог не скажет хоть одно слово, которое покончило бы с сомнениями о его существовании. Тиррелл отмечал ограниченность библейского Христа, которому была неведома история человечества, который игнорировал космос, науку, все то, что интересует людей, и лишь интересовался богом и его праведностью.

Ромоло Мурри, как уже отмечалось, выступил с позиций христианской демократии, требуя, чтобы католики защищали интересы трудящихся, и считал это лучшим средством для борьбы с социализмом. Позицию Мурри, совпадающую с установками французского "Силлона", Пий X осудил как подрыв церковных основ.

В декабре 1904 г. Пий X в обращении к католическим епископам призывал следить за поведением молодых священников-критиканов и изгонять вольнодумцев из семинарий. 3 июля 1907 г. Пий X опубликовал список 65 "заблуждений" модернизма. Этот документ известен под названием "Lamentabili". ("Достойные сожаления"). В нем по образцу "Силлабуса", который послужил ему прототипом, предаются анафеме как сами заблуждения, так и их носители-модернисты. 16 сентября того же года модернизм подвергся суровой критике и осуждению в энциклике "Pascendi dominici gregis" ("Необходимость пасти стада").

В ней указывалось, что модернизм состоит не из отдельных, не связанных между собой ошибок, но представляет собой "хорошо организованную систему, части которой так крепко связаны между собой, что признание одной из них неизбежно ведет к признанию всей системы в целом". Далее Пий X объявлял модернизм "комплексом и синтезом всех ересей", самым опасным еретическим учением, когда-либо угрожавшим церкви, ибо он подрывает церковь изнутри. Папа утверждал, что модернизмом заражены многие церковнослужители и католические деятели. Другие, хотя и не разделяют их взглядов, ведут себя на практике как модернисты. Последние обещают реформировать церковь, в действительности же они стремятся ее разрушить. "Если бы кто-нибудь взялся собрать все ложные утверждения, на протяжении столетий возникавшие против религии, и пожелал бы свести их воедино,- сказано в энциклике,- то он не мог бы этого сделать лучше, чем модернисты, которые разрушают не только католическую церковь, но и саму религию".

Ссылаясь на авторитет Пия IX, папа Сарто требовал, чтобы философия продолжала оставаться "служанкой богословия": "Во всем, что касается религии, философия должна не господствовать, но служить, не предписывать, чему следует верить, но с разумной покорностью усваивать, не исследовать глубины тайн божьих, но благочестиво и смиренно чтить их".

Громы и молнии против модернистов в энциклике "Pascendi" заканчивались обещанием выпустить критическое издание латинской версии Библии, создать Папский институт по изучению Библии и Ватиканскую академию наук. Но из этого заигрывания Ватикана с наукой ничего не получилось. Библия была выпущена, но комментарии к ней носили не критический, а апологетический характер. Институт по изучению Библии был создан, но был отдан на откуп иезуитам. Что касается Академии наук, то она родилась лишь четверть столетия спустя и состоит только из почетных членов. В ее стенах не велась, не ведется и вряд ли когда-либо будет вестись научная работа. Религия была и остается врагом науки. Эти два начала несовместимы и противостоят друг другу.

Книги модернистов были включены в индекс запрещенных книг, а их авторы, отказавшиеся признать и осудить свои "ошибки", подверглись отлучению от церкви.

Пий X ввел так называемую "присягу вере", которую стали называть "антимодернистской присягой". Ее были обязаны давать священники при посвящении в сан и затем ежегодно

повторять ее. В ней осуждался модернизм во всех его проявлениях, и служители культа обязывались искоренять его самым решительным образом. Борьба с модернистской ересью воскрешала средневековые времена охоты за ведьмами. Епархии подвергались частым инспекционным проверкам чиновников курии, которые, подобно средневековым папским легатам, творили суд и расправу над священниками, заподозренными в модернизме, не считаясь с мнением епископов и даже кардиналов. Епископы были обязаны отчитываться перед Ватиканом о мерах по борьбе с модернизмом. Семинаристам было строжайше запрещено читать какие-либо газеты, что возмутило даже царского дипломата Волконского, который сообщал в Петербург 31 августа 1910 г., что в папских постановлениях, которыми "запрещается чтение всяких газет и периодических изданий, хотя бы наилучших, слышится не только недоверие, но и опасение за ненадежность как педагогического персонала, так и вообще массы духовенства". Волконский спросил статс-секретаря Мерри дель Валя:

"Допустимы ли отныне для чтения в семинариях такие органы печати, как "Оссерваторе Романо"?" Кардинал ответил отрицательно. "Подобное запрещение,-писал Волконский в Петербург,-равносильно тому, если бы, например, запретили юнкерам читать приказы по военному ведомству в "Русском инвалиде"". "Ежегодник музея истории религии и атеизма".

Больше всего было осуждено за модернизм французских прелатов. Пий X называл это течение "французской болезнью церкви". Под "французской болезнью" подразумевался сифилис. Он винил во всех бедах церкви Францию. Она была колыбелью революции, антиклерикализма, а теперь и модернизма, получившего широкое распространение среди французского духовенства.

Теперь симпатии Пия X к Германии еще более усилились. Папа надеялся, что Германия будет использована провидением, чтобы примерно наказать антиклерикальную безбожную мятежную Францию, эту в прошлом "наиболее любимую дщерь католической церкви". Сближение с Германией вовсе не помешало Пию X опубликовать в 1910 г. энциклику в связи с 300-летием канонизации кардинала Барромео, видного представителя контрреформации, в которой протестанты были названы "преступниками", "врагами Христа" и другими столь же оскорбительными эпитетами, что вызвало резкие протесты в Германии, которые, в свою очередь, повлекли за собой извинения со стороны Ватикана. Такая непоследовательность, необдуманность, скоропалительность в осуждении противников католицизма были свойственны вспыльчивой натуре Пия X.

Против заподозренных в модернизме пускались в ход анонимки, доносы, слежка, всякого рода провокации. С этой же целью было создано специальное церковное сыскное учреждение "Содалициум Пианум" во главе с прелатом Бенини, находившимся в непосредственном подчинении у кардинала Мерри дель Валя. Бенини утверждал, что человечество может быть спасено только инквизицией. С приходом к власти Муссолини этот прелат превратился в фанатичного последователя фашизма.

Кардинал Гаспарри, работавший при Пии X в статс-секретариате, в своих показаниях конгрегации, возводившей папу Сарто в ранг блаженных, свидетельствовал: "Папа Пий X одобрил, благословил и поощрял тайную шпионскую организацию, действовавшую над и вне церковной иерархии, более того, шпионившую за иерархами, даже за высокочтимыми кардиналами. Повторяю, папа одобрил, благословил и поощрял своего рода масонскую организацию внутри церкви, вещь неслыханная в церковной истории". Позволительно не согласиться с заключительной частью этой фразы: шпионство и доносительство вполне вписываются в церковную историю, доказательством тому служит многовековая деятельность инквизиции.

В результате кампании против модернистов многочисленные семинарии были закрыты, светские католические организации распущены, многие прелаты наказаны или изгнаны из церкви. Различного рода репрессиям подверглось около 40 тыс. служителей церкви. Именно в период гонений против модернистов Пий X, как уже указывалось, запретил деятельность демохристианских организаций во Франции и в Италии.

Аббат Альфред Луази, одна из жертв антимодернистской кампании папы Сарто, в своих воспоминаниях писал об этих временах, что понтификат Пия X являлся "подлинной вакханалией фанатизма и глупости". Можно было бы добавить к этому и "безумия", ибо одним из главных заводил антимодернистских гонений был испанский капуцин кардинал Вивес-и-

Туто по прозвищу "всемогущий Вивес", возглавлявший конгрегацию индекса запрещенных книг и закончивший свои дни в сумасшедшем доме.

Чем же были вызваны эти гонения Ватикана на модернистов и христианских демократов, напоминавшие мрачные времена Средневековья? Патологическим страхом, который испытывали ватиканские верхи перед прогрессом науки и перед быстрым ростом влияния в обществе идей социализма. И в первую очередь страхом перед этими явлениями самого Пия X.

В системе католической церкви роль папы огромна. И дело не только в том, что, согласно догмату непогрешимости, его слово является законом как для священников, так и для верующих мирян. Даже если бы и не было этого догмата, папа все равно пользовался бы большим влиянием просто в силу авторитета своей должности наместника бога на земле, главы церкви. Ведь от воли папы зависят карьера любого иерарха, его доходы, его место в церкви и обществе.

Папа может одним росчерком пера повысить или понизить любого служителя культа в должности, может сделать его епископом, кардиналом или лишить духовного сана, предать анафеме. Средневековая формула: "Рим изрек, вопрос решен" - обсуждению или апелляции не подлежит, действовала безотказно вплоть до Второго Ватиканского вселенского собора. Поэтому инициативный, решительный папа может при желании повернуть ладью св. Петра в любую сторону. Если ему заблагорассудится направить ее в зону бурь и ненастий, преднамеренно подвергнуть всяким опасностям, он не встретит действенного сопротивления ни среди духовенства, ни среди верующих. Его противникам останется только уповать, чтобы провидение смилостивилось над ними и поскорей вознесло бы на небеса того, кто, именуясь "рабом рабов божьих", в действительности ведет себя подобно тирану по отношению к своим "овечкам". Этим и объясняется в значительной степени, почему курс Пия X на искоренение модернистской ереси, несмотря на то что он наносил большой вред авторитету церкви и отталкивал от нее многих талантливых и влиятельных последователей, не встретил сколько-нибудь серьезного сопротивления ни внутри церкви, ни за ее пределами.

Пий X в интеллектуальном плане был весьма ограниченным человеком. Воспитанный в традициях "Силлабуса", вражды и отвращения ко всяким "новшествам", питая недоверие к науке, цивилизации, интеллигенции, Пий X увидел в модернизме и модернистах "страшную гидру", угрожавшую самому существованию церкви, и, уверовав в свою миссию спасителя католицизма, принялся искоренять ее всеми доступными ему средствами. При этом папа не испытывал ни сомнений, ни колебаний, что подтверждается не только его многочисленными публичными, но и частными высказываниями. Он, например, писал архиепископу Кремоны: "Я удивлен, что вы считаете слишком суровыми меры, направленные против все разрастающегося пожара, ведь зло, которое стремятся распространить среди верующих (модернисты.-И. Г.), во много раз смертельнее учения Лютера, и его прямая цель не только разрушить церковь, но и само христианство". В другом месте папа писал, что модернисты желают, чтобы их врачевали "елеем, мылом и ласками, а нужно драться с ними кулаками. В драке не считают и не измеряют ударов: удары наносят кто как может! Войну не ведут с помощью благодеяний. Это борьба, это поединок. Как будто наш господь не был беспощаден и не служит нам примером также и в этом? Разве он не изгонял плетью филистимлян, сеятелей ереси, волков в овечьей шкуре, торгашей?".

Что касается социальных вопросов, то Пий X, в отличие от Льва XIII, предпочитал не мудрствовать лукаво, а придерживаться пословицы: "Каждый сверчок знай свой шесток". В 1909 г., выступая перед делегацией итальянских католиков, папа заявил: "Пусть богатые не скупятся на подаяния. Пусть бедные испытывают гордость, ибо они уподобляются образу Христа! Да изгонят они из своего сердца зависть, да пребудет с ними терпение и смирение".

На пороге "войны-гиганта".

Пий X явно надеялся на победу германо-австрийского блока в грядущей войне. "Славянство,- пишет Э. Винтер,- было ему чуждо, даже враждебно". Зато своих симпатий к Австро-Венгрии новый папа не скрывал. Отвечая на поздравление Франца-Иосифа по поводу своего избрания, Пий X заверил его, что будет "делать все возможное, чтобы выполнить желание его величества". И он действительно старался делать это в годы своего понтификата.

Разрыв Ватикана с Францией, союзницей России, не мог не сказаться отрицательно на отношениях папского престола с царской властью. Пий X после революции 1905- 1907 гг. утрачивает веру во всемогущество царизма, он все больше уповает на то, что в грядущей войне союзники потерпят поражение от центрально-европейских держав, а это развяжет руки католической церкви в России, позволит ей наконец подчинить своему влиянию православие.

Немецкие кардиналы, посещавшие папу, все чаще и чаще сообщали своим правительствам, что Пий X испытывает самые верноподданнические чувства по отношению к Германии. В Ватикане германских политических деятелей принимают с подчеркнутой помпой. В связи с таким приемом, оказанным германскому канцлеру Бетману-Гольвегу в 1910 г., русский посланник при папском престоле Н. И. Булацель сообщал в Петербург: "Современное общее политическое положение позволяет с большей вероятностью заключить, что как у Германии, так и у св. престола имеется немало поводов для взаимного сближения. Антиклерикализм в последнее время... сказался очень резко в общественных и даже в правительственных кругах разных стран, тогда как в Германии таких проявлений наблюдается гораздо меньше. Если Ватикану выгодно сохранить расположение хотя бы этой одной державы, то имперское правительство в свою очередь естественно дорожит благожелательством курии, которой повинуется партия центра, ныне весьма могущественная". М. М. Шейнман. От Пия IX до Иоанна XXIII.

Вильгельм II в свою очередь старался заручиться симпатией Пия X, правда в свойственной ему манере: он преподнес в дар главе католической церкви несколько сот маузеров, предложив вооружить ими папских гвардейцев.

В восточных планах Ватикана начинает все более заметную роль играть униатская церковь и ее глава архиепископ граф Андрей Шептицкий, в прошлом австрийский офицер, обосновавшийся во Львове. Пий X тайно возводит его в сан экзарха будущей русско-католической церкви. В 1912 г. Шептицкий под чужой фамилией совершил по поручению Пия X инспекционную поездку в Россию. По приказу властей полиция выслала его обратно в Австро-Венгрию.

Чем больше сгущались военные тучи, тем враждебнее относился Пий X к России.

12 декабря 1913 г. папа заявил посетившему его немецкому историку Людвигу фон Пастору, что Россия-самый большой враг католической церкви, что славянским народам нельзя доверять и что все они рано или поздно перейдут под власть России. В 1914 г., незадолго до начала первой мировой войны, принимая русского резидента при Ватикане Д. Я. Нелидова, Пий X в резкой форме стал обвинять русское правительство в том, что оно якобы всегда обманывало католическую церковь и постоянно нарушало свои обещания. Когда Нелидов стал возражать, папа пришел в негодование и не захотел его слушать. Э. Винтер. Папство и царизм.

Пий X считал, что православие, как и протестантизм, является порождением революционного духа и поэтому не сможет оказать действенного сопротивления грядущей революции. Он ждал "войны-гиганта" и надеялся, что в ней одержат победу Германия и Австро-Венгрия, в которых католики пользовались преобладающим влиянием. Поэтому, когда произошло убийство австрийского престолонаследника в Сараево и Австро-Венгрия объявила ультиматум Сербии, Пий X и его статс-секретарь Мерри дель Валь высказались в поддержку Австро-Венгрии.

Имеются на этот счет два убедительных документа, хорошо известные историкам этого периода. Первый из них-депеша австрийского посла при Ватикане графа Пальфи своему правительству от 29 июля 1914 г.: "Когда два дня тому назад я посетил кардинала статс-секретаря, последний, естественно, навел разговор на великие проблемы, овладевшие сейчас вниманием Европы. В его замечаниях нельзя было почувствовать какого-либо духа примирения или уступок. Он охарактеризовал нашу ноту Сербии как очень резкую, но безоговорочно одобрил ее и косвенно выразил надежду, что монархия доведет дело до конца. Несомненно, полагает кардинал, жаль, что Сербию не удалось усмирить раньше, когда это, по-видимому, возможно было сделать без непредвиденных внешних осложнений. Это заявление совпадает с точкой зрения папы, так как его святейшество в последние годы неоднократно выражал сожаление, что Австро-Венгрия пренебрегла возможностью наказать своего опасного дунайского соседа".

Видимо, сам граф Пальфи, чувствуя определенную неловкость за столь агрессивную позицию "святого отца", счел необходимым прокомментировать ее следующим образом:

"Можно было бы спросить: как объяснить тот факт, что католическая церковь, возглавляемая столь святой личностью и проникнутая поистине апостолическими помыслами, может быть столь воинственной? Ответ простой. Папа и римская курия усматривают в лице Сербии прогрессирующую болезнь, которая может со временем поразить жизненный нерв монархии и разрушить ее. Ведь Австро-Венгрия, несмотря на все испытания, которым подвергала ее в последние годы курия, по-прежнему является примерным католическим государством и самым надежным оплотом религии, который остался у христианской церкви в наше время. Разрушение этой цитадели означало бы для церкви потерю своего самого надежного опорного пункта и самого сильного бойца в борьбе с православием". Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии.

Вторым документом является сообщение, которое направил своему правительству 24 июля того же года представитель Баварии при Ватикане барон фон Риттер и которое совпадает по своему содержанию с указанной выше депешей австрийского посла. Риттер сообщал: "Папа одобрительно относится к резкому выступлению Австрии против Сербии и, размышляя о возможности войны с Россией, придерживается невысокого мнения о русской и французской армиях. Кардинал статс-секретарь надеется, что на этот раз Австрия не уступит. Он не представляет себе, когда же Австрия будет вести войну, если она и на этот раз колеблется подавить своими армиями агитацию, которая привела к убийству кронпринца и которая, в конце концов, угрожает самому существованию монархии. Все это также свидетельствует о большом ужасе, который святой престол испытывает перед панславизмом". Дж. Канделоро.

Католическое движение в Италии.

Эти два документа недвусмысленно представляют Пия X как поборника центрально-европейских держав. Церковные апологеты пытаются всемерно приуменьшить их значение, утверждая, что представители этих держав при Ватикане выдавали желаемое за действительность. Но если это так, то как же оценивал Пий X империалистическую войну? Осудил ли он ее, предал ли зачинщиков ее анафеме, призывал ли народы положить ей конец, пытался ли примирить враждующие стороны - одним словом, сделал ли он что-либо в пользу мира? "Адвокаты" Пия X в ответ на эти вопросы утверждают, что он не успел ничего сделать, ибо 20 августа "умер от горя", придя в отчаяние от того, что война все-таки разразилась. Однако имеется еще один документ, который четко отражает истинное отношение к войне Пия X. Это - "Обращение к католикам всего мира" за его подписью, опубликованное 2 августа. Над этим документом лихорадочно трудились в Ватикане с первого часа войны. Вот его текст: "В то время как почти вся Европа втянута в водоворот роковой войны, об опасностях, жертвах и последствиях которой никто не может думать без боли и страха, не можем и мы не испытывать озабоченности и глубочайшей боли в душе за спасение и жизнь стольких христиан и стольких народов, которые так дороги нашему сердцу". Только и всего! Ни слова осуждения в адрес тех, кто развязал войну, ни слова призыва к миру. Эти скупые и пустые по своему содержанию строчки косвенно доказывают, что Пий X был в числе тех, кто способствовал своей реакционной политикой развязыванию мировой войны 1914 г.

16 августа 1914 г. папа почувствовал недомогание и слег. Два дня его состояние не вызывало опасений. Однако в ночь с 18-го на 19-е у него сильно поднялась температура, и он стал терять сознание. 19-го над ним был совершен обряд соборования, в спальню явились для прощания кардиналы и ближайшие родственники.

По-видимому, приближался роковой час получить прощальный "пиночек" от жизни. Быть может, именно об этом "пиночке", так поразившем его воображение 11 лет тому назад на похоронах Льва XIII, о суете сует и бренности человеческого существования думал этот итальянский крестьянин, умиравший на огромном ложе под балдахином в папской опочивальне апостолического дворца. Жизнь быстро покидала его.

В ночь на 20 августа у изголовья папы остался бодрствовать только его слуга Сенека. В 1 час 16 минут 20 августа Сенека выбежал из спальни с криком: "Папа мертв! Папа мертв!"

Так закончил свои дни Джузеппе Сарто, сын бедного крестьянина, ставший папой, искренне веривший в бога и страховавший свою жизнь в американской "Лайф иншюранс

компани", ревностно служивший сильным мира сего и боявшийся прогресса науки и социализма пуще ада.

БЕНЕДИКТ XV, ИЛИ ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ НА ПАПСКОМ ПРЕСТОЛЕ.

Джакомо делла Кьеза, маркиз, родился в 1854 г. в Генуе. Важнейшие посты в церкви: заместитель статс-секретаря при Льве XIII и Пии X, архиепископ Болоньи, кардинал. Избран папой 3 сентября 1914 г., принял имя Бенедикта XV. Прозвища: "малыш", "клирик двух песет", "папа-бош". Во время мировой войны его симпатии склонялись в пользу центральных держав. После войны пытался безуспешно заручиться поддержкой Вильсона для решения в пользу церкви "римского вопроса". Ярый враг социализма и пролетарской революции. В церковной политике, в отличие от Пия X, придерживался умеренного курса. Скончался 22 января 1922 г.

Конклав избирает делла Кьезу.

Смерть Пия X не привлекла к себе особого внимания мировой общественности. Мир был занят разразившейся войной, газеты сообщали о сражениях, победах и поражениях воюющих держав, гадали о будущем. Дела ватиканские мало кого волновали, если не считать кардиналов, спешивших со всех концов католического мира на конклав, да дипломатов правительств воюющих держав, хлопотавших о том, чтобы продвинуть на папский престол "своего" кандидата.

На конклав прибыли 57 кардиналов, хотя в момент смерти Пия X их насчитывалось 66. Пятеро из них не участвовали в выборах папы по болезни, один скончался в пути, трое-два американца и один канадец-опоздали на конклав. Из воюющих держав все иерархи явились на конклав вовремя.

Быстро похоронив Пия X, который завещал не бальзамировать его и посему был захоронен в своем "естественном" состоянии, кардиналы приступили к обсуждению кандидатур и голосованию.

Несмотря на то что Пий X после своего избрания издал буллу, в которой под угрозой отлучения запрещал кардиналам во время конклава действовать под давлением светских властей или использовать вето, и на этот раз кардиналы, особенно представители воюющих держав, действовали в интересах своих правительств, согласно полученным от них указаниям, с той только разницей, что они на эти указания не ссылались.

Как обычно, агрессивно вели себя немцы. Германские иерархи громогласно заявляли, что кайзер одержит молниеносную победу в войне. Одного из них, неустанно повторявшего по латыни: "Cito vincemus in bello" ("Выиграем войну молниеносно"), прозвали "кардиналом Цито". Пытаясь воздействовать на конклав, немцы распространили среди его участников "Меморандум немецких католиков о мировой войне", составленный при участии одного из лидеров католической партии Центра, М. Эрцбергера, в котором делалась попытка снять с германского правительства ответственность за развязывание войны и утверждалось, что победа Антанты нанесет "тягчайший урон" мировому католицизму, ибо будет означать триумф протестантизма и православия.

Из-за бушевавшей в Европе войны кардиналы решили не затягивать конклав и побыстрей избрать нового понтифика. Ежедневно проводилось четыре тура голосования.

Большинство участников конклава придерживалось мнения, что покойный понтифик своими гонениями на модернистов принес церкви больше вреда, чем пользы, и что его преемник должен придерживаться более умеренного курса, проявлять больше такта и умения сглаживать острые углы. Высказывалось также пожелание, чтобы будущий папа обладал и некоторым дипломатическим опытом, поскольку ему придется действовать в условиях войны.

На конклаве образовались две партии. Одна поддерживала союзников, другая-центрально-европейские державы. Первая выдвинула кандидатуру кардинала Феррати, бывшего нунция в Париже и сторонника франко-русского союза. Феррати был секретарем конгрегации чрезвычайных дел при Льве XIII, тесно сотрудничал с Рамполлой. Как пишет в своих воспоминаниях тогдашний президент Франции Раймонд Пуанкаре, французские кардиналы обещали добиваться избрания на папский престол именно этого кардинала.

Кандидатом от пронемецкой партии и крайних реакционеров стал кардинал Доменико Серафини, глава бенедиктинского ордена, епископ города Сполето, который в 1904 г. был папским легатом в Мексике. За его спиной стоял статс-секретарь Мерри дель Валь, сам не

претендовавший на папскую тиару из-за своей близости к Пию X. Серафини, однако, был молод-ему исполнился 51 год, и он только три месяца как носил кардинальскую шапку. Избрать такого молодого иерарха главой католической церкви означало похоронить надежды других членов кардинальской коллегии занять в ближайшее время папский престол, что вряд ли могло прибавить Серафини голосов.

У итальянского правительства тоже был свой кандидат-кардинал Маффи, архиепископ Пизы. Маффи поддерживал дружественные отношения с королевской семьей. Его даже называли "духовником отлученной от церкви династии". Во время ливийской войны Маффи выступал с призывами в поддержку захватнических планов Италии. Сторонников Маффи называли "политиканами".

Был еще один кандидат, который располагал поддержкой в различных группировках,-кардинал Джакомо делла Кьеза, архиепископ Болоньи. Делла Кьеза при Льве XIII служил заместителем статс-секретаря Рамполлы. Этот пост он сохранил и при Мерри дель Вале, хотя слыл за человека Рамполлы. В 1907 г. Пий X отделался от него, назначив архиепископом Болоньи. Кардинальскую же шапку он получил только после смерти Рамполлы, за три месяца до кончины Пия X, одновременно с Серафини.

Делла Кьезу молва обвиняла в том, что он был причастен к внезапной смерти соперника Рамполлы кардинала Тарнасси, которого Лев XIII намеревался назначить статс-секретарем. Об этом историк папства Э. Винтер сообщает следующее. Соперник Рамполлы умер в Риме совершенно неожиданно, скоропостижно и загадочным образом. В Ватикане поговаривали об отравлении: Тарнасси умер уж очень вовремя, и вряд ли, как полагали в римской курии, это произошло естественным образом. Называли убийцу: монсиньора делла Кьезу, о котором Теодор Зиккель (директор Австро-Венгерского института в Риме) пишет как о любимчике Рамполлы. Зиккель считал этого прелата человеком бесчестным, ни перед чем не останавливающимся. Э. Винтер. Папство и царизм. В связи со смертью кардинала Тарнасси пост статс-секретаря достался Рамполле, а его заместителем стал делла Кьеза.

Несмотря на то что делла Кьеза слыл сторонником профранцузской ориентации, он сумел войти в доверие к австрийским кардиналам, которые были не прочь поддержать его кандидатуру, как сообщал об этом посол Австро-Венгрии в Вену накануне конклава.

О ходе голосования на этом конклаве имеются точные сведения, опубликованные бывшим французским послом при Ватикане Шарлем Пишо. Они показывают, как развивалась борьба между сторонниками различных кандидатур.

Первый тур голосования дал следующие результаты:

Кардиналы

Число полученных голосов

Биччильери

2

Серафини ....

4

Мерри дель Валь

7

Рамполла

9

Маффи

12

делла Кьеза

12

Семь других кардиналов получили по одному голосу.

Результаты первого тура показывали, что Маффи и делла Кьеза выдвинулись вперед. Во втором, третьем и четвертом турах Маффи получил 16 голосов, в то время как его соперник-соответственно 16, 18 и 20. В пятом туре Маффи, потерял два, а делла Кьеза приобрел еще один голос. В шестом туре Маффи выбыл из гонки, его место занял Серафини, который

получил 17 голосов, а делла Кьеза - 27. В седьмом, восьмом и девятом турах за Серафини проголосовало 18, 21 и 22 кардинала, а за делла Кьезу-29, 30 и 30. Последующие шесть туров особых изменений в распределение голосов не внесли. И только шестнадцатый тур принес окончательную победу кардиналу из Болоньи, он получил свыше двух третей голосов - 50 из 57. Делла Кьеза назвался Бенедиктом XV якобы в честь Бенедикта XIV (1740-1758), уроженца Болоньи. Это показывало, что новоизбранный папа не хотел связывать себя ни с курсом Льва XIII, ни тем более Пия X.

Новый папа был "молодым" для своей должности. Ему исполнилось всего 60 лет. Он обладал железным здоровьем, поэтому его правление могло затянуться на долгие годы. Ведь папы с избранием как бы обретают второе дыхание и живут долго.

Бенедикт XV родился в 1854 г. в семье "черного" аристократа маркиза Джузеппе делла Кьезы, генуэзского банкира средней руки. В юности он был свидетелем крушения светской власти пап. Молодой маркиз решает посвятить себя духовной карьере. Он горит желанием сражаться за попранные права римского понтифика. Его отец более трезво смотрел на эти вещи. Он потребовал от своего отпрыска сперва закончить юридический факультет университета в Генуе, а уж потом вступить на духовную стезю. В университете делла Кьеза примкнул к ультраклерикальной организации, члены которой именовали себя "отроками Пия IX". Будущий папа учился в Грегорианском университете-высшем духовном учебном заведении католической церкви, где и был посвящен в духовный сан. Затем благодаря семейным связям поступил в Академию священников-дворян, готовившую папских дипломатов. Там его приметил и приблизил к себе Рамполла. С тех пор он следовал за Рамполлой подобно тени. Когда Лев XIII назначил Рамполлу нунцием в Мадрид, делла Кьеза поехал с ним в качестве секретаря. В Мадриде он получил прозвище "клирика двух песет" за то, что давал на чай, как правило, две песеты. Год спустя Рамполла получил кардинальскую шапку и был отозван в Рим. С ним вернулся и делла Кьеза. Когда же Рамполла стал статс-секретарем, он перетянул в это ватиканское учреждение и делла Кьезу. Однако маркиз не сделал быстрой карьеры в статс-секретариате. 14 лет он работал в сравнительно скромной должности референта и только стараниями своей матери, которая использовала семейные связи для продвижения по служебной лестнице своего сына, стал в 1901 г. заместителем Рамполлы, ведающим секретным отделом статс-секретариата. В то время его коллегой-секретарем конгрегации по особо важным делам - был монсиньор Гаспарри.

Мы уже отмечали, что благодаря интригам Мерри дель Валя в 1907 г. делла Кьеза после 20-летней службы в курии был удален в Болонью на должность епископа, где в течение шести лет дожидался кардинальской шапки.

Делла Кьеза воспринял свое избрание на папский престол спокойно, будто всегда был уверен, что именно таким образом завершится его церковная карьера. Когда его секретарь монсиньор Мигоне, услышав имя нового папы, упал от волнения в обморок, делла Кьеза в присутствии окружавших его кардиналов рассмеялся: "Посмотрите на этого младенца, можно подумать, что его избрали папой!" Вообще же новый понтифик отличался высокомерием и сдержанностью. Он походил больше на чиновника, чем на священника. Ему, как, впрочем, большинству пап, были чужды церковная экзальтация, проявления мистицизма и религиозного фанатизма. Говорят, что, когда одному прелату он сообщил о намерении возвести его в епископский сан и тот стал в порыве свойственного церковникам лицемерия громко заверять, что недостоин такого назначения, делла Кьеза с улыбкой сказал ему:

- Хорошо, я вас удовлетворю, вы свободны. Я намеревался сделать вас епископом, а вовсе не мучеником.

Внешне новый папа выглядел совсем не по-папски. Он был ниже среднего роста, сухопарый, малоподвижный, с большой головой, в очках, бледный, с хриплым, неприятным голосом. Выступать публично было для него мукой. Когда он сидел на папском троне, то выглядел ребенком. В период его работы в статс-секретариате его прозвали "малышом" (piccoleto). Вероятно, для того чтобы выглядеть во время коронации более внушительно, Бенедикт XV распорядился, чтобы эта торжественная церемония происходила не в соборе св. Петра, а в сравнительно небольшой Сикстинской капелле.

Новый папа отлично знал все тонкости и секреты ватиканской "кухни", церковную "машину" он изучил досконально.

Нейтралитет... в пользу Германии.

По первым шагам нового папы судят о направлении его понтификата. После своего избрания Бенедикт XV сообщил собственноручно написанным письмом президенту Франции о своем восшествии на папский престол, хотя отношения Ватикана с Парижем были прерваны 10 лет назад.

Новый папа обнаружил среди бумаг Пия X донос епископа Пьяченцы монсиньора Пеллиццари, в котором он, делла Кьеза, обвинялся в модернистских симпатиях. Возможно, этот донос был причиной того, что в свое время делла Кьезу вместо Мадрида Пий X направил епископом в Болонью. А так как в такого рода интригах не мог не участвовать Мерри дель Валь, то Бенедикт XV немедленно уволил своего бывшего шефа с поста статс-секретаря, назначив его руководителем конгрегации священной канцелярии (инквизиции) с обязанностью еженедельно докладывать папе о текущих делах. Это было явным понижением для любимчика Пия X. Место статс-секретаря, второй по значимости после папы пост в курии, занял кардинал Феррати, известный своими профранцузскими симпатиями. Когда в 1915 г. Феррати умер, на его место был назначен кардинал Гаспарри, преподававший до этого в течение 17 лет каноническое право в Католическом институте в Париже. I

Из этих фактов можно было заключить, что Бенедикт XV будет проводить просоюзническую политику. В действительности получилось иначе.

В начале войны в Ватикане преобладало мнение, что победителями окажутся центрально-европейские державы. Стремясь оказаться в стане победителей, Бенедикт XV и его окружение заигрывали с представителями австро-германского блока, хотя и не решались на открытую его поддержку. В первом послании по поводу войны "Al aeattissimi" Бенедикт XV, вместо того чтобы заклеймить буржуазные правительства, ответственные за войну, предпочел обрушиться на социалистов, надеясь таким образом снискать себе симпатии как в кругах Антанты, так и австро-германского союза.

Выступление Бенедикта XV вызвало резкое осуждение Ромен Роллана, который в своем дневнике писал: "Папа, голоса которого все так ждали, возвысил его наконец и сделал это для того, чтобы осудить... социализм! В новой энциклике сказано, что "менее обеспеченные, которые борются против богатых, не только грешат против справедливости и милосердия, но они совершают насилие над самим разумом, тем более, что и они тоже могли бы путем честного соревнования в труде создать себе лучшие условия, если бы они этого захотели...".

Конечно, нужно, чтобы наместник Христа говорил о любви к ближнему. Но "эта любовь, разумеется, не должна иметь своим результатом упразднение классовых различий... Но все же эта любовь приведет к тому, что те, кто находится в Наилучшем положении, некоторым образом снизойдут до стоящих на нижних ступенях и не только будут соблюдать по отношению к ним справедливость, но и будут обходиться с ними с добротой, приветливостью и терпением; эта любовь приведет также и к тому, что и стоящие внизу, в свою очередь, будут радоваться процветанию верхних и будут полагаться на их поддержку, точно так же, как младший из сыновей в семье полагается на покровительство старшего".

Что за пренебрежительная благосклонность! Что за аристократическая спесь! Видно, что человек, написавший это, ни разу не вкусил нищеты. И ему легко напоминать людям притчу Менения Агриппы, ему, кто присвоил себе роль головы в живом организме! Менений Агриппа - римский консул. В 503 г. до нашей эры, согласно легенде, он уговорил восставших плебеев вернуться в Рим, рассказав им призывающую к покорности притчу. Вся эта мысль основана на поклонении победоносной силе и выражается так: всякая власть-от бога, и все существующие власти установлены богом. Всякая власть, имеющаяся над людьми, будь то власть князя или ему подчиненных, имеет божественное происхождение".

Сторонники Антанты усиленно обрабатывали ватиканских прелатов, стремясь перетянуть их на свою сторону. Вскоре после начала войны Великобритания открыла свою дипломатическую миссию при папском престоле. Английские и русские дипломаты оказывали давление на Бенедикта XV, с тем чтобы он возобновил дипломатические отношения с Францией, да и французы были готовы к этому. Однако папа не спешил с ответом, учитывая тогдашние успехи в войне германских войск.

Отказ папы осудить захват немцами католической Бельгии, бомбардировку Реймского собора, кровавые репрессии против гражданского населения оккупированных областей вызвали против Бенедикта XV широкую волну возмущения среди населения союзнических государств, подогреваемого властями. В некоторых милитаристских газетах Франции его прямо называли "папой-бошем".

Между тем Австро-Венгрия строила планы отторжения Украины от России. Ей в этом усердно помогал архиепископ Шептицкий. 15 августа 1914 г. Шептицкий направил "Памятную записку" императору Францу-Иосифу, предлагая создать "великоукраинское гетманство" во главе с австрийским эрцгерцогом и украинский патриархат. Шептицкий мечтал стать патриархом, кардиналом, а может быть, и папой объединенной католико-православной церкви, возникновению которой он намеревался содействовать в случае поражения России в войне.

Честолюбивым планам графа Шептицкого не суждено было осуществиться. Львов был занят русскими войсками, а сам Шептицкий и его "Памятная записка" вместе со многими другими документами, разоблачавшими его как агента австрийского генерального штаба, попали в руки русских властей. В результате Шептицкий был выслан в Спасо-Евфимьевский монастырь в Суздале.

Когда весть об этом достигла Ватикана, Бенедикт XV стал ходатайствовать через русскую миссию об освобождении Шептицкого и о разрешении для него выехать в Канаду. Было выдвинуто даже предложение обменять его на русских журналистов, находившихся в плену у австрийцев. Однако русские власти отпустить Шептицкого отказались и переслали в Ватикан копии документов, раскрывавших его планы отторжения Украины от России и насильственного обращения украинцев в католичество.

Правительство Италии долго не могло решить, на чьей стороне ему вступить в войну. Оно добивалось территориальных уступок от Австро-Венгрии за свое согласие присоединиться к блоку центр альноевропейских держав. Ватикан был заинтересован в этом последнем. С присоединением Италии к центральным державам возник бы своего рода блок католических государств, победа которого в войне не только расширила бы влияние католической церкви на Россию, но и укрепила бы ее позиции во всем мире.

Ватикан пытался склонить Вену удовлетворить претензии Италии. С таким демаршем перед императором Францем-Иосифом выступили архиепископ Вены кардинал Пиффль и папский нунций Скапинелли. Но Франц-Иосиф пришел в ярость и с возмущением отверг притязания Италии. Зато союзники наобещали итальянцам удовлетворить, разумеется за счет Австрии, все их требования. Кроме того, они обязались не привлекать Ватикан к послевоенному урегулированию. 15-я статья так называемого Лондонского пакта, заключенного Италией в апреле 1915 г. с Антантой, гласила, что "Франция, Великобритания и Россия будут поддерживать сопротивление, которое Италия будет оказывать всякому предложению, клонящемуся к привлечению представителя святейшего престола к участию во всех переговорах о мире и об урегулировании вопросов, выдвинутых настоящей войной". Этой статьей Италия пыталась лишить Ватикан возможности воскресить на мирной конференции "римский вопрос".

Хотя Лондонский пакт впервые был опубликован по распоряжению В. И. Ленина в 1918 г. вместе с текстами других тайных договоров, не исключено, что его содержание стало известным Бенедикту XV вскоре после его подписания. Во всяком случае, установлено, что папа знал точную дату вступления Италии в войну и сообщил ее заблаговременно центральным державам через своего приближенного немецкого прелата Герлаха, работавшего на германскую разведку. Итальянские власти возбудили против Герлаха дело по обвинению в шпионаже, что вынудило его бежать в Швейцарию. Э. Винтер. Папство и царизм.

Вступление Италии в войну на стороне Антанты весьма осложнило положение Ватикана. Почти все итальянское духовенство поддержало решение правительства, а лидер католических группировок Филиппе Меда занял в правительстве пост министра финансов. Под давлением итальянских властей дипломатические представители центральных держав были вынуждены покинуть Ватикан и перебраться в Швейцарию. Итальянское правительство заняло Венецианский дворец-резиденцию австро-венгерской дипломатической миссии при папском престоле. С другой стороны, Берлин и Вена не скупились на проявление симпатий в адрес

Бенедикта XV, обещая в случае победы центральных держав восстановить светскую власть пап. Стремясь обострить его отношения с Италией, немецкие агенты уговаривали папу покинуть Ватикан и перебраться на время войны в Испанию, куда приглашал его прогермански настроенный король Альфонс XIII.

Бенедикт XV предпочел придерживаться политики выжидания и лавирования. Он называл ее политикой нейтралитета. Таким путем папа стремился добиться для себя максимума выгоды при дележе военной добычи после победы, независимо от того, кто победит.

Папа отказался покинуть Ватикан после вступления Италии в воину. Он обязался не создавать препятствий итальянскому правительству. В беседах с союзническими дипломатами и представителями печати Антанты Бенедикт XV заверял, что он любит и Францию, и Бельгию. В ноябре 1916 г. Бенедикт XV назначил 10 новых кардиналов, из них трое были французами. Характерно, что среди свежеиспеченных князей церкви не было ни одного представителя центральных держав. Одновременно он не скупился на жесты и в пользу австро-германского блока. В марте 1915 г., незадолго до вступления Болгарии в войну на стороне Германии, папа снял отлучение с болгарского царя Фердинанда, наложенное на него еще Львом XIII за переход наследного принца Бориса в православие. Избрание в том же 1915 г. генералом иезуитского ордена графа В. Ледоховского, немецкого аристократа, известного своими связями с правящими кругами Германии и Австро-Венгрии, также было расценено как реверанс в сторону центральных держав.

В 1916 г. Ватикан направил в Вену и Мюнхен новых нунциев-Больфре де Бонцо и Эудженио Пачелли. Оба они были известны своими прогерманскими симпатиями. Пачелли считался одним из самых способных папских дипломатов. Он участвовал в заключении конкордата с Сербией и слыл специалистом по славянскому вопросу. Бенедикта XV особенно интересовали польские дела. 5 ноября 1916 г. совместным заявлением германского кайзера и австрийского императора было провозглашено образование марионеточного Польского государства. Ватикан, действуя через Пачелли, спешил обеспечить себе должное влияние в этом новом образовании, рассчитывая, что оно сохранится и в случае победы Антанты.

Больше всего Бенедикт XV опасался победы в войне России. Победа России навсегда развеяла бы папские мечты о поглощении православия католицизмом.

Заигрывая с Францией, Ватикан толкал ее на сепаратный мир с Германией. Бенедикт XV предостерегал французов, что победа союзников в войне приведет к поглощению Россией и славянством французской культуры. Такие мысли высказал статс-секретарь Гаспарри в беседе с корреспондентом французской газеты "Ле Журналь" Хэльсэ. Правда, в дальнейшем Гаспарри отрицал перед русским представителем Н. И. Боком правдивость этой информации. Бок не поверил ему. В своем сообщении русскому правительству дипломат отмечал, что статс-секретарь не был с ним искренним. "В последнем,-писал Бок,-меня убеждают не только данные, полученные мною через союзных сотоварищей из газетного мира, но и сведения, давно имевшиеся в миссии от ее заслуживающих полного доверия осведомителей. Как о том несколько раз упоминала миссия в своих донесениях, на основании сообщений, делаемых ей время от времени союзными католическими деятелями, "русская опасность", в виде завладения нами Константинополем и проливами и расширения нашего за счет католической Австрии, составляет одну из очередных забот некоторых ватиканских кругов и, в частности, кардинала Гаспарри. Поэтому мне представляется более чем вероятным, что, принимая г-на Хэльсэ и страдая иногда неуместной болтливостью и, как показывает настоящий случай, значительной бестактностью, он заговорил с ним о смущающем его призраке и выставил "угрозу России" как один из доводов в пользу сближения с Францией". М. М. Шейнман. Ватикан и католицизм в конце XIX - начале XX в.

Стремясь примирить Антанту с центральными державами за счет интересов России, Бенедикт XV пугал и тех и других призраком социальной революции, могущей поглотить всех сильных мира сего. По свидетельству М. Эрцбергера, посетившего папу в 1915 г., Бенедикт XV сказал ему: "Если война затянется надолго, то будет социальная революция, какой еще свет не видел". М. М. Шейнман. Ватикан и католицизм в конце XIX - начале XX в.

Внешнеполитические устремления Бенедикта XV хорошо были известны уже упоминавшемуся Боку, который в декабре 1916 г. сообщал в Петроград, что "мир,

оканчивающий войну вничью для остальных и в ущерб России, представляется Ватикану, и во всяком случае очень сильной в нем партии, как мир, выгодный для католической церкви".

Февральская революция в России была встречена в Ватикане со смешанными чувствами. С одной стороны, там рассчитывали, что с падением царизма ослабнет связь православия с правительством и это позволит расширить на территории России влияние католической церкви. С другой-опасались, что революция примет со временем более радикальный характер, увлечет за собой другие народы и нанесет церкви такой же, если не больший, урон, как некогда французская революция.

Надежды Ватикана получить вследствие Февральской революции большую свободу действий в России в известной мере оправдались. В начале марта 1917 г. Временное правительство выпустило на свободу графа Шептицкого, который, не теряя времени, принялся создавать иерархию греко-католической церкви на территории России. Деятельность Шептицкого вызвала недовольство правящих кругов России. Под давлением властей в августе 1917 г. он выехал в Швейцарию, оставив вместо себя своего бывшего секретаря Л. И. Федорова, возведенного им в сан епископа и экзарха греко-католической церкви в России.

События в России побудили Бенедикта XV создать 1 мая 1917 г. особую конгрегацию по делам восточных церквей (congregatio pro Ecclesia orientale), которая должна была добиваться подчинения католицизму всех христианских церквей на Ближнем Востоке, на Балканах, в Африке, а также русской православной церкви. Соответствующие кадры для этой работы должен был готовить учрежденный Бенедиктом XV папский институт восточных исследований, в число учащихся которого разрешили принимать также и православных.

О значении, которое придавал Ватикан новой конгрегации, можно судить по тому, что для ее руководства была создана коллегия из 20 кардиналов во главе с самим папой. Кардинал-секретарь восточной конгрегации, как ее стали для краткости именовать, должен был трижды в месяц лично докладывать папе о ее текущих делах.

Между тем повсеместный рост антивоенных настроений и угроза революционных взрывов в других странах Европы вынудили Ватикан активизировать свою миротворческую деятельность. 1 августа Бенедикт XV обратился к воюющим державам с призывом начать переговоры о заключении мира. В качестве основы для мирного урегулирования папа предлагал отход Германии на Западе к своим прежним границам и возвращение ей колоний. Инициатива Ватикана была инспирирована Германией через папского нунция в Мюнхене Эудженио Пачелли. Так как в папских предложениях не упоминались захваты Германией и Австро-Венгрией территорий России, то было очевидно, что папа добивался такого мира, при котором центральные державы сохранили бы завоевания на Востоке. Именно так оценили папскую ноту в своих сообщениях в Петроград русский посол в Италии Н. К. Гирс и русский представитель при папском престоле Н. И. Бок.

Правительства Антанты холодно встретили ноту Ватикана. Однако это не обескуражило Бенедикта XV. Он продолжал выискивать дипломатические пути, могущие предотвратить тогда уже очевидное для многих поражение центральных держав в мировой войне.

Как ни был делла Кьеза поглощен европейскими событиями, все же он нашел время и для того, чтобы заняться делами далекой Мексики, где в 1917 г. была принята конституция, лишавшая церковь права приобретать недвижимое имущество или вкладывать в него капиталы. Все имущество церкви переходило в собственность государства. Конституция запрещала религиозное обучение, деятельность священников-иностранцев и клерикальных организаций, совершение религиозных служб вне церковных помещений, обязывала церковников регистрироваться у гражданских властей, представляла штатам (провинциям) возможность ограничивать число служителей культа на их территориях.

Бенедикт XV не мог обойти молчанием столь "кощунственный" для церкви акт и разразился посланием в адрес мексиканского епископата, в котором осудил конституцию и одобрил развязанную против нее местным духовенством кампанию саботажа и неповиновения.

Ватикан и Советская Россия.

Победа Великого Октября и последовавшие за нею гражданская война в России и интервенция, возникновение в результате пролетарской революции в России ряда самостоятельных государств - Польши, Прибалтийских республик, Финляндии - все эти

события вызвали необычайное оживление в Ватикане. Бенедикт XV пытался извлечь из них максимальную выгоду для католической церкви. Он был убежден, что советская власть будет задушена объединенными усилиями внутренней контрреволюции и мирового империализма. Назначенный еще Керенским посланник при папском престоле А. Н. Лысаковский перешел на службу к Колчаку и Деникину. В октябре 1919 г. он писал, что папский престол сочувственно относится к "борьбе с большевизмом, которого он более всего боится". М. М. Шейнман. От Пия IX до Иоанна XXIII.

С первых же дней победы Октябрьской революции Ватикан принял активное участие в создании мифа, изображающего Советское государство в роли гонителя религии и преследователя священников. В марте 1919 г. в ответ на призыв православных епископов, служивших Колчаку, Бенедикт XV поручил статс-секретарю кардиналу Гаспарри обратиться к народному комиссару иностранных дел Советской республики Чичерину с протестом против якобы имевших место преследований церковников. Чичерин ответил, что в Советской России никто не преследуется за веру, что здесь "не происходит никаких явлений, подобных тем, которые составляли правило в тех странах, где господствовала римско-католическая церковь, по отношению к иноверцам". Нарком выразил удивление, что папа не протестует против зверств белогвардейцев и иностранных интервентов на оккупированной ими территории Советской республики.

Еще в апреле 1918 г. Бенедикт XV послал своим представителем в России, Польше и Прибалтике прелата Акилле Ратти. Папский легат дальше Варшавы не проехал. Некоторое время спустя папа назначил Ратти первым ватиканским нунцием при польском буржуазном правительстве. Ратти призывал Пилсудского к крестовому походу против Советского государства.

Ватикан приветствовал расширение границ буржуазной Польши за счет молодой Советской республики и в то же время относился резко отрицательно к присоединению к ней исконно польских земель, находившихся под властью Германии. Эта прогерманская настроенность Ватикана проявилась со всей очевидностью в 1919-1921 гг., когда во время плебисцита в Верхней Силезии папский нунций в Польше Ратти, назначенный Лигой наций наблюдателем, проявил откровенную тенденциозность в пользу Германии. Поведение Ратти вызвало протесты в Польше, что вынудило Бенедикта XV отозвать его из Варшавы. Стремясь подчеркнуть свое одобрение деятельности этого прелата в Польше, папа после возвращения Ратти в Италию назначил его архиепископом Миланским и возвел в кардинальское звание, что открывало путь к папской тиаре.

В 1919 г. Бенедикт XV принял миссию Петлюры во главе с графом Тышкевичем, после чего Ватикан направил своего представителя монаха Геноки на Украину. Падение Петлюры помешало Геноки добраться до места своего назначения. Не посчастливилось и другому папскому агенту-епископу Мориондо, назначенному Бенедиктом XV апостолическим викарием и визитатором для Кавказа и Крыма. Разгром белых армий закрыл ему доступ в Россию.

Активную политику проводил Бенедикт XV в Прибалтике. Он установил дипломатические отношения с Литвой, Латвией, Эстонией, направил своего представителя в Финляндию. Агенты Ватикана в этих странах поддерживали ультрареакционные элементы, поощряли антисоветскую деятельность.

Советское правительство, не желая обострять отношений с католической церковью, после победы над силами внутренней контрреволюции разрешило Ватикану направить представителя для посещения католических епархий, расположенных на территории Советской республики. Бенедикт XV поручил эту миссию иезуиту д'Эрбиньи. Последний, не ограничиваясь церковными делами, стал собирать сведения разведывательного характера, за что был выслан из страны.

Несмотря на эти неудачи, Бенедикт XV продолжал изыскивать новые лазейки для проникновения в Советскую Россию. В 1922 г. в связи с голодом, жертвами которого стало население обширных районов страны, истощенных долгими годами гражданской войны, Ватикан предложил направить миссию помощи голодающим. Советские власти решили принять миссию, оговорив в специальном соглашении, что ее сотрудники "обязуются воздерживаться от всяких политических действий, прямых или косвенных, как внутри России, так и за границей, противных существующему правительству". Однако, как впоследствии было

установлено, Ватикан и на этот раз не удержался от того, чтобы не использовать членов миссии для вмешательства во внутренние дела Советской страны.

Послевоенные маневры

Делла Кьеза с окончанием войны лихорадочно стремился наладить отношения с державами-победительницами и получить хоть какие-то выгоды как в международном плане, так и внутри Италии. Папа пытался через президента США Вильсона получить доступ на Версальскую конференцию. В 1919 г. Вильсон посетил папу в Ватикане, но к участию в Версальской конференции папский престол не был допущен из-за оппозиции Италии. Поддержкой Франции папа пытался заручиться путем признания отделения церкви от государства в этой стране. В ноябре 1920 г. дипломатические отношения Ватикана с Францией были восстановлены, а в следующем году произошел обмен дипломатическими представителями.

В Италии Бенедикт XV официально отменил 10 ноября 1919 г. "non expedit" и дал согласие на участие католиков в активной политической жизни. Он разрешил создание в Италии католической демохристианского типа Народной партии во главе со священником Луиджи Стурцо. Народная партия должна была воспрепятствовать расширению влияния социалистов и коммунистов. Бенедикт XV признал право глав иностранных государств наносить официальные визиты королю Италии, против чего Ватикан решительно возражал со времен ликвидации светской власти пап. Папа также разрешил контакты между "черным" дипломатическим корпусом (аккредитованным при Ватикане) и "белым" (аккредитованным при Квиринале). Квиринал - официальная резиденция итальянского короля.

Эти шаги открывали путь к примирению Ватикана с итальянским государством.

В 1919 г. Бенедикт XV, действуя через американского прелата Уолша, вступил в секретные переговоры с итальянским правительством Орландо на предмет ликвидации "римского вопроса". Между сторонами было достигнуто принципиальное соглашение о предоставлении папству небольшой территории и "самостоятельности". Но этому соглашению не суждено было тогда осуществиться из-за отставки кабинета Орландо и последовавшей правительственной "чехарды" в Италии.

Не достигли своей цели и дипломатические маневры Бенедикта XV, направленные на то, чтобы добиться участия Ватикана в послевоенном урегулировании в Европе. Ярлык "папы-боша", который Бенедикт XV "заработал" за свои прогерманские симпатии в годы войны, явился одним из серьезных препятствий к допущению Ватикана к участию в Версальской конференции. Потерпев и здесь поражение, Бенедикт XV "не признал" Версальский договор и порожденную им Лигу наций, что, впрочем, нисколько не обеспокоило руководителей ведущих капиталистических держав. Они были уверены, что, несмотря на любые разногласия с папой римским, всегда можно рассчитывать на его поддержку в борьбе против социализма и коммунизма. А это для них было главным.

Свойственное Бенедикту XV стремление к лавированию проявилось и в его внутрицерковной политике. С одной стороны, он одобрил в 1917 г. канонический кодекс-верховный закон для духовенства и верующих, созданный по инициативе Пия X. Канонический кодекс был написан в духе "Силлабуса", осуждал веротерпимость и свободу совести, угрожал загробными муками за малейшее нарушение папских директив и церковных постановлений. С другой стороны, Бенедикт XV прекратил гонения на модернистов, разрешил в определенных пределах богословские дискуссии, остерегался пускать в ход отлучения и осуждения, к тому же атмосфера мировой войны и послевоенные условия не способствовали травле "еретиков". Папа счел благоразумным ликвидировать конгрегацию индекса, передав ее функции конгрегации священной канцелярии (инквизиции).

При Бенедикте XV церковные ультра хотя и не сдали своих позиций, но все же ушли в тень. Делла Кьеза приказал распустить "Содалициум Пианум"-тайную полицию курии, созданную его предшественником. Однако, как и всякую полицию, ее оказалось легче создать, чем уничтожить. Немцы обнаружили в Бельгии и опубликовали документы, которые неопровержимо доказывали, что обер-полицмейстер церкви монсиньор Бенини и его соглядатаи продолжали шпионить за своими "братьями во Христе" и после формального роспуска церковной шпионской организации.

Весьма активно проявил себя Бенедикт XV на миссионерском поприще. После первой мировой войны конгрегация пропаганды веры, ведающая работой миссионеров, стала усиленно расширять свою деятельность в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке. В 1918 г. Ватикан установил прямые дипломатические отношения с Китаем. 30 ноября 1919 г. папа опубликовал энциклику "Maximum illud" ("Многие из тех"), в которой призывал миссионеров блюсти в первую очередь интересы церкви, а не своих правительств, воспитывать кадры духовенства местного происхождения, относиться с большим уважением к национальным культурам и обычаям. Такая ориентация призвана была укрепить авторитет католических миссионеров среди местного населения и тем самым сделать их деятельность еще более полезной для колонизаторов.

Человек, у которого не было друзей

Бенедикт XV ни по своей внешности, ни по своей деятельности не был яркой личностью. Современники считали его посредственностью. Вместе с тем он был, несомненно, опытным политиком, сумел в сложных условиях первой мировой войны и послевоенного времени если не приумножить авторитет и влияние католической церкви, то, во всяком случае, сохранить их на прежнем уровне. Сочувствуя центральным державам, Бенедикт XV сохранил формальный нейтралитет, что после войны, когда полностью выявился ее преступный, империалистический характер, принесло ему определенные дивиденды, породило легенду о нем как об "апостоле мира".

В личном плане Бенедикту XV были свойственны некоторые причуды. Он был настоящим фанатиком пунктуальности: его рабочий день был расписан по минутам, причем он строго придерживался этого расписания.

Делла Кьеза любил дарить приближенным часы, что должно было, как он надеялся, научить и их пунктуальности. Любимым его времяпрепровождением было кидать золотые монеты своим слугам и наблюдать, как в возникшей свалке наиболее ловкие завладевали ими. Менее ловких он подвергал суровой критике, обзывая раззявами, тупицами, шалопаями. После такого разноса папа и им выдавал по золотой монете.

Справедливости ради следует сказать, что Бенедикт XV не отличался скопидомством и довольно легко, часто бездумно, тратил деньги из казны св. Петра. Ватиканские старожилы утверждают, что когда он умер, то в церковной казне не осталось наличными ни одной лиры. Для покрытия расходов, связанных с его погребением и созывом конклава, камерленго кардинал Гаспарри якобы был вынужден сделать заем у римских банкиров. Дабы избежать впредь подобного конфуза, преемник Бенедикта XV установил неприкасаемый "похоронный" фонд, специально предназначенный для покрытия расходов на погребение папы. У Бенедикта XV не было личных друзей. Самыми близкими ему людьми были его сестра, графиня Персико, которая вела его домашнее хозяйство и весьма фамильярно называла его при посторонних Джакомино (Яшенькой), и его старший брат, адмирал в отставке Джованни Антонио делла Кьеза, полупарализованный старик, которого чуть ли не ежедневно привозили в Ватикан для общения с папой. Свободное время Бенедикт XV, как и его предшественник Сарто, любил проводить в обществе священника Джузеппе Санремо, балагура и весельчака, своего рода шута при папском дворе.

Делла Кьеза был трудолюбив: он сам писал свои выступления и энциклики. Его рабочий день заканчивался в 11 часов вечера, а в 5 утра он уже был на ногах.

Бенедикт XV отличался отменным здоровьем, он хвастался тем, что никогда в своей жизни не принимал лекарств. Он был как бы живым подтверждением ватиканской поговорки, согласно которой папы всегда чувствуют себя прекрасно и вообще не болеют, не считая болезни, от которой умирают. 27 ноября папа во время утренней мессы в одном из храмов Ватикана простудился. Месяц он лечился домашними средствами, но простуда перешла в острый бронхит, а бронхит - в воспаление легких.

22 января 1922 г. Бенедикт XV скончался. В день смерти ему было немногим больше 67 лет. Его смерть, как и его понтификат, не привлекла особого внимания международной общественности. Впрочем, и в самой курии и церкви никто особенно не горевал по поводу ухода в "лучший мир" этого "великого неизвестного", как окрестили папу некоторые журналисты. Бенедикт XV не оставил после себя ни близких друзей, ни ярых врагов. Такова

участь всех посредственностей. "Наместники бога на земле" в этом отношении не являются исключением.

ПОНТИФИКАТ ПИЯ XI. РЕШЕНИЕ "РИМСКОГО ВОПРОСА".

Акилле Амброзио Ратти, родился 31 мая 1857 г. в городе Дезио, близ Милана, в семье фабриканта. Важнейшие посты в церкви:

директор Амброзианской, а также Ватиканской библиотек, нунций в Польше, архиепископ Милана, кардинал. Избран папой 6 февраля 1922 г., принял имя Пия XI. Прозвища: "молодой старик", "библиотекарь", "альпинист", "папа иезуитов". Заключил Латеранский договор с Муссолини и конкордат с Гитлером, поддержал мятеж Франко в Испании. Призывал к "крестовому походу" против СССР. Умер 10 февраля 1989 г. в 82-летнем возрасте.

Альпинист на папском престоле.

На конклаве, собравшемся для избрания преемника Бенедикта XV, царила растерянность. Старая предвоенная Европа отошла в прошлое. В России впервые в истории к власти пришли трудящиеся, объявив о наступлении новой эры в истории человечества - эры социализма.

Европейские страны с трудом выходили из послевоенного кризиса. Буржуазные политики кричали об угрозе коммунизма, который, если его не остановить, захлестнет всю Европу, завоюет весь мир. В католических странах царило беспокойство, беспрерывно возникали конфликтные ситуации с церковью. Повсеместно возникали новые партии, новые политические движения. В Италии к власти рвались фашисты, возглавляемые Бенито Муссолини, который отличался на заре своей политической деятельности ярым антиклерикализмом. Он был автором скабрезной книжки под многообещающим названием "Дочь кардинала".

Бенедикт XV, пытавшийся лавировать в этом противоречивом и быстро меняющемся мире, добился только того, что оттолкнул от Ватикана многих его бывших друзей. Его смерть открывала возможность исправить допущенные им промахи и ошибки, постараться наверстать упущенное. Но для того, чтобы добиться этого, его преемником должен был стать человек, обладающий определенными качествами-дипломатической ловкостью и изворотливостью, знанием международных проблем, авторитетом в среде церковных иерархов. А такого бесспорного кандидата среди итальянских кардиналов, из которых только и мог быть избран папа, не было. Поэтому выборы обещали быть долгими и трудными.

Так действительно и произошло. Вначале столкнулись две кандидатуры: любимчик папы Пия X кардинал Мерри дель Валь, находившийся при Бенедикте XV в опале, и ставленник итальянской королевской камарильи кардинал Маффи. Ни тот, ни другой, по существу, не имели реальных шансов занять папский престол. Победа любого из них еще больше осложнила бы и без того тяжелое положение римской курии.

После трех безрезультатных туров оба эти претендента сняли свои кандидатуры. На первый план выдвинулись кардиналы Гаспарри и Ла Фонтэн. Первый, статс-секретарь Бенедикта XV и главный редактор канонического кодекса, слыл изворотливым дипломатом, но был резким и язвительным в отношениях с приближенными, за что в курии его не любили. Второй, Ла Фонтэн, патриарх Венеции, занимал пост руководителя конгрегации священной канцелярии (инквизиции) при Пии X, поэтому для многих он был одиозной фигурой. Борьба между этими кандидатами развернулась весьма остро, но ни одному из них не удалось получить необходимых для избрания 2/3 голосов. Гаспарри получил 29 голосов, а Ла Фонтэн - 23 из 53. Это оказалось для них "потолком".

Конклав зашел в тупик. Выход предложил Гаспарри. Он выдвинул кандидатуру 65-летнего Акилле Ратти, архиепископа Милана, полгода назад получившего кардинальскую шапку. И хотя большинство кардиналов его совершенно не знало, он получил требуемые 2/3 голосов. Это был типичный компромиссный вариант.

Акилле Ратти слыл книжником и спортсменом. Друзья в шутку называли его "альпинистом". Этим видом спорта он действительно страстно увлекался в молодости. В районе Монблана его именем названа одна альпинистская тропа. Он также с удовольствием

ездил на велосипеде, был неутомимым путешественником и даже в свое время намеревался принять участие в экспедиции на Северный полюс.

Ратти почти не занимался пастырской деятельностью. Окончив Грегорианский университет и академию св. Фомы в Риме, он на протяжении 30 лет заведовал Амброзианской библиотекой в Милане, знаменитой своими средневековыми инкунабулами, и преподавал ораторское искусство в одной из семинарий. Инкунабулы - первопечатные книги, восходящие к самому начальному периоду развития книжного дела. Здесь он получил прозвище "молодой старик". Пий X в 1914 г., незадолго до своей смерти, перевел его в Рим на пост вице-префекта (вице-директора) Ватиканской библиотеки. Пост этот в куриальной иерархии считался второстепенным, хотя и весьма доверительным, учитывая, что Ватиканская библиотека включает и секретный архив, хранящий вековые тайны католической церкви. До понтификата Льва XIII посторонние лица в библиотеку не допускались. Лев XIII открыл доступ в библиотеку наиболее "благонадежным" католическим историкам, но и им показывали далеко не все документы и, во всяком случае, не те, которые компрометировали церковь и папство. Понятно, что для префекта и его заместителя в библиотеке и секретном архиве не было тайн. Поэтому на эти посты подбирались особо проверенные и неболтливые прелаты, которые жили в кельях при библиотеке и почти никогда не покидали Ватикан, а если делали это, то только с особого разрешения самого папы. С другой стороны, библиотека была тем местом, куда стекались все церковные новости, слухи и сплетни. Ее посещали кардиналы и другие видные чиновники курии. Она была своего рода куриальным клубом. Естественно, ее префект и его заместитель были в силу этого хорошо информированы о ватиканских делах. К тому же оба руководителя библиотеки часто общались с папами, выполняя различные поручения по розыску тех или иных документов или материалов и данных. Все это позволяло им быть в курсе того, что творилось в куриальной "кухне".

Ратти, находясь на новом посту, подружился с прелатом Черетти, занимавшим тогда пост секретаря по экстраординарным церковным делам в статс-секретариате.

С избранием на папский престол Бенедикта XV, вместе с которым Ратти учился в Грегорианском университете, позиции последнего в Ватикане заметно укрепились. Когда префект библиотеки-немецкий иезуит Франциск Эрле оставил свой пост и вернулся в Германию, Ратти был назначен на его место, что открыло перед ним новые перспективы. Теперь оставалось ждать лишь благоприятного случая, чтобы получить еще более высокую и выгодную должность. Намек на то, что такая возможность имеется, Ратти получил, когда представлял Бенедикту XV своего нового помощника, французского прелата, специалиста по Востоку, Эудженио Тиссерана, служившего во время первой мировой войны офицером генштаба французских войск в Сирии. Представляя Тиссерана папе, Ратти сказал в шутку:

- Вот мой военный атташе, ваше святейшество. На что Бенедикт XV ответил:

- Раз уж ты обзавелся военным атташе, придется назначить тебя нунцием.

В 1919 г., когда встал вопрос о посылке папского представителя в Польшу, Черетти подсказал Бенедикту XV кандидатуру Ратти, которую папа охотно одобрил. Ратти владел французским и немецким языками, бывал в Германии и Австро-Венгрии, войска которых находились тогда на польских землях. Все это говорило в пользу его кандидатуры. Ратти, узнав от Черетти о предстоящем назначении, стал, согласно правилам хорошего тона, принятым в курии, отказываться от новой должности, ссылаясь на свою неподготовленность, незнание местных условий и тому подобные причины. Черетти посоветовал ему изложить свои соображения самому папе. Но на аудиенции с Бенедиктом XV Ратти сделал вид, что растерялся, против назначения не возражал и, таким образом, вскоре оказался в Польше. По совместительству Ратти был назначен апостолическим визитатором в Россию. Он якобы обратился к властям с просьбой разрешить ему въезд в РСФСР, но не получил ответа и вынужден был распроститься с мечтой развернуть деятельность на территории Советской страны. Находясь в Польше, Ратти был возведен в ранг титулярного епископа Лепанто. Он дружил с Пилсудским, который за два дня до конклава, избравшего Ратти папой, наградил его высшим польским орденом Белого орла. Спустя три года после назначения нунцием в Польшу в связи со смертью архиепископа Милана Феррари Ратти был отозван из Польши и назначен на его место. Вскоре он стал кардиналом, а затем и преемником Бенедикта XV. Таким образом

"альпинист" успешно завершил восхождение на самую верхнюю ступень иерархической лестницы римско-католической церкви.

Аккиле Ратти был сыном известного ломбардского текстильного фабриканта, сколотившего себе изрядное состояние темными махинациями. Его отец закупал по дешевке в Ливане сукно и продавал его за итальянское по более высоким ценам. У Акилле имелись отличные связи с влиятельной миланской буржуазией, которая, по существу, правила Италией. Эти связи тянулись и к лидеру фашистского движения Бенито Муссолини, логово которого располагалось в Милане. Ратти был сторонником примирения с Италией, его знали в придворных кругах, он даже был награжден королевским орденом святых Маурицио и Ладзаро. Говорили, что в Милане у него был роман с одной знатной дамой. Но церковное начальство смотрело на такие проступки сквозь пальцы. Ратти был тесно связан с иезуитским орденом. По-видимому, все это, вместе взятое, сыграло свою роль в его избрании на папский престол. Однако больше всего Ратти был обязан своим избранием ватиканскому статс-секретарю кардиналу Гаспарри. Злые языки утверждали, что Ратти обещал Гаспарри в случае своего избрания оставить его на посту статс-секретаря, что, впрочем, он и сделал. Более того, став папой, он назначил кардиналом племянника Гаспарри-Энрико.

С первых же минут своего избрания новый папа проявил себя ловким политиком. Чтобы задобрить своих противников - последователей Пия X, он назвался Пием XI. Не преминул он сделать и жест в сторону итальянского государства. Впервые после Пия IX он появился на балконе собора св. Петра, который выходит на одноименную площадь, являвшуюся территорией итальянского государства. Отсюда он и благословил верующих. Таким образом, новый папа нарушил данный Пием IX обет затворничества, чем показал, что является сторонником примирения с Италией.

Пий XI и фашизм.

Избрание Ратти на папский престол горячо приветствовал лидер фашистов Муссолини. Он писал в своей газете "Пополо д'Италия":

"Ратти пользуется симпатиями и среди нас, в светском мире. Я убежден, что с Пием XI отношения между Италией и Ватиканом улучшатся". Шесть месяцев спустя, в августе 1922 г., Муссолини пришел к власти. Как реагировал новый папа на это событие? Пий XI и его советники толкали католическую Народную партию на сговор с фашистами.

Ратти был закоренелым антисоветчиком, ярым врагом коммунизма. Он считал, что только "сильная" власть может успешно бороться с большевизмом. Муссолини, с точки зрения Ратти, олицетворял именно такой идеал государственного деятеля. Папа назовет впоследствии этого фашистского диктатора человеком, призванным божественным провидением править Италией.

Презрение к демократии, зоологический антикоммунизм, шовинизм, проповедь классового сотрудничества, защита интересов крупного капитала-эта идеология фашизма казалась слепком с традиционного социально-политического учения католической церкви, основы которого были изложены Львом XIII в энциклике "Рерум новарум". Пий XI был уверен, что с приходом к власти фашистов ему удастся добиться примирения с итальянским государством. Исходя из этих соображений, папа приветствовал через ватиканский орган "Оссерваторе Романо" передачу власти Муссолини.

Пий XI испытывал к Муссолини явную симпатию. В особенности он восторженно отзывался о нем в первые годы фашистской диктатуры, когда Муссолини не только подавлял антифашистское движение, но не скупился и на дружественные жесты в адрес Ватикана. Погромы, зверства, убийства, творимые фашистскими молодчиками, отнюдь не возмущали папу: ведь все эти преступления совершались по отношению к "врагам церкви"- итальянским демократам. Ратти приходил в негодование только тогда, когда затрагивались, по его мнению, интересы церкви и церковников.

Французский посол при Ватикане Ф. Шарль-Ру передает следующую беседу с Пием XI:

- Как Бонапарт относился к исламу? - спросил однажды папа посла.

- Император стремился заручиться дружбой мусульман. Иногда он действовал правильно, проявляя уважение к исламу, иногда неправильно, непомерно восхваляя его и выдавая себя за врага католицизма и папства.

- Он доходил даже до этого? И все же следует, как сказал Пий VII, быть ему благодарными за то, что он восстановил церковь во Франции.

Таким образом, Пий XI вслед за Пием VII был готов простить Наполеону даже то, что тот ликвидировал Папскую область, обобрал Ватикан, арестовал папу и подверг его неслыханным унижениям и оскорблениям, только потому, что тот же Наполеон вновь превратил церковь в опору власти, какой она была до революции 1789 г.

Следует ли удивляться, что Пий XI готов был одобрить все акции Муссолини, Гитлера, Франко, Салазара, Дольфуса, Пилсудского и прочих фашистских диктаторов, лишь бы они соглашались на союз с церковью. В августе 1923 г., 10 месяцев спустя после прихода Муссолини к власти, Пий XI говорил послу Бельгии при Ватикане Б. Бейлену:

- Муссолини, разумеется, не Наполеон и, возможно, даже не Кавур, но только он один понял, что нужно его стране, чтобы выйти из анархии, в которую ее ввергнули бессильный парламентаризм и три года войны.

Муссолини в свою очередь делал все возможное, чтобы завоевать доверие вновь избранного папы и иерархов католической церкви и через них заручиться в парламенте необходимой поддержкой католической Народной партии. Это позволило бы ему укрепить свою, на первых порах весьма шаткую, власть, придать ей необходимую респектабельность. Вхождение правых лидеров Народной партии в правительство Муссолини к тому же значительно ослабило бы демократическую оппозицию. Диктатору удалось перетянуть на свою сторону некоторых правых католических лидеров, однако большинство руководителей Народной партии не решалось пойти на открытый сговор с фашистами, опасаясь потерять поддержку масс.

Муссолини предпринял ряд шагов, которые не могли не вызвать благоприятный отклик в Ватикане. Между декабрем 1922 г. и январем 1923 г. его правительство распорядилось расставить во всех школьных, больничных и судебных помещениях распятия, усилило судебные наказания за оскорбления католической религии и духовенства, восстановило должность капелланов в армейских подразделениях, повысило зарплату приходским священникам, обещало ввести преподавание закона божьего в школах, наконец, запретило членам фашистской партии принадлежать к масонским ложам, члены которых были отлучены от церкви.

Результатом всех этих мероприятий был рост симпатии к Муссолини и фашизму в Ватикане. Диктатор, разумеется, рассчитывал на взаимность, и он не ошибся в своих расчетах.

В январе 1923 г., спустя два месяца после прихода Муссолини к власти, произошла секретная встреча кардинала Гаспарри с фашистским вожаком, длившаяся несколько часов. Муссолини предложил покончить с "римским вопросом" путем заключения договора, который предоставил бы Ватикану экстерриториальность и независимое существование. Кардинал Гаспарри усомнился было, удастся ли диктатору добиться одобрения такого договора палатой депутатов, но Муссолини заверил его, что в противном случае он распустит палату.

- Но если вы не измените избирательного закона, то получите вновь такую же непослушную палату,-заметил на это кардинал.

- Не беспокойтесь, избирательный закон мы тоже изменим,-успокоил его Муссолини.

"Тогда я понял,-признавался Гаспарри десятилетие спустя французскому послу при Ватикане Франсуа Шарль-Ру,-что с этим человеком можно будет договориться".

Во время этой же встречи Муссолини обещал оказать финансовую помощь ватиканскому "Банка ди Рома", находившемуся на грани банкротства в результате неудачных послевоенных спекулятивных операций. Теперь оставалось только официально оформить решение "римского вопроса" и закрепить, таким образом, альянс между Ватиканом и итальянским фашизмом.

Тем временем отношение Народной партии к Муссолини стало меняться. Большинство ее членов было настроено антифашистски и требовало от своего руководства осуждения кровавых преступлений, которые ежедневно творили чернорубашечники. Под давлением снизу министры-католики вынуждены были покинуть кабинет Муссолини. Народная партия перешла в оппозицию к фашистской диктатуре.

Такой поворот в политической ориентации католиков пришелся Муссолини не по вкусу. Он стал шантажировать Ватикан, угрожая конфисковать церковное имущество в Италии и запретить все католические организации, если католики откажут ему в поддержке. Пий XI и его окружение решили пожертвовать Народной партией, чтобы сохранить расположение Муссолини. Они настояли на ее самороспуске. Лидер этой партии, священник Луиджи Стурцо, покинул Италию. Его заместитель Альчиде де Гаспери перебрался в Ватикан, где получил место в той самой библиотеке, которой руководил некогда Ратти. С ликвидацией Народной партии церковники активизировали свою деятельность в рамках "Католического действия" - массовой организации мирян, находящейся под контролем епископата. Муссолини не возражал. Ему позарез нужна была поддержка Ватикана, он был готов до поры до времени терпеть существование "Католического действия", тем более что в планы этой организации не входило препятствовать ему в борьбе с рабочим и демократическим движением.

Президентом "Католического действия" Пий XI назначил своего человека, крупного капиталиста из Ломбардии Луиджи Коломбо, не скрывавшего своих профашистских симпатий, а ее духовным советником - монсиньора Пиццардо, заместителя кардинала Гаспарри на посту статс-секретаря. Папа категорически запретил руководителям "Католического действия" вмешиваться в политику. "Не политика, не социальные вопросы, даже не культура, а прежде всего христианское воспитание личности-вот чем вы должны заниматься, вот чего требует от вас устав вашей организации",-заявил он им на аудиенции.

Далеко не все католики одобряли позицию, занятую церковным руководством в отношении фашистской диктатуры. Злодейское убийство социалистического депутата Джакомо Маттеотти (10 июня 1924 г.) вызвало волну негодования и среди католиков, многие из которых высказывались за единый фронт всех демократических сил в борьбе с фашизмом. Из Ватикана последовал суровый окрик: никаких контактов с коммунистами и социалистами! На вопрос католических студенческих лидеров, посетивших Ватикан, почему в других странах католикам разрешается участвовать вместе с социал-демократами в одном правительстве, а в Италии им запрещено вместе бороться против фашизма, раздраженный Пий XI ответил: "Одно дело-сотрудничать с социал-демократами в правительстве, другое - в оппозиции и тем самым способствовать их приходу к власти".

Создание государства Ватикан.

В 1926 г., когда католическая политическая оппозиция была ликвидирована, все антифашистские партии разгромлены и загнаны в подполье, Пий XI уполномочил кардинала Гаспарри и ватиканского юридического советника Франческо Пачелли начать переговоры с Муссолини, которые через три года (11 февраля 1929 г.) привели к подписанию Латеранского договора.

Латеранские соглашения подписали кардинал Гаспарри, представлявший папу, и Муссолини, представлявший короля Италии. Акт подписания происходил не в Ватикане, а в Латеранском дворце, примыкающем к базилике св. Лаврентия. Муссолини, таким образом, не встречался с папой, что позволило ему избежать унизительной для дуче процедуры коленопреклонения перед Пием XI и целования "перстня рыбака". Тем не менее он был удостоен высшей церковной награды-ордена Христа, а Гаспарри получил от короля "Ожерелье Аннунциаты", усыпанное драгоценными камнями,-высший орден Италии.

В результате заключения Латеранского договора на политической карте мира появилось новое государство - государство-город Ватикан площадью в 44 га, и, таким образом, была восстановлена светская власть папы (правда, в ничтожных масштабах). Получили права экстерриториальности загородная папская резиденция Кастель Гандольфо и 20 дворцов, расположенных на территории Рима. В договор входил также конкордат, регулировавший отношения между церковью и государством в Италии. Конкордат признавал право Ватикана распоряжаться по своему усмотрению итальянским духовенством. Духовное лицо подлежало юрисдикции только церковного суда, санкции которого, в том числе отлучение, лишение сана и другие канонические наказания, обязывали итальянские власти лишать наказуемых и гражданских прав. Брак, заключенный по церковному обряду, мог быть расторгнут только церковью. Вводилось преподавание религии в начальных и средних учебных заведениях страны. Согласно конкордату, признавалось право на существование "Католического действия" как аполитической организации, занимающейся лишь христианским воспитанием.

Немаловажное значение для Ватикана имело и финансовое урегулирование претензий папства к Италии. Муссолини выплатил папе в качестве компенсации за нанесенный некогда Ватикану итальянским государством материальный ущерб огромную сумму в 1750 млн. лир, или 90 млн. долларов по тогдашнему курсу. Эта сумма была частично выплачена наличными, частично-в ценных бумагах.

Для управления этими фондами Пий XI создал специальную администрацию во главе с финансистом Бернардино Ногарой, одним из директоров "Банка коммерчиале". Ногара занимал этот пост в течение 30 лет. После его смерти руководителем спецадминистрации стал кардинал

Альберто ди Жорио.

Эта финансовая инъекция, произведенная руками Муссолини, заметно увеличила средства Ватикана и позволила ему еще глубже внедриться в экономику страны. Как отмечает итальянский экономист Джованни Грилли, автор исследования о финансах Ватикана, вытекающее из Латеранских соглашений признание за всеми религиозными ассоциациями, орденами, конгрегациями и другими учреждениями статуса юридического лица и права владения любым видом имущества, а также предоставление церкви возможности создавать новые организации позволили ей за короткий период времени восстановить и свои прежние огромные земельные владения, на которые распространялось право "мертвой руки". Благодаря всему этому церковь смогла в короткий срок "накопить колоссальные средства, используемые в Италии и других странах". Дж. Грилли. Финансы Ватикана в Италии.

Руководители финансов Ватикана, действуя по указаниям Пия XI, использовали поступившие в их распоряжение средства главным образом для захвата новых позиций в финансовом мире, хотя часть капиталов была также инвестирована в промышленные предприятия. В 30-е годы руководителям "Банка ди Рома", "Банка ди санто спирито" и других связанных с Ватиканом финансовых учреждений удалось приобрести влиятельные позиции в административных советах и правлениях финансовых обществ, в которых они ранее или вообще не участвовали, или играли несущественную роль. Дж. Грилли. Финансы Ватикана в Италии.

Появление на карте мира микроскопического папского государства особенно взволновало филателистов и нумизматов. Ватиканские марки и монеты шли нарасхват, продавались по спекулятивным ценам. По распоряжению Пия XI к Ватикану в спешном порядке подвели железнодорожную ветку, построили вокзал. В новом государстве были открыты почтовая и телеграфная конторы, построена тюрьма и назначен ее начальник, ибо что это за государство без тюрьмы.

Была составлена даже своего рода конституция. В ней указывалось, в частности, что ватиканское подданство не наследственно, а в каждом отдельном случае предоставляется лично папой, который может отобрать его в любой момент, если найдет это нужным. Подданные не платят налогов, не несут военной службы, но зато обязаны посещать все богослужения и соблюдать все церковные ритуалы. Подданным его святейшества запрещается приносить на территорию Ватикана фотоаппараты. При поступлении на работу ватиканские служащие отдают свою первую зарплату в фонд "Pro funere", из которого покрываются расходы по их погребению. Подданные Ватикана приобретают продукты и предметы ширпотреба через так называемую "Анону"- управление по снабжению, которое беспошлинно закупает товары и продает их ватиканским подданным по значительно более низким ценам, чем те, по которым они продаются за воротами Ватикана. Это открывает для "ватиканцев" возможность спекулировать ими. Особенно прибыльными были подобные операции в военные и послевоенные годы, когда Италия испытывала большую нужду во многих товарах.

Как это ни покажется на первый взгляд парадоксальным, Ватикан-"самое милитаризованное государство в мире". Половина его подданных (а их насчитывается около тысячи) - это военные. Папские "войска" состоят из дворянской гвардии, швейцарской гвардии, жандармов. Они охраняют ватиканские дворцы, несут караульную службу у входов в Ватикан, наблюдают за порядком в соборе св. Петра, сопровождают почетным эскортом машину папы во время его поездок на виллу Кастель Гандольфо и в другие пункты страны, встречают и провожают именитых гостей и дипломатов. Правда, выглядят ватиканские

"вооруженные силы" благодаря их архаической униформе несколько по-опереточному, но это не смущает "бравых служак". Ведь им хорошо платят.

Таким образом, Ватикан-это государство в государстве, независимая территория в самом сердце итальянской столицы. Он имеет правящего государя, двор, дипломатические представительства. Там есть свои музеи, свои секретные архивы, своя астрономическая обсерватория. Ватикан пользуется полной автономией в лечении своих больных, поскольку имеет своих собственных врачей, собственную аптеку и собственную больницу. Папа может присваивать звания и награждать орденами, печатать все, что считает нужным, причем на любом языке. Ватикан имеет собственную пожарную охрану и, стало быть, может потушить пожар, если, конечно, он не будет слишком большим.

С созданием государства-города Ватикана был официально утвержден его флаг, состоящий из двух полос-желтой и белой. До 1808 г. папский флаг был красно-желтым. Но в связи с тем, что французы, занявшие тогда Рим, включили папские войска под этим флагом в свою армию и заставили их сражаться против неаполитанского короля, папа Пий XI утвердил новые цвета официального флага Ватикана. Личный же штандарт папы-это красное шелковое полотнище, в углу которого вышиты золотом ключи св. Петра в обрамлении из звезд.

Метаморфозы Акилле Ратти.

Возникновение государства Ватикан привлекло к личности Пия XI всеобщее внимание. О нем стали появляться газетные и журнальные статьи, вышло в свет несколько его биографий. В основном это была апологетическая литература, в которой подлинная личность папы тонула в море неумеренных похвал и восторженных дифирамбов. Пий XI представал перед читателем праведником, мудрейшим из государственных мужей, провидцем и пр. и пр. Однако факты его жизни и деятельности, нашедшие отражение и в воспоминаниях его современников, которые увидели свет после его смерти и крушения итальянского фашизма, развенчивают этот сусальный образ, созданный его платными или добровольными панегиристами.

Этот ничем особенно не примечательный до своего избрания на папский престол прелат, всегда державшийся в тени, став Пием XI, проявил себя своенравным автократом. Он железной рукой управлял римской курией. Кардиналы и другие чиновники центрального церковного аппарата, которым приходилось общаться с ним, побаивались и не любили его. Если его распоряжение моментально не выполнялось или выполнялось, на его взгляд, неквалифицированно, Пий XI приходил в ярость, повышал голос и начинал стучать кулаком по письменному столу с такой силой, что, казалось, разнесет его в щепки.

- Я не нуждаюсь в сотрудниках, мне нужны исполнители, причем грамотные, - неоднократно напоминал он своему ближайшему окружению.

Когда однажды в ответ на требование папы показать ему решение Пия X об осуждении французской ультраправой монархической организации "Аксион франсез" за отклонение от христианской доктрины кардинал Гаспарри сообщил, что текст куда-то запропастился, папа сказал своему статс-секретарю, которому, по существу, был обязан тиарой:

- Если к вечеру документ не будет у меня на столе, всех работников статс-секретариата, включая тебя, уволю.

К вечеру бумага была найдена.

С кардиналами он обращался, как с мальчишками на побегушках. Если кардинал, докладывая ему какой-нибудь вопрос, обнаруживал неосведомленность или некомпетентность, папа его сурово отчитывал. За нарушение церковной дисциплины карал беспощадно. 80-летнего французского кардинала Луи Билло, публично выразившего свою солидарность с Леоном Доде, лидером "Аксион франсез", накануне осуждения ее Ватиканом, Пий XI лишил кардинальского звания (факт исключительный в анналах католической церкви). За глаза ватиканские вельможи называли папу "тираном в собольей мантии".

Хотя Пий XI и возвел в графское звание своего брата Фермо, нельзя сказать, чтобы его родственники играли заметную роль в курии. Он никого из них не принимал в своих личных покоях. Никто из них не присутствовал и при его смерти.

Как бывший префект Ватиканской библиотеки, папа Ратти уделял ей постоянное внимание и не скупился на средства для ее пополнения. Отметим, что в 20-х годах он снарядил в страны Ближнего Востока экспедицию в составе прелатов Эудженио Тиссерана,

Кирилла Королевского, русского эмигранта, перешедшего в католичество, и священника Джованни Ронкалли, знатока восточных языков, для приобретения древних манускриптов и книг. Читателю следует запомнить фамилию-Ронкалли. С нею он еще неоднократно встретится на страницах этой книги.

Папа Ратти вставал в 6.30 утра. Брился всегда сам. После утренней мессы, которая служилась в его личной часовне на третьем этаже папского дворца, где были расположены его покои, папа завтракал, а затем спускался на второй этаж в свой кабинет, или, как он его называл, в "личную библиотеку". С тех пор это название закрепилось за папским кабинетом. Там уже ждал его статс-секретарь, как правило, с большим кожаным портфелем, в котором находились бумаги "на просмотр и подпись его святейшеству". Затем начинался официальный прием различных лиц-кардиналов курии, именитых гостей, дипломатов. Часам к двенадцати папа выходил из "личной библиотеки" в парадную залу второго этажа, где происходила общая аудиенция с менее важными посетителями. В 2 часа папа поднимался в свои покои, где обедал в обществе личных секретарей, которые, пока он ел, читали ему газеты или сообщали разного рода новости. За обедом, как и за ужином, папа употреблял вино, пил кофе, выкуривал гаванскую сигару. После обеда он выходил на часовую прогулку в ватиканский парк. Папская жандармерия следила, чтобы к этому времени в парке не было посторонних. На прогулке папу сопровождали, но на некотором расстоянии, два его секретаря. В 17.30 Пий XI возвращался в кабинет, где просматривал почту, писал и редактировал документы, читал. Как правило, в это время он никого не принимал, за исключением статс-секретаря, всегда имевшего к нему доступ.

В 22.30 папа покидал кабинет, возвращался в свои покои, ужинал в своих апартаментах, слушал вечернюю мессу, а потом читал на сон грядущий. В полночь он отходил ко сну.

Этот распорядок дня менялся лишь по случаю больших праздников или подготовки энциклик и других важных документов, когда папа засиживался за письменным столом до рассвета, редактируя тексты.

После подписания Латеранского договора папа предпринял строительство новых зданий, перестройку и ремонт старых помещений в Ватикане и Кастель Гандольфо. О масштабах этих строительных работ можно судить по тому, что на них было занято в течение 10 лет около 15 тыс. рабочих. Папа сам придирчиво утверждал проекты зданий, часто посещал строительные площадки. По примеру своих предшественников эпохи Возрождения Пий XI устанавливал на всех новых строениях большие мраморные доски, на которых по-латыни перечислялись его заслуги перед церковью. Такими досками папа снабдил даже скромные павильоны, выстроенные в ватиканском парке для того, чтобы он мог укрыться в них от дождя во время своего послеобеденного моциона.

За время понтификата Пия XI, который продолжался 17 лет, было заключено 18 конкордатов и других соглашений с разными государствами, опубликовано 30 энциклик, назначены 74 кардинала, установлено 128 новых диоцезов, 24 аббатства, 116 апостолических викариатов, 113 префектур, проведено 17 консисторий, провозглашены 33 святых и около 500 блаженных, проведено 3 юбилейных ("святых") года, созданы десятки новых учреждений при курии, в том числе астрономическая обсерватория и Ватиканская академия наук.

Пий XI ввел в обычай массовые приемы (аудиенции) в Ватикане. Он принимал именитых гостей, новобрачных, паломников, туристов, участников самых различных съездов, конгрессов и конференций.

Папа не любил римлян, считал их лентяями и сибаритами. Его ближайшими сотрудниками были, как правило, миланцы-энергичные, деловые, хваткие, решительные, такие же, как он сам. Исключение составлял только Эудженио Пачелли, нунций в Берлине, назначенный в 1932 г. после смерти кардинала Гаспарри статс-секретарем. Пачелли, хоть и был римлянином, по деловитости и работоспособности не уступал миланцам. Знаток многих языков, опытный дипломат, он вскоре стал правой рукой папы.

Пий XI и Эудженио Пачелли питали особую слабость к иезуитам. Ратти сошелся с ними близко, находясь на посту заместителя префекта Ватиканской библиотеки иезуита Эрле, возведенного позже в кардиналы. Эрле свел его с генералом иезуитского ордена, онемеченным поляком графом Ледоховским, советами которого Ратти пользовался во время

пребывания в Польше. Другим влиятельным советником Пия XI стал иезуит Такки-Вентури, доверенное лицо Муссолини. Личным исповедником папы также был иезуит - сперва Алисиарди, а после его смерти - Челеброно. Ратти возвел в блаженные (1923), а затем и в святые (1931) иезуита Беллармина - кардинала-инквизитора, осудившего Джордано Бруно и Галилея. Эти и многие другие факты дали основание биографам Пия XI называть его "папой иезуитов".

Папа терпеть не мог телефона и диктофона, стоявших у него на письменном столе. Золотой телефон, подаренный ему американскими католиками, так ни разу при нем и не зазвонил, а диктофон - подарок Эдисона - был переправлен в Папскую академию наук. Зато папа обожал быструю езду на автомобиле, не отказывался и от выступлений по радио. При нем в Ватикане при участии Маркони была построена мощная радиостанция. Любил папа всякие грошовые подарки, поделки, которые в большом числе присылали ему верующие из многих стран. Он уносил их в свои покои, где складывал в застекленные шкафы, которыми были уставлены все его комнаты, отчего они стали походить на лавки сувениров.

В личном общении Пий XI не терпел восхвалений в свой адрес и прерывал прелатов, пытавшихся превозносить его, резкой репликой:

- Не валяйте дурака!

Пий XI следил, чтобы в Ватикане строго соблюдались правила этикета: женщины, приходившие на аудиенцию, обязательно должны были являться в темных длинных платьях с покрытой головой, а мужчины - во фраках. Папа отказался принять Ганди, который не согласился предстать перед ним в европейской одежде. Особенно охотно папа встречался с коронованными особами. Он принимал короля Египта Фуада, короля Афганистана Аманнулу, короля Англии Георга V и других.

Став папой, Ратти превратился в такого пуританина, каких уже давно не было на престоле св. Петра. Когда Пий XI узнал, что в Риме будет проведена женская Олимпиада, он разразился гневной тирадой: "Я сожалею, что в Риме после почти двадцати столетий христианства уважение к молодым женщинам уступает языческим временам. Переняв у Греции практику открытых игр и атлетических соревнований, языческий Рим всегда исключал из них молодых женщин. Хотя спорт необходим для воспитания молодежи, я призываю соблюдать в публичных местах определенные рамки приличия".

И это говорил "спортсмен" Ратти!

В то же время в личной жизни Пий XI был отнюдь не безупречным. Его домоправительница Теодолина Банфи, с которой он не расставался на протяжении многих лет, поселившись с ним в апостолическом дворце после избрания его на папский престол, систематически устраивала ему шумные сцены ревности. Лишь на третьем году понтификата Пию XI удалось избавиться от нее, обеспечив ей крупную пожизненную ренту.

Как-то, наблюдая рыбок в аквариуме, Пий XI сказал:

- Они мне нравятся больше всего тем, что никогда не говорят.

Такими он хотел бы видеть и людей: безгласными, покорными рабами церкви. Ему импонировали фашистские диктаторы, стремившиеся превратить людей в покорное стадо.

Крах клерикального антикоммунизма.

Пий XI делал все, что мог, чтобы завоевать симпатии фашистов. Он одобрил вторжение Италии в Эфиопию и ее захват, фашистский мятеж в Испании и посылку в помощь Франко частей итальянской армии. Он заключил 20 июня 1933 г. конкордат с Гитлером и одобрил сотрудничество с ним католиков, деятелей партии Центра. Дольфус, Хорти, Салазар и другие фашистские лидеры, как и ультрареакционные диктаторы в Латинской Америке, пользовались его поддержкой. В своей социальной энциклике "Quadragesimo anno" ("Сорок лет"), опубликованной в 1931 г. в связи с 40-летием "Рерум новарум" Льва XIII, папа Ратти еще раз предал анафеме социализм, коммунизм, классовую борьбу и рекомендовал установить корпоративную систему классового сотрудничества трудящихся с капиталистами и помещиками.

"Достаточно хотя бы немного призадуматься, - писал Пий XI в энциклике,чтобы понять преимущества системы, о которой вкратце было сказано выше: мирное сотрудничество

классов, подавление социалистического движения и организаций, сдерживающее действие специального суда". П. Тольятти. Лекции о фашизме.

Эту систему, контуры которой были намечены еще Львом XIII, взял на вооружение Муссолини, провозгласивший ее официальной доктриной фашистской партии. Причем контролю этой системы он стремился подчинить и "Католическое действие", что уже никак не могло понравиться папе. Поэтому последний, одобряя фашизм за его приверженность к корпоративизму, не преминул высказать в указанной выше энциклике в его адрес и критические замечания: "Мы все же должны сказать: кое-кто опасается, что государство подменяет собой свободную инициативу, вместо того чтобы ограничиться необходимой помощью и поддержкой, что новая профсоюзная и корпоративная система носит слишком бюрократический характер и что, несмотря на все свои преимущества, она может быть использована не столько для установления лучшего социального порядка, сколько в особых политических целях".

Однако эти отеческие упреки в адрес "человека провидения" вовсе не означали разрыва церкви с фашизмом, с которым духовенство продолжало сотрудничать самым тесным образом как до, так и после публикации энциклики "Квадрагезимо анно".

Пий XI интересовался рабочим вопросом, но лишь постольку, поскольку речь шла о подчинении рабочих воле церкви и предпринимателей. Широко известно его высказывание о "великой трагедии XIX века, заключавшейся в том, что церковь потеряла рабочий класс", который "недолго находился в состоянии нерешительности, а вскоре обратился к антитезе церкви, то есть к коммунизму". Т. Бреза. Бронзовые врата. Римский дневник. Чтобы вернуть рабочий класс обратно в лоно церкви, Пий XI не видел других средств, кроме проклятий в адрес коммунизма и укрепления союза с его противниками, в том числе с фашизмом. Действуя таким образом, он добился обратного эффекта: еще больше оттолкнул трудящихся от церкви и религии.

Пий XI был активнейшим участником, а нередко и застрельщиком многих антисоветских провокаций. Он был избран на папский престол в момент, когда наступило время признания Советского Союза капиталистическими странами. Стало очевидным даже для Ватикана, что надежд на быстрое крушение Советской власти питать не приходится. Сам же факт существования Страны Советов расценивался Пием XI как самая большая угроза католической церкви.

Вскоре после своего избрания на папский престол Пий XI пытался использовать Генуэзскую конференцию, чтобы вмешаться во внутренние дела Советского Союза. 29 апреля 1922 г. папа поручил заместителю статс-секретаря Ватикана Пиццардо направить державам - участницам конференции в Генуе меморандум следующего содержания:

"В исторический час, когда обсуждается вопрос о том, чтобы вновь допустить Россию в семью цивилизованных народов, св. престол выражает пожелание о защите в России интересов религии, являющейся основой всякой истинной цивилизации. Св. престол предлагает поэтому, чтобы в соглашении, имеющем быть установленным между державами, представленными в Генуе, в той или иной форме, но вполне ясно и определенно фигурировали следующие три условия:

1. Полная свобода совести всем российским гражданам, а равно всем гражданам других стран в России гарантируется.

2. Равным образом гарантируется как частное, так и публичное отправление религии и культа.

3. Недвижимое имущество, принадлежавшее или еще и ныне принадлежащее какой бы то ни было религиозной общине, будет возвращено таковой и никаких правонарушений в этом отношении совершаться не будет". Е. А. Коровин. Католицизм как фактор современной мировой политики.

В этом меморандуме Ватикан выступал в несвойственной ему роли поборника свободы совести, принцип которой, как известно, предавался проклятию в "Силлабусе". Конечно, Ватикан в данном случае добивался вовсе не защиты интересов всех религиозных культов на территории СССР, а в первую очередь неограниченной свободы действий для представителей католической церкви, выступавших с контрреволюционных позиций. Это было ясно для всех.

Ведь в странах, где католицизм доминировал, Ватикан не только не выступал за принцип свободы совести, но решительно его осуждал. Понадобилось еще 40 лет, чтобы католическая церковь, и то только после ожесточенных споров, одобрила на Втором Ватиканском соборе (1962-1965) принцип свободы совести.

Что касается 3-го пункта ватиканского меморандума, требовавшего, в частности, возвращения церкви национализированных у нее земельных владений, то он показался неприемлемым даже Ллойд Джорджу, который от имени английской делегации предложил совсем не обсуждать его в Генуе.

На протяжении 1923 г. Пий XI неоднократно выступал в защиту церковников, осужденных советским судом за сотрудничество с контрреволюцией. Нападки Ратти на Советский Союз еще более усилились после того, как в 1924 г. католическая миссия помощи голодающим Поволжья, возглавляемая иезуитами и занимавшаяся не столько своим прямым делом, сколько контрреволюционной пропагандой, была вынуждена покинуть пределы Страны Советов. В 1925 г. по распоряжению Пия XI был создан Русский отдел в Конгрегации восточных церквей, во главе с французским иезуитом М. д'Эрбиньи, имевшим опыт подпольной работы в Советской России, куда он в свое время проник с фальшивыми документами. Этот матерый разведчик и враг коммунизма сошел впоследствии с ума. В 1930 г. Русский отдел был, реорганизован в Русскую комиссию, подчиненную статс-секретариату. Тогда же по распоряжению Пия XI был создан колледж "Руссикум", готовивший католических церковников для подпольной работы в Советском Союзе.

Антиимпериалистическое движение, охватившее в 20-х годах страны Азии и Латинской Америки, Пий XI, как и прочие буржуазные деятели, объяснял "кознями красной Москвы". Так, на консистории 20 июля 1927 г. папа утверждал, что китайский народ не боролся бы с империалистами, если бы "семена раздора и революции не были бы ввезены из-за границы...". События в Мексике, приведшие к отделению церкви от государства, он объявил "следствием заражения доктринами, распространяемыми публично и тайно в целях ниспровержения человеческого общества и государственной организации". Е. А. Коровин. Католицизм как фактор современной мировой политики.

Вскоре после заключения Латеранских соглашений, 2 февраля 1930 г., Пий XI обратился с посланием к кардиналу Базилио Помпили, генеральному викарию Рима, в котором призывал организовывать молебны и другие акты протеста против мнимых преследований верующих в Советском Союзе. Это послание, полное клеветнических измышлений против первой страны социализма, послужило началом разнузданной антисоветской кампании, развернутой реакционерами во многих странах мира. "Крестовый поход" Пия XI против СССР был задуман с целью отвлечь внимание трудящихся капиталистических стран от их собственного бедственного положения, от последствий мирового экономического кризиса. Миллионы безработных, нищета, голод, инфляция, экономический застой - такой была неприглядная действительность в странах капитала, правящие круги которых пытались свалить за это вину на Советский Союз, обвиняя его в злостном демпинге-экспорте товаров по цене ниже себестоимости. Буржуазная печать с ликованием встретила новую антисоветскую затею Пия XI, однако трудящиеся католики не пошли на поводу папы римского. "Крестовый поход" с треском провалился.

"История конкордатов- история страданий"

Надежды Пия XI на то, что возглавляемая им католическая церковь превратится в равноправную союзницу фашистских правительств и восстановит при их содействии свои позиции, не оправдались. Фашисты использовали церковь для захвата власти и разгрома рабочего движения. Но из этого вовсе не следовало, что они готовы были заключить равноправный союз с католической церковью или следовать во всем ее программным установкам.

Фашистские лидеры, как в свое время Наполеон и Бисмарк, хотели, чтобы духовенство и папа беспрекословно подчинялись их воле. Они с подозрением относились к светским организациям церкви типа "Католическое действие", считая, что они могут стать средоточием оппозиционных сил, превратиться в угрозу их режиму. По мере того как укреплялись эти режимы, Гитлер и Муссолини оказывали все большее давление на церковную иерархию и Пия XI с целью добиться роспуска католических организаций и принятия таких одиозных

фашистских установок, как расизм и антисемитизм, на что даже архиреакционный Пий XI не мог согласиться. Он понимал, что это перечеркнет космополитическую идеологию церкви, безнадежно подорвет ее позиции в США и других буржуазных странах. Против такого беспрекословного подчинения фашизму возражала и часть местного духовенства и католических деятелей, тяготевших к буржуазной демократии. И Муссолини, и Пий XI пытались доказать, что Латеранские соглашения не являются результатом взаимных уступок. Пий XI считал, что создание "независимого" Ватикана вовсе не означает отказа папства от руководства католическим движением в Италии, и при первой же попытке Муссолини усилить фашистский контроль над ним стал запальчиво защищать свои права и прерогативы.

К тому же создание карликового церковного государства попросту шокировало многих католических иерархов и клерикальных деятелей, мечтавших о восстановлении былого папского величия. Хотя Пий XI настойчиво доказывал, что маленькие размеры папского государства выгодны церкви, ибо в таком государстве нет социальных проблем, а следовательно, и необходимости решать социальные конфликты, устранять безработицу, подавлять забастовки и т. п., этот аргумент не производил впечатления на старых "санфедистов", считавших, что папа, подписав Латеранские соглашения, сделал слишком большие уступки фашистской Италии.

В свою очередь далеко не все фашисты были довольны Латеранскими соглашениями. Многие из них считали себя антиклерикалами и стремились свести счеты с членами католической Народной партии. Муссолини вынужден был учитывать эти настроения. Он вовсе не хотел прослыть раскаявшимся грешником, получившим отпущение от папы римского. Публично он вел себя по отношению к Пию XI высокомерно и даже вызывающе. Как было уже сказано, после подписания Латеранских соглашений Муссолини даже не посетил Пия XI. Он вообще ни разу не встречался с папой. Создавалось впечатление, что обе стороны как бы стыдились содеянного ими.

Эти противоречия отразились и в речи Муссолини 13 мая 1929 г., посвященной заключению Латеранских соглашений. Похваляясь, что с созданием государства Ватикан окончательно погребен "римский вопрос", Муссолини недвусмысленно заявил, что, хотя католическая церковь в итальянском государстве занимает преобладающее место в жизни народа, она вовсе "не суверенна и даже не свободна" от государства и что дистанция между Ватиканом и Римом отнюдь не меньше, чем та, которая отделяет Ватикан от всякой другой столицы. Муссолини также дал понять, что соглашение с Ватиканом не означает примирения с "популяри", членами Народной партии. "Мы не допустим,-угрожающе сказал он,-чтобы воскресли организации и партии, которые мы уничтожили навсегда... Каждый знает, что фашистский режим, когда он вступает в бой, ведет этот бой до конца и позади себя оставляет пустыню... Фашистское государство - католическое, но оно- фашистское, более того, оно исключительно и по самой своей природе-фашистское. Католицизм его дополняет, и мы говорим это открыто, выложив карты на стол". И далее следовало заявление, вызвавшее овацию фашистских депутатов: "Мы не воскресили светской власти пап, мы ее похоронили; мы оставили ей ровно столько земли, сколько надо, чтобы она была раз и навсегда погребена..." Е. А. Коровин. Католицизм как фактор современной мировой политики.

Пий XI был глубоко уязвлен этой речью "человека провидения". Папа заявил, что она содержит несправедливые, незаслуженные и даже злобные выпады против церкви. Но Муссолини решил доказать, что в Италии хозяином положения является он, а не папа римский и что Латеранские соглашения отнюдь не связывают ему руки по отношению к церкви и католическим организациям. По его приказу были распущены молодежные и университетские организации "Католического действия" (последними руководил тогда монсиньор Монтини, будущий папа Павел VI), а многие их руководители подверглись полицейским репрессиям.

Пий XI негодовал. Действия Муссолини подтверждали церковную пословицу, что "история конкордатов-это история страданий церкви" ("historia concordatorum-historia dolorum"). Спокойно взирать, как Муссолини расправляется с итальянским "Католическим действием", папа не мог. 5 июля 1931 г. Пий XI опубликовал энциклику на итальянском языке "Non abbiamo bisongo" ("Не испытываем нужды"), в которой обвинял фашистский режим в черной неблагодарности по отношению к Ватикану и протестовал против преследований "Католического действия". "Если говорить о неблагодарности,сказано в энциклике,-то речь

может идти только об отношении к святому престолу партии и режима, которые, по всеобщему мнению, благодаря дружественным связям со святым престолом укрепили внутри и вне страны свой авторитет и влияние, хотя некоторым в Италии и за рубежом эти дружественные отношения казались преувеличенными, так же как слишком широкими казались наше расположение и доверие". Далее Пий XI писал: "Ни в одной из стран мира никогда "Католическое действие" не считалось опасным для государства, ни в одной из стран мира "Католическое действие" не подвергалось столь злобным (мы не видим другого слова, которое соответствовало бы действительности и правде) преследованиям, как в нашей Италии и в возглавляемом нами римском епископате. Это действительно нелепое положение, но создано оно не нами и против нас".

Осыпав правительство Муссолини упреками и всякого рода обвинениями в нарушении буквы и духа конкордата, Пий XI счел нужным заявить под занавес, что данной энцикликой он вовсе не желал "осудить партию и режим как таковые". Фашизм был и оставался для Пия XI вполне приемлемой доктриной. Муссолини знал это. Действительно, не прошло и года, как недавние противники вновь достигли примирения. Муссолини разрешил деятельность "Католического действия" при условии, что из него будут изгнаны все "популяри" и оно не станет вмешиваться в политику, а Пий XI разрешил католикам присягать на верность фашизму, чего требовал режим от всех служащих, студентов и профессуры. Муссолини по-прежнему оставался для папы "человеком провидения", с которым всегда можно было договориться.

Пий XI не скрывал, что ему были по душе все внешнеполитические авантюры дуче. Ведь интересы итальянской буржуазии были папе отнюдь не безразличны.

Особенно энергично Ватикан поддержал агрессию фашистской Италии в Эфиопии (Абиссинии). В месяцы, предшествовавшие фашистской агрессии, орган Ватикана "Оссерваторе Романо" доказывал своим читателям, что оставлять без "пользы" естественные ресурсы Африки - непростительный грех, что европейские державы имеют не только право, но и обязанность силой приобщать к цивилизации народы, не желающие принимать ее добровольно. Накануне нападения Италии на Абиссинию Пий XI заявил, что так как итальянцы (читай: фашисты) считают предстоящую войну справедливой и необходимой для национальных интересов страны, растущее население которой нуждается в "жизненном пространстве", то такая война "оправдана сама по себе". Комментируя в беседе с французским послом при Ватикане Франсуа Шарль-Ру вторжение Италии в Абиссинию, Пий XI предупреждал его, что "поражение итальянцев скажется отрицательно на интересах европейских стран, имеющих колонии в Африке".

В первый же день войны руководитель итальянского "Католического действия" епископ Э. Колли, действуя с молчаливого согласия Пия XI, в послании к верующим взывал:

"Родина подверглась агрессии! (Выходит, что Абиссиния напала на Италию!-Я. Г.) Пусть же каждый итальянец станет солдатом. Если вчера еще кто-либо мог высказывать свои разногласия, то сегодня все мы должны только подчиняться". Ватиканский журнал "Чивильта каттолика" 11 октября 1935 г. клеветал на Абиссинию, называя ее "типичным примером морального разложения и духовного упадка христианского народа, отделившегося от Рима в результате раскола и ереси и тем самым оказавшегося изолированным от косвенного влияния католицизма на его гражданские институты...".

Один из приближенных Пию XI прелатов, Тиссеран, обещал в октябре 1936 г., что в Абиссинии "католические миссионеры будут продолжать работать, поддерживая цивилизаторскую деятельность, начатую Италией при фашистском правительстве с целью возвратить народу римскую цивилизацию". Кардинал Ильдефонсо Шустер, преемник Пия XI на посту архиепископа Миланского, 28 октября того же года витийствовал в своей проповеди в Миланском соборе: "Мы, вдохновленные богом, поддерживаем эту национальную и подлинно католическую миссию (то есть грабительскую войну Италии против Абиссинии. - И. Г.), в особенности в этот момент, когда на полях Эфиопии итальянское знамя обеспечивает триумф христового креста, рвет цепи рабства и открывает пути для миссионеров Европы".

Полгода спустя, 26 февраля 1937 г., тот же кардинал Шустер вновь превозносил колонизаторские захваты Муссолини, сравнивая их с завоеваниями римских императоров Октавиана Августа и Константина. Он говорил:

"В то время как Вечный город (то есть Рим.- И. Г.) продолжает осуществлять свою двойную цивилизаторскую и религиозную миссию, а августейший понтифик Пий XI посылает миссионеров на край света проповедовать слово всеобщего спасителя Иисуса Христа, итальянские легионы завоевывают Абиссинию на сторону цивилизации, искореняют в ней рабство и стремятся обеспечить ее населению и всему человеческому обществу двойное преимущество имперской (Муссолини провозгласил Италию после захвата Абиссинии империей.-И. Г.) культуры и католической веры, соединенной в общем римском гражданстве". В другом выступлении в том же году кардинал Шустер сравнил фашистов с апостолами, назвав их "сотрудниками бога".

История отношений с итальянским фашизмом, по-видимому, ничему не научила Пия XI, ибо он с таким же энтузиазмом, как вначале с Муссолини, стал сближаться с Гитлером. Не успел нацистский фюрер захватить власть, как 20 июля 1933 г. Ватикан подписал с ним конкордат. Это был первый международный документ, заключенный Гитлером. Заключение конкордата придавало германским нацистам ореол добропорядочности в момент, когда они загоняли немецких демократов в концлагеря, устраивали еврейские погромы, раздували реваншистский психоз.

Пий XI, хоть и считал Гитлера авантюристом и выскочкой, восторгался его стремлением уничтожить ненавистный папе коммунизм. "Нельзя отрицать,- сказал папа в беседе с австрийским послом при Ватикане,- что Гитлер проявил определенную гениальность в борьбе с коммунизмом и пропагандой безбожников". Однако Пию XI пришлось скоро и в отношениях с Гитлером испытать разочарование, приправленное изрядной дозой страха.

Развитие событий в нацистской Германии очень напоминало то, что происходило в фашистской Италии. Но если Муссолини не решался окончательно порвать с церковью и предпочитал разрыву компромисс, то германский фюрер признавал лишь церковь, кричащую "Хайль Гитлер!", и никакую другую. Все католические организации в Германии были поглощены нацистами, все церковники превращены в слуг третьего рейха, партия Центра была разогнана. Тех же, кто противился этой политике, нацисты бросали в концлагеря или просто убивали. За период с 1933 по 1939 г. (до смерти Пия XI) Ватикан направил в Берлин 55 нот протеста по поводу нарушений конкордата. Берлин ответил только на 12 из них. Гитлер совершенно не считался с Пием XI, а, как известно, Ратти Не склонен был допускать такого пренебрежительного отношения к себе. С каждым годом Гитлер казался ему все более и более опасным. Отвечая на речь старейшины дипломатического корпуса при Ватикане немецкого посла Д. фон Бергена, в которой тот, поздравляя папу с новым, 1936 годом, заверил его, что национал-социализм спасет церковь от большевизма, Пий XI гордо заявил, что церковь в состоянии сама защитить себя. В 1937 г. Пий XI приходит к выводу, что "соглашение между национал-социализмом и католиками невозможно". Мюнхенский сговор он называет "несправедливым миром". Положение в Европе папа оценивает весьма мрачно, он уверен, что Гитлер развяжет новую мировую войну. Выхода из положения он не видит. "Я хочу жить только потому,- говорил папа своим приближенным,-что испытываю любопытство: найдет ли господь выход из создавшегося в Европе переплета".

В лабиринте энциклик.

Шел 1936 год. Во Франции и Испании победил Народный фронт. В мире росло сопротивление фашистским правительствам, их террористической внутренней политике, их планам развязать вторую мировую войну, поработить другие страны, перекроить карту мира в своих интересах.

Пий XI непрерывно совещался со своими советниками, с руководителями немецкого епископата, итальянскими, французскими, американскими кардиналами. Денно и нощно трудились сотрудники статс-секретариата во главе с кардиналом Пачелли над отработкой различных формул и вариантов документов, определявших позицию Ватикана по отношению к происходившим в мире событиям.

С каждым днем папа испытывал все большую тревогу и беспокойство. Он часто раздражался по пустякам, рвал докладные записки. Его не удовлетворяли представляемые ему для утверждения тексты, он пытался сам их редактировать, но из этого тоже ничего путного не получалось.

В конце августа 1936 г., находясь в своей летней резиденции Кастель Гандольфо, папа неожиданно почувствовал головокружение и вынужден был лечь в постель. Как уже говорилось, Пий XI отличался железным здоровьем, никогда не обращался к врачам, не знал, что такое лекарство. И теперь он решительно отказался показать себя специалистам. Переспорить его было невозможно. Отлежавшись немного, он опять приступил к работе. 23 октября, выходя из кабинета, Пий XI вновь почувствовал себя плохо, потерял сознание и, падая, сильно ударился головой о дверной косяк. Но и на этот раз, быстро придя в себя, он категорически отказался от услуг врачей и строго запретил своему окружению распространять сведения о состоянии его здоровья. Никто не осмелился ему перечить.

В начале декабря состояние папы настолько ухудшилось, что он был вынужден обратиться к врачам, которые установили у него инфаркт миокарда, атеросклероз и ряд других сопутствующих заболеваний, характерных для его возраста. Ведь Пию XI исполнилось уже 79 лет. 5 декабря 1936 г. "Оссерваторе Романо"

/опубликовала первый медицинский бюллетень о болезни папы. Пий XI был вынужден соблюдать постельный режим, прекратить массовый прием паломников, аудиенции. И все же, несмотря на строгий запрет врачей, папа продолжал работать. Он встречался в своей опочивальне с ближайшими сотрудниками и советниками, участвуя таким образом в подготовке трех энциклик, которые должны были определить отношение Ватикана к острейшим проблемам современности. К началу марта 1937 г. эти документы были готовы и в том же месяце опубликованы. 14 марта вышла энциклика на немецком языке "Mit brennender Sorge" ("Со жгучей заботой"), 19 марта- латинская энциклика "Divini Redemptoris" ("Божественное искупление") и 28 марта - энциклика на испанском языке "Nos es muy j conocida" ("Нам хорошо известна").

Что это за документы и каково их содержание? Первая энциклика являлась анализом положения католической церкви в Германии и ее взаимоотношений с нацистским правительством. Ее подзаголовок звучал: "О положении католической церкви в Германском рейхе". Теперь некоторые католические авторы называют ее "антинацистской" энцикликой. В действительности же она таковой не была. В ней, правда, перечислялись нарушения правительством Гитлера конкордата, различного рода притеснения по отношению к церкви и ее мирским организациям, гонения на ее отдельных представителей. Однако энциклика не осуждала нацистскую идеологию, не отлучала ее носителей от церкви, не отмежевывалась от них. Более того. Она заканчивалась обращением к Гитлеру с призывом восстановить сотрудничество с католической церковью, правда при соблюдении им конкордата, то есть церковных прав и привилегий.

Совсем иного содержания была энциклика "Дивини редемпторис", имевшая подзаголовок "Об атеистическом коммунизме". Она направлена против коммунизма и Советского Союза и адресована всем католикам мира. Она решительно и категорически осуждала коммунизм, предавала его анафеме, запрещала верующим соприкасаться в какой бы то ни было степени или форме с коммунистическими идеями. В энциклике содержались традиционные для Ватикана выпады и ложные обвинения против Советского Союза. Отмечая, что папство "предостерегало против коммунистической опасности чаще и более убедительно, чем любая другая общественная сила мира сего", Пий XI призывал "энергично применять соответствующие действенные средства, чтобы преградить путь революции, которая подготавливается". Этот документ должен был показать Гитлеру, что в лице папы он может потерять надежного союзника в борьбе с коммунизмом и Страной Советов.

"Дивини редемпторис" была направлена также на то, чтобы воспрепятствовать католикам участвовать в антифашистской борьбе. В связи с этим Георгий Димитров писал, что в ответ на политику "протянутой руки", проводившейся коммунистами по отношению к католикам, "папа римский и "святейшие" епископы в разных странах поспешили выступить с посланиями и церковными проповедями, чтобы оградить свою паству от "страшной большевистской опасности"- Народного фронта". Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны.

Третья энциклика была посвящена "преследованиям" религии в Мексике. Разумеется, никто религию в Мексике не преследовал. Пий XI был просто возмущен отделением церкви от государства, закрепленным в мексиканской конституции 1917 г. Конституция также запрещала

деятельность в стране церковников-иностранцев, религиозные акты вне церковных помещений, преподавание религии в учебных заведениях. Эти меры являлись следствием того, что духовенство в годы мексиканской революции (1910-1917) активно боролось против народа, поддерживало реакционные, проимпериалистические группировки. После избрания президентом в 1934 г. Ласаро Карденаса, программа которого предусматривала осуществление аграрной реформы и других прогрессивных преобразований, церковники вместе с правыми элементами встали на путь гражданской войны. Они возглавляли банды головорезов, так называемых кристеросов (крестоносцев), сеявших террор в сельских местностях. Апостолический делегат монсиньор Эрнесто Филиппи, оказывавший поддержку бандитам, был выслан из Мексики. В защиту "крестоносцев", пользовавшихся поддержкой американских монополий, и была направлена энциклика "Nos es muy conocida", призывавшая к международному бойкоту правительства Карденаса. Папа явно рассчитывал на то, что эта энциклика будет с одобрением встречена как в Берлине, так и в реакционных кругах Парижа, Лондона и Вашингтона.

Пий XI упорно и настойчиво пытался улучшить отношения Ватикана с официальными кругами США и Франции.

При Пии XI американские прелаты стали впервые проникать в курию на ответственные посты. Папа Ратти, в отличие от своих предшественников, питал слабость к американской технике. Он послал в США прелата Тиссерана, ведавшего библиотекой Ватикана, закупить современное оборудование, после чего называл Тиссерана "американцем". В 1936 г. папа направил в США кардинала статс-секретаря Эудженио Пачелли для установления контактов с американскими политическими и финансовыми деятелями. Это был первый визит ватиканского иерарха такого ранга в заокеанскую страну. Пий XI охотно раздавал кардинальские шапки американским прелатам.

Немало сил потратил Пий XI, чтобы укрепить отношения с Францией. Большинство французских епископов придерживались монархистских и интегристских позиций. Они все еще не могли примириться с отделением церкви от государства. Ради налаживания политических контактов с Францией Пий XI решил несколько умерить антиреспубликанский пыл французского епископата. В 1924 г. специальной энцикликой "Maximam gravissimamque" ("Крайне опасно") он признал законы о религиозных ассоциациях и отменил решение епископата, призывавшего голосовать только за тех кандидатов в депутаты, которые публично осудят отделение церкви от государства. В следующем году Ватикан, опасаясь разрыва дипломатических отношений с Францией, снова выразил свое неудовольствие позицией французского епископата, выступавшего с резким осуждением деятельности правительства радикал-социалистов.

Усилия Пия XI, направленные на то, чтобы убедить французский епископат отказаться от непримиримой позиции по отношению к республиканскому строю, не дали результата. Тогда он решил осудить за отклонения от христианской доктрины ультраправую монархическую организацию "Аксион франсез" и ее одноименный орган, которые подверг отлучению, хотя и не публично, еще Пий X. "Аксион франсез" пользовалась поддержкой многих епископов и католических лидеров. Ее осуждение было, по существу, направлено против них. Эта мера Пия XI вызвала чуть ли не открытый бунт среди французского епископата, ряд представителей которого во главе с кардиналом Луи Билло (он короновал Пия XI) открыто встали на сторону "Аксион франсез". Билло поплатился за это кардинальской шапкой. Кроме того, Пий XI через апостолический пенитенциарий опубликовал решение, согласно которому священникам запрещалось исповедовать читателей "Аксион франсез", семинаристы за ее чтение подлежали изгнанию из учебного заведения, верующие за такое же прегрешение отлучались от церкви и лишались права на религиозное погребение. Французские епископы скрепя сердце вынуждены были подчиниться этому решению.

Пий XI отрицательно относился к экспансионистским планам Гитлера. Он знал, что их реализация приведет к подчинению церковной иерархии нацизму и ликвидации католических организаций на захваченных германским рейхом территориях.

Уже в 1935 г. в связи с ремилитаризацией Гитлером Рейнской области Пий XI сказал французскому послу при Ватикане Франсуа Шарль-Ру:

- Неужели у вас перевелись Фоши? Если бы вы немедленно повели в наступление (против Германии) 200 тысяч солдат, вы бы оказали огромную услугу человечеству.

Ф. Шарль-Ру лишь развел в ответ руками. Папа же продолжал:

1 Фош Фердинанд (1851-1929)-французский военный деятель, маршал Франции (1918) и Польши, британский фельдмаршал. С апреля 1918 г.-верховный главнокомандующий союзными войсками. Сыграл значительную роль в победе союзников над коалицией центральных держав во главе с Германией. В 19181920 гг.-один из активных организаторов военной интервенции в Советской России. - Вас удивляет, что это говорит человек, которого Маррас (отлученный от церкви лидер "Аксион францез".- И, Г.) считает германофилом, но я вам повторяю: если бы Франция так поступила, то она заслужила бы благодарность всего мира.

Захват Австрии Гитлером в 1936 г. подтвердил наихудшие предположения Пия XI. Австрийская церковная иерархия во главе с кардиналом Иннитцером встретила захватчиков восторженными возгласами "Хайль Гитлер!". Однако штурмовики разгромили и католическую партию, и организации "Католического действия". Гитлер одним махом убрал с политической арены австрийских католических деятелей вроде Дольфуса и Шушнига, которых Пий XI считал образцовыми государственными деятелями: ведь эти враги социализма и коммунизма потопили в крови восстание рабочих Вены, выступали за корпоративизм, и в то же время они уважали церковь и Ватикан, не страдали шовинизмом и антисемитизмом. Муссолини же, который ранее их поддерживал, к великому разочарованию Пия XI, не пошевелил даже пальцем в их защиту.

По мере того как гитлеровская военная машина набирала силу, Пий XI все настойчивее искал сближения с Францией и другими западными демократиями, в свою очередь стремившимися заручиться поддержкой Ватикана в их отношениях с Гитлером. Именно эту цель преследовала поездка в 1937 г. статс-секретаря Пачелли во Францию, в Лисье, в связи с празднованием юбилея св. Терезы. Пачелли был принят высшими правительственными чинами в Париже.

Визит Пачелли во Францию вызвал злобные нападки на него и на Пия XI в нацистской печати. Газета Геббельса "Ангрифф" писала в связи с этим следующее: "Папа борется с коммунизмом в красноречивых энцикликах, но его дипломатия поддерживает Народный фронт, конечно, не столько из-за симпатии к марксизму-ленинизму, сколько из-за желания способствовать политике окружения Германии". Другие нацистские газеты утверждали, что Пий XI "полуеврейского" происхождения, так как его мать была якобы голландской еврейкой, а что касается Пачелли, то они писали, что он вообще еврей "чистых кровей".

Буржуазная пресса предрекала неминуемые столкновения между Ватиканом и Гитлером, но ничего подобного не произошло. И та и другая сторона не были заинтересованы в обострении отношений, но и не думали уступать друг другу позиций. Гитлер продолжал полигику "завинчивания гаек" по отношению к католической иерархии в Германии, папа же, раздосадованный, огорченный, больной, лихорадочно искал выхода из тупика, в котором оказалась церковь.

Но в чем же мог заключаться такой выход? После мюнхенского сговора 1938 г. позиции Гитлера и Муссолини в Западной Европе окрепли. Гитлер все больше наглел, не отставал от него и Муссолини, во всем подражавший своему более сильному партнеру по фашистскому союзу. Муссолини, как и Гитлер, по существу, не считался с теми статьями конкордата, которые обеспечивали церкви возможность какой-либо самостоятельности по отношению к государству.

Между тем здоровье Пия XI медленно, но неуклонно ухудшалось. Он все реже выступал публично, с трудом передвигался и говорил. Но, может быть, именно потому, что папа сознавал приближение смерти и понимал, что, кроме нее, ему уже ничего не грозит, он явно намеревался завершить свое правление актом, который реабилитировал бы его перед историей. Что же он затеял? Об этом ходили самые разнообразные слухи.

Был ли Пий XI. отравлен агентами гестапо?

В 1939 г. исполнялось 10 лет со дня подписания Латеранских соглашений. Пий XI назначил по этому поводу созыв конференции итальянского епископата. Поговаривали, что он

был настроен дать на этой конференции решительный бой "человеку провидения". Папа готовился будто бы если не денонсировать Латеранский договор, то по крайней мере отказаться от конкордата с Италией. Другие источники утверждали, что Пий XI подумывал о том, чтобы предать публичному осуждению нацизм. От человека решительного, фанатичного, упрямого, да к тому же стоящего одной ногой в могиле, можно было ожидать всего. Так по крайней мере считали фашистские заводилы. Зять Муссолини Чиано отмечал в своем секретном дневнике: "Можно не сомневаться, что этот папа способен на все, даже на торжественные осуждения и отлучения, он даже в крайнем случае готов покинуть Рим".

Эти слухи, естественно, породили определенное беспокойство в окружении Муссолини и Гитлера. Секретные службы Италии и Германии получили указания любой ценой предотвратить антифашистские выступления Пия XI.

Открытие конференции итальянского епископата, на которой папа собирался выступить с программной речью, было назначено на 11 февраля 1939 г. Вот уже много недель Пий XI трудился не покладая рук над текстом этой речи. С приближением даты открытия конференции в ватиканских кругах росла нервозность. Рим был полон слухов о предстоящем "историческом" выступлении Пия XI, осуждающем фашизм и нацизм. Но папе, способствовавшему (и в не малой степени) приходу к власти Муссолини и Гитлера, не суждено было исправить свои ошибки. 31 января он внезапно почувствовал себя дурно. Врачи поставили диагноз-острая сердечная недостаточность. Больного уложили в постель, но на следующий день он уже поднялся и сел за письменный стол. Он просил врачей предпринять все меры, чтобы он мог участвовать в предстоящей конференций. Врачи старались, как могли. 9 февраля, после обеда, Пий XI вновь слег с тяжелым сердечным приступом. На следующий день, в канун открытия конференции, в половине шестого утра он скончался.

Смерть Пия XI была настолько неожиданной для его окружения, что он даже не получил положенного католику на смертном одре отпущения грехов: рядом не оказалось великого пенитенциария, в обязанность которого входит исповедовать папу.

40 лет спустя кардинал Тиссеран в опубликованных им воспоминаниях категорически утверждал, что Пий XI был отравлен отцом любовницы Муссолини Клары-доктором Петаччи, лечившим тогда папу. Доктор Петаччи состоял на секретной службе Гитлера и Муссолини, которые во что бы то ни стало хотели помешать выступлению папы с осуждением фашизма и нацизма. Но действительно ли Пий XI был отравлен агентом гестапо или умер от болезни сердца и действительно ли он собирался в конце жизни осудить фашизм и нацизм, как теперь заявляют многие католические авторы, достоверно неизвестно. Не стараются ли апологеты папства задним числом представить Пия XI, одного из самых реакционных пап XX в., в более благоприятном свете, чем он того заслуживает?

Частично ответ на этот вопрос дает опубликованный к 30-летию Латеранского договора (в 1959 г.) по распоряжению папы Иоанна XXIII набросок того самого выступления Пия XI, которого якобы так опасались Гитлер и Муссолини. В этом наброске нет и намека на осуждение нацизма и на разрыв с Муссолини. Он не содержит ничего нового по сравнению с уже известными документами Пия XI. Можно быть уверенными, что если бы в бумагах этого папы обнаружились какие-либо резкие высказывания против Гитлера или Муссолини, то Ватикан не преминул бы предать их гласности, чтобы хоть как-то подкрепить свою версию о том, что Пий XI на склоне лет пересмотрел свое отношение к фашизму и нацизму и действительно помышлял о разрыве с ними. По-видимому, таких документов просто не существует.

Сказанное не исключает, однако, что гестапо или любая другая тайная служба Гитлера, которым папа мог показаться помехой в борьбе за власть в Европе, убрали Пия XI со сцены. К тому же в Берлине и Риме надеялись, что его преемником станет куда более сговорчивый и изворотливый Эудженио Пачелли. Во всяком случае, смерть Пия XI была встречена там со вздохом облегчения. Муссолини отреагировал на нее так: "Наконец-то отдал концы этот твердолобый человек". Таков был бесславный финал понтификата библиотекаря и альпиниста, оказавшегося на папском престоле. Оголтелый антикоммунизм толкнул его в объятия Муссолини и Гитлера, из которых он так и не смог вырваться.

ПИЙ XII, ИЛИ "АТЛАНТИЧЕСКИЙ ПАПА".

Эудженио Пачелли, родился в Риме 2 марта 1876 г. в семье ватиканского адвоката. Важнейшие посты в церкви: нунций в Германии, кардинал, статс-секретарь при Пии XI. Избран папой 12 марта 1939 г. Принял имя Пия XII. Прозвища: "великий молчун", "атлантический папа", "Джонни Уокер", "святой упрямец". Во время второй мировой войны сотрудничал с Муссолини и Гитлером. Сторонник "холодной" войны. Отлучил от церкви коммунистов. Утверждал, будто ему явился Иисус Христос и беседовал с ним. Автор многочисленных энциклик, в которых пропагандировал ультраконсервативные интегристские взгляды. Умер 9 октября 1958 г.

Блицконклав.

Пий XI продлил период "междуцарствия" в церкви, то есть время от кончины папы до избрания его преемника, с 10 до 15 дней. Это было сделано для того, чтобы дать возможность кардиналам из дальних стран приехать в Ватикан и принять участие в конклаве. И все же после его смерти конклав открылся с трехдневным опозданием. Акилле Ратти похоронили с обычной для таких случаев помпой, а затем была проведена необходимая подготовка к конклаву. На это ушло 18 дней. На конклав съехались все его участники - 57 кардиналов. Избрание нового папы римского всегда привлекает внимание мировой прессы. Однако на сей раз ведущие газеты капиталистических стран откликнулись на это событие весьма скупо.

Мир стоял на пороге войны. Фашистские державы рвались к территориальным захватам. При попустительстве правящих кругов Англии и Франции Гитлер захватил Австрию и Чехословакию, Муссолини-Эфиопию. В Испании Франко с помощью Гитлера и Муссолини душил республику. Милитаристская Япония вела войну против китайского народа.

Стоит ли удивляться, что на фоне этих событий грядущие перемены в Ватикане не привлекли к себе пристального внимания мировой общественности. О покойном папе никто особенно не скорбел. И никто не ожидал никаких сенсаций от предстоящего конклава. Все наблюдатели довольно дружно сходились на том, что преемником Ратти будет его статс-секретарь Эудженио Пачелли, которого еще при жизни Пия XI называли "дофином", "кронпринцем", "престолонаследником". Пий XI не скрывал, что именно его он готовит себе в преемники. Как-то он даже высказал не совсем обычную для понтифика мысль, что согласился бы уйти в отставку с поста папы, если бы был уверен, что конклав изберет на его место Эудженио Пачелли.

Прогнозы наблюдателей на этот раз полностью оправдались.

Конклав открылся 1 марта 1939 г. Он проходил согласно установленным правилам и традициям. Отличался он от других конклавов тем, что завершился в чрезвычайно короткий срок. Заседания этого блицконклава длились всего лишь 20 часов. К голосованию кардиналы приступили утром 2 марта. Уже во втором туре почти все кардиналы проголосовали за Пачелли. Новый папа, таким образом, был избран. Он принял имя Пия XII, показывая тем самым, что намерен продолжать политику своего предшественника.

Избрание Пачелли на папский престол было встречено в различных политических кругах с большим удовлетворением. Все "сильные мира сего" считали Пачелли своим человеком и надеялись, что в нужный момент могут найти с ним общий язык, заручиться его поддержкой.

Муссолини и его окружение были довольны избранием Пачелли, ибо видели в нем представителя семейного клана, интересы которого тесно переплетались с интересами итальянской буржуазии, в частности через крупнейший в стране "Банка ди Рома", основанный дядей нового папы. Сам Эудженио Пачелли, пребывая на посту статс-секретаря, неоднократно доказывал свое стремление не обострять отношений с фашистскими режимами, а, напротив, всемерно способствовать их укреплению. Его восторженное отношение к фалангистскому мятежу в Испании и непримиримость к социализму и коммунизму делали Пачелли весьма приемлемой для правящей в Италии клики фигурой на папском престоле. Вскоре после конклава Чиано, тогда министр иностранных дел, записал в своем секретном дневнике: "В Тарвизио получаю сообщение об избрании Пачелли на папский престол. Это для меня не является неожиданностью. Вспоминаю мою беседу с ним 10 февраля. Носила она очень теплый характер. Кажется, что после этого он сильно улучшил отношения с Германией, до такой степени, что Пиньятти (тогдашний итальянский посол при Ватикане.-И. Г.) вчера сообщил, что Пачелли является немецким кандидатом. Дуче доволен избранием Пачелли. Он

вновь обещает дать ему несколько советов о том, что предпринять, чтобы с пользой для дела управлять церковью".

Как свидетельствует иезуит Роберт А. Грэхем, один из издателей ватиканских документов, относящихся ко второй мировой войне, Гитлер интересовался конклавом. Нацистская агентура получила указание следить за его перипетиями. Фюрера полностью устраивало избрание Пачелли. 12-летнее пребывание последнего на посту нунция в Германии (с апреля 1917 г. по декабрь 1929 г.), блестящее знание немецкого языка, участие в заключении конкордата с нацистской Германией, наконец, его антикоммунизм позволяли Гитлеру надеяться, что новый папа окажется более покладистым, чем его предшественник.

Вместе с тем Пачелли пользовался определенным влиянием в США и Франции, где он неоднократно бывал, находясь на посту статс-секретаря. Он поддерживал тесные отношения не только с церковными иерархами, но и со светскими католическими деятелями этих стран. Так, во время пребывания во Франции в 1935 и 1937 гг. он установил связи с Бидо и Морисом Шуманом, которые после второй мировой войны возглавили католическое Народно-республиканское движение (МРП). Он был лично знаком с писателем Мориаком и другими деятелями либерального крыла католического движения в этой стране.

В США, где он побывал в 1936 г., исколесив почти всю страну, будущий папа получил докторские степени от трех университетов, посетил президента Рузвельта, общался с промышленниками, банкирами, гостил у президента крупнейшей корпорации "Юнайтед стил" Майрона Тейлора, назначенного в начале войны личным представителем Рузвельта при папе. Двери в дома этих мультимиллионеров открывал для него кардинал Спеллман, глава американского епископата, пользовавшийся большим авторитетом в правящих кругах Соединенных Штатов.

В Вашингтоне и Париже считали, что Пачелли слишком умен, чтобы перейти в "фашистскую веру", что он постарается сохранить максимум независимости по отношению к державам "оси" и что в случае необходимости можно будет использовать его в качестве посредника и связующего звена с Италией и Германией.

Весьма показательна в этом отношении телеграмма, посланная в Париж послом Франции в Ватикане Ф. Шарль-Ру в связи с избранием Пия XII: "Выбор кардинала Пачелли прекрасен. При нынешнем состоянии кардинальской коллегии это избрание может лучше всего способствовать тому, что моральный авторитет св. престола будет сохраняться на уровне Пия XI. С французской точки зрения мы не можем желать ничего лучшего, ибо доказательств симпатий и доброй воли к нашей стране со стороны кардинала Пачелли было вполне достаточно, что вызвало даже неудовольствие со стороны иностранных кругов и поставило под вопрос его избрание".

У Пачелли были отличные связи с испанским, а также и с латиноамериканским епископатами. Эти контакты он поддерживал со времени своей поездки на Международный евхаристический конгресс в Буэнос-Айресе в 1934 г.

Более сложными были его отношения с епископатом Италии. Дело в том, что Пачелли никогда не занимался пастырской деятельностью, не возглавлял прихода или епархии. Всю свою жизнь он был чиновником курии, дипломатом на службе папского престола, советником папы. Но, как уже говорилось, Пачелли был не только ближайшим сотрудником Пия XI, он считался его "любимчиком". Такого типа церковные деятели традиционно вызывали враждебные чувства со стороны епископата, что, как правило, закрывало им доступ к тиаре. Однако Пачелли сумел преодолеть и этот барьер и заручиться поддержкой не только своих коллег-куриальных кардиналов, но и кардиналов-диаконов из итальянского епископата. Находясь на посту статс-секретаря, он всегда был готов оказать последним в пределах его возможностей любую услугу, сознавая, что тиару сможет получить только благодаря их голосам на конклаве.

В том, что итальянские кардиналы нарушили традицию и дружно проголосовали за бывшего статс-секретаря, сказалось и влияние надвигавшейся новой мировой войны. Все помнили, в каком жалком положении оказался Ватикан после войны 1914-1918 гг. Новый мировой конфликт сулил еще более тяжелые испытания для церкви. Чтобы ладья св. Петра не

дала течь и не пошла ко дну, нужен был сверхопытный в международных делах и осторожный кормчий. Среди всех кардиналов только Пачелли вполне соответствовал этим требованиям.

Карьера "святого упрямца".

Эудженио Пачелли был отпрыском известного в Италии "черного" клана, представители которого на протяжении столетий находились на службе папского престола. Начиная с XIX в. Пачелли занимали в Ватикане ряд очень высоких должностей. Так, дед Пия XII- Маркантонио, которому покровительствовал его дядя-влиятельный кардинал Катерини, стал министром финансов Папской области при папе Григории XVI (1831-1846) и занимал ряд высоких постов при Пии IX. Он был одним из членов "трибунала десяти", каравшего деятелей Римской республики, а затем - заместителем министра внутренних дел в папском правительстве. В 1861 г. Маркантонио Пачелли основал существующий поныне ватиканский официоз "Оссерваторе Романо". Один из его сыновей, Эрнесто, стал крупным банкиром на службе Ватикана, основателем "Банка ди Рома", другой, Фелиппе, был известным адвокатом при ватиканских трибуналах. У последнего, в свою очередь, было два отпрыска - Франческо, ставший по примеру отца ватиканским адвокатом, и Эудженио, будущий Пий XII.

Франческо Пачелли, советник кардинала Гаспарри, статс-секретаря Пия XI, был одним из творцов Латеранских соглашений, за что удостоился в 1930 г. от короля Виктора-Эммануила III княжеского титула. Три его сына, Карло, Джулио и Маркантонио, стали крупными финансовыми воротилами.

Эудженио Пачелли ступил на церковную стезю в конце XIX в. при Льве XIII. Кое-кто утверждал, что избрать духовную карьеру его побудила безответная любовь к некой сеньорине Люции, но это из области ватиканских сплетен.

С первых же шагов на церковном поприще Эудженио Пачелли пользовался особыми привилегиями и большим доверием церковного начальства. В 1901 г. Пачелли поступает на должность референта (минутанта) в статс-секретариат. С самого начала, несмотря на его довольно скромный пост, ему доверяют важные поручения. В 1901 г. он командируется в Англию для выражения соболезнования Эдуарду VII по поводу смерти королевы Виктории, в 1908 г. он сопровождает кардинала Мерри дель Валя в Лондон на евхаристический конгресс, а в 1911 г. возглавляет ватиканскую делегацию на коронацию короля Георга V.

В 1913 г. Пий X назначает 37-летнего Пачелли заместителем секретаря управления церковных дел статс-секретариата. Годом позже он поднимается еще на одну ступеньку вверх-становится секретарем того же управления, что открывает ему возможность для постоянного общения с папой. Непосредственным начальником Пачелли с избранием на папский престол Бенедикта XV становится статс-секретарь кардинал Гаспарри, циник и прагматик. Гаспарри однажды сказал ему:

- Ты хочешь быть пастырем, я же научу тебя быть овчаркой пастыря. Ты научишься у меня показывать клыки.

Пачелли учился усердно и, судя по всему, не без успеха. 20 апреля 1917 г. Бенедикт XV по предложению кардинала Гаспарри назначает его нунцием в Мюнхен и одновременно возводит в епископский сан. Церемония посвящения совершается в Сикстинской капелле и руководит ею сам папа.

В январе 1925 г. Пачелли подписывает конкордат с Баварией и в том же году, после установления дипломатических отношений Ватикана с Веймарской республикой, назначается нунцием в Берлин. В 1929 г. он подписывает конкордат с Пруссией. Всего в Германии Пачелли прослужил 12 лет. Находясь на посту нунция, он принимал активное участие во всех немецких католических конгрессах, внимательно следил за деятельностью католической партии Центра, был тесно связан с правыми политическими деятелями этой страны.

После подписания Латеранских соглашений Пий XI назначает его кардиналом, а несколько позже-статс-секретарем на место ушедшего на покой Гаспарри.

Пий XI хорошо знал своего нового статс-секретаря. Они неоднократно встречались, когда Ратти работал в Польше. Их сближали не только реакционные взгляды на мировую политику и вражда к социализму, но и взаимные симпатии к иезуитскому ордену. Как пишет один из исследователей этого периода истории папства, Ф. Энгель-Яноси, "Пий XII не читал ни одной книги столь часто и с таким усердием, как "Духовные экзерцисы" св. Игнатия Лойолы.

Он называл эту книгу своим "утешением", и можно предполагать, что испанский святой оказал решающее влияние на формирование его духовного облика и на его духовную жизнь". В назначении Пачелли на пост статс-секретаря, по-видимому, немалую роль сыграло и то обстоятельство, что Пий XI хотел таким образом отблагодарить за заслуги перед церковью его брата Франческо. 1 апреля 1935 г. Пий XI назначает Эудженио Пачелли на пост камерленго кардинальской коллегии, председательствующего на конклаве.

Будучи статс-секретарем, Эудженио Пачелли много путешествовал. Он побывал в Аргентине, США, Франции (дважды), Венгрии и в других странах. Всюду он встречался с президентами, ведущими политическими деятелями, церковными иерархами, что способствовало его популярности в различных кругах и повышало его шансы на получение в будущем папской тиары.

После избрания Эудженио Пачелли на папский престол буржуазная печать превозносила достоинства нового папы, восторгаясь его набожностью, ученостью, политической мудростью и даже внешним видом. Высокий, сухопарый, с одухотворенным лицом, писали услужливые журналисты, он будто сошел с одного из полотен Эль-Греко. Газетчики не скупились на комплименты в адрес нового понтифика, единодушно называя его знатоком классической музыки и литературы, талантливым дипломатом, предсказывая ему миротворческую роль в международных делах. Коронация нового папы прошла с обычной для таких церемоний торжественностью в соборе св. Петра. Его внесли в храм на позолоченных носилках 12 седиариев (носильщиков)-папских гвардейцев, отпрысков известных аристократических семей Рима. Папа восседал на носилках, облаченный в пышные одежды римского первосвященника - атласный подрясник, стихарь, красную епитрахиль, мантию с капюшоном, отороченную собольим мехом, в белых чулках и туфлях из красного бархата с вышитым на них золотым крестом. Его сопровождали кардиналы и епископы в красных и малиновых мантиях, вельможи, дипломаты. После торжественной мессы кардинал-камерленго увенчал голову папы трехъярусной золотой тиарой, усыпанной драгоценными камнями, символ церкви борющейся, страдающей и всепобеждающей.

В коронации Пия XII приняли участие 36 иностранных делегаций. Среди гостей было немало представителей европейских королевских домов, правда в основном утративших свою власть, как, например, бывший испанский монарх Альфонс XIII. Присутствовали также король Болгарии Борис, итальянский престолонаследник Умберто, герцоги Лихтенштейна и Люксембурга, премьер-министр Ирландии де Валера, граф Чиано и др.

Но вот отгремели праздничные фанфары, опустел собор св. Петра, в Ватикане наступили рабочие будни, тревожные, насыщенные грозными предзнаменованиями.

Взойдя на папский престол, Пачелли оставался в основном дипломатом. В центре его внимания всегда стояли вопросы мировой политики. Все его бесчисленные выступления, заявления, энциклики вращаются в основном вокруг этих вопросов.

Церковные апологеты при жизни Пия XII пытались представить его как мистика, "божьего человека", отрешенного от житейской прозы анахорета, посвятившего себя якобы всецело решению трансцендентных проблем. Но этот образ мало соответствует действительному обличию Пия XII. Если он и был мистиком, то только в том смысле, что считал себя инструментом божественного провидения, призванным осуществить определенную миссию. В чем же она заключалась? В общем и целом в искоренении коммунистической идеологии, в сокрушении Советского Союза как ее носителя и высшего выразителя.

Конечно, Пий XII не надеялся выполнить подобную миссию лишь силами католической церкви. Свою задачу он видел в другом: в объединении и мобилизации капиталистических держав для антикоммунистического крестового похода. Этой идее была подчинена вся его деятельность как в период второй мировой войны, так и после нее. Однако, будучи трезвым политиком, Пий XII избегал откровенно и четко формулировать свое кредо. Он предпочитал добиваться своих целей путем маневрирования и лавирования, маскируя их высокопарными, но бессодержательными разглагольствованиями о преданности всеобщему миру, принципам всеобщей справедливости и международного правопорядка.

Следует признать, что Пий XII проявил в международных делах недюжинную ловкость и изворотливость, однако и он не был застрахован от промахов, ошибок, просчетов, которые изобличали его как обскуранта и реакционера, союзника и пособника империализма, врага науки и социального прогресса, ненавистника демократии, социализма и коммунизма.

Пий XII и вторая мировая война

Одной из первых проблем, с которой пришлось столкнуться новому папе, была гражданская война в Испании. Пий XII восторженно приветствовал победу палача испанского народа Франко. В речи, которую он произнес на испанском языке по радио 17 апреля 1939 г., папа сказал: "С большой радостью мы обращаемся к вам, дражайшие сыны католической Испании, чтобы по-отечески поздравить вас с благословенным миром и победой, которыми господь соблаговолил увенчать вас... В залог безграничной милости пречистой девы и апостола Иакова, покровителей Испании, и великих испанских святых мы даруем вам, дорогим нашим сынам католической Испании, главе государства и его прославленному правительству, ревностным епископам и самоотверженному духовенству, а также всем верующим свое апостольское благословение". А. Мэнхэттен. Ватикан.

У "святого отца" не нашлось ни одного слова упрека в адрес фалангистских палачей, чинивших массовые расправы над сторонниками республики, в том числе над многими католиками и священниками-басками. Более того, Пий XII наградил Франко одним из высших ватиканских орденов, а 11 июня 1939 г. принял на торжественной аудиенции в Ватикане 3 тыс. фалангистов-участников войны против испанского народа во главе с министром иностранных дел Серрано Суньером, зятем Франко, и восторженно восхвалял их заслуги в борьбе с "материалистическим атеизмом".

Все эти восторженные слова и жесты Пия XII в адрес Франко с удовлетворением воспринимались Муссолини и Гитлером, без поддержки которых испанский "каудильо" никогда не смог бы одержать победу над республикой. У Гитлера и Муссолини имелись и личные основания быть довольными поведением нового папы. В марте Гитлер захватил у Литвы Клайпедскую область. Папа сделал вид, будто ничего не произошло. В апреле дуче предпринял захват Албании. Эта новая агрессия итальянского фашизма вызвала осуждение всех прогрессивных деятелей того времени. Папа же не счел нужным выразить свое отношение к ней. Публично одобрить захват Албании он не решился, осудить не желал. Итальянское же духовенство с его согласия приветствовало оккупацию Албании, что, конечно, было на руку Муссолини.

В первый год своего понтификата Пий XII много рассуждает о пользе мира и вреде войны. Он действительно стремился предотвратить взрыв войны в Европе, добиться мира между капиталистическими державами, чтобы направить агрессию против СССР. В начале мая 1939 г. папа предложил созвать в Ватикане совещание представителей правительств Великобритании, Франции, Польши, Германии и Италии для урегулирования спорных вопросов, выступив, таким образом, инициатором своего рода "нового Мюнхена".

Но "новый Мюнхен" не получился. Под давлением общественного мнения правительства Франции и Англии были вынуждены вступить в переговоры с Советским Союзом о заключении оборонительного соглашения. Хотя эти переговоры закончились по вине Лондона и Парижа безрезультатно, возможность такого соглашения вызвала большое беспокойство в Ватикане. Пий XII продолжал настаивать на созыве конференции европейских держав без участия Советского Союза. Было ясно, что такая конференция развязала бы руки Гитлеру для нападения на Советский Союз. Пий XII не скрывал, на чьей стороне находятся его симпатии. В июле 1939 г. он снял наложенное в 1926 г. Пием XI отлучение с "Аксион франсез", рьяно поддерживавшего идею альянса Франции с Гитлером и выступавшего с призывами к войне против Советского Союза. Но добиться такого альянса и предстать перед всем миром в роли миротворца наподобие Невиля Чемберлена Пию XII не удалось. Мирным решениям конфликтных проблем, назревших между германским рейхом и большинством стран Европы, Гитлер предпочел войну. 1 сентября 1939 г. германские войска вероломно напали на Польшу. Вторая мировая война началась.

Польша была буржуазным католическим государством. Как же реагировал Пий XII на ее порабощение гитлеровскими ордами? Никак. Он молчал. Гитлеровцы творили в оккупированной Польше чудовищные злодеяния. Папа знал об этом, но молчал. Гитлер

захватил Югославию, учредил марионеточное хорватское государство, хорватские фашисты-усташи, кичившиеся своим католическим фанатизмом, резали, вешали, расстреливали сербов. Хорватские церковники принимали самое непосредственное участие в этих кровавых преступлениях. Пий XII знал все это и... молчал.

Гитлер создал марионеточное словацкое государство во главе с католическим прелатом Тисо. Словацкие фашисты не уступали в своей кровожадности хорватским усташам. Пию XII было известно и это, но он молчал.

Гитлер, Муссолини и их союзники развязали войну против Советского Союза. Оккупированная Европа была покрыта концлагерями, этими гигантскими фабриками смерти, в которых погибло свыше 10 млн. ни в чем не повинных людей, в том числе стариков, женщин, детей. Среди них было немало и верующих-католиков, а также священников-антифашистов. Их морили голодом, убивали непосильным трудом, травили в газовых камерах, вешали, расстреливали. Пий XII продолжал молчать.

Когда в 1944 г. после капитуляции правительства Бадолио перед войсками союзников гитлеровцы захватили значительную часть территории Италии, расстреливая заложников, проводя массовые репрессивные акции, депортируя в концлагеря антифашистов, евреев, причем все эти бесчинства творились и в Риме, буквально под окнами апостолического дворца-резиденции папы, Пий XII тоже молчал.

После окончания войны, в особенности после смерти Пия XII и завершения работы Второго Ватиканского вселенского собора, когда католические деятели (церковные и светские) получили возможность высказывать не только ортодоксальные мнения, многие из них стали прямо обвинять Пачелли в том, что его молчание во время войны было не чем иным, как своеобразным проявлением солидарности со странами "оси" и одобрением преступлений фашистов.

Апологеты Пия XII пытались его защищать и оправдывать. Сперва они доказывали, что Пий XII якобы не знал подлинных масштабов преступлений, творимых Гитлером и Муссолини. Но этот смехотворный аргумент никого не убедил, ведь Пия XII подробно информировали о кровавых злодеяниях фашистов не только Англия и США через своих представителей в Ватикане, но и церковные иерархи из Польши, Франции и ряда других стран.

Когда отпал аргумент о мнимой неосведомленности Пия XII, его сторонники стали утверждать, что папа молчал, ибо опасался репрессий со стороны гитлеровцев, которые якобы могли не только оккупировать Ватикан, но и бросить в концлагерь самого папу, кардиналов, епископов, вообще могли ликвидировать всю церковную организацию.

Допустим, что Пий XII действительно боялся Гитлера и Муссолини, и поэтому в Италии приходские священники, епископы, архиепископы и даже кардиналы в своих проповедях и писаниях призывали солдат отдавать жизнь за фашистскую Италию, в Германии церковная иерархия превозносила Гитлера до небес, во Франции она открыто поддерживала предателя Петена, в Югославии-усташей, в Словакии-Тисо, в Венгрии-Хорти и так далее Но почему же тогда папа и католические иерархи не осудили фашизм после того, как союзники одержали победу? Почему они прилагали все усилия, чтобы спасти фашистских палачей от суда и заслуженного возмездия? Тысячи военных преступников избежали наказания благодаря покровительству Ватикана, снабжавшего их фиктивными документами и переправлявшего в Испанию, Португалию и страны Латинской Америки.

Сторонники Пия XII не отрицают широко известных фактов, но в оправдание папы утверждают, что он действовал так из свойственного ему человеколюбия, что в годы войны он не отказывал в помощи и антифашистам, многие из которых якобы нашли убежище в стенах итальянских монастырей. Этот аргумент требует уточнения: во-первых, Ватикан начал укрывать антифашистов только с конца 1943 г., когда вопрос о разгроме фашизма стал вполне ясным. Предоставляя право убежища небольшому числу антифашистов, Ватикан пытался таким образом реабилитировать себя в общественном мнении за прежние связи с Гитлером и Муссолини и делал заявку на участие в послевоенном переустройстве.

Таким образом, и аргумент о страхе Пачелли перед фашизмом как причине его молчаливого попустительства нельзя принимать всерьез. Чем же все-таки объясняется эта линия поведения Пия XII по отношению к фашизму? Ведь и Гитлер и Муссолини стремились

лишить церковь ее самостоятельности, враждебно относились к ее светским организациям, сурово расправлялись с ее служителями, если те придерживались демократических взглядов. Дело здесь, видимо, в том, что фашисты хоть и не были друзьями церкви, но они боролись с коммунизмом и тем самым, с точки зрения Пия XII, делали богоугодное дело!

Пий XII предпочел быть с фашизмом против коммунизма. Личный секретарь Пия XII немецкий иезуит Роберт Лейбер в статье, опубликованной в 1963 г., писал: "Пачелли ни на один миг не забывал о роковой опасности коммунизма. Этому имеются многие свидетельства. Начиная с июня 1944 г., после занятия Рима союзниками, чьи высшие военные и руководящие деятели в большом числе посещали папу, он не упускал случая каждый раз предостерегать их: "Конечно, Гитлер и национал-социализм являются тем, чем они есть. Но это скоро минует. Нельзя упускать из виду, что предстоит более серьезная и опасная задача, именно столкновение с коммунизмом".

Во время войны Пий XII развивал, как уже было сказано, кипучую дипломатическую деятельность. Он поддерживал постоянную связь с Рузвельтом через личного представителя президента при Ватикане, известного мультимиллионера католика Майрона Тэйлора. Пий XII охотно согласился на такие неофициальные дипломатические отношения с США:

это способствовало укреплению его авторитета в правящих кругах одной из могущественных держав капиталистического мира. Ватикан и Вашингтон неоднократно пытались узаконить свои отношения, превратив их из неофициальных в официальные. После войны президент Трумэн внес в сенат предложение установить дипломатические отношения с Ватиканом и назначить послом при Ватикане небезызвестного генерала Кларка, имевшего прямое отношение к американским разведслужбам. Однако сенат, учитывая сильные антипапистские настроения среди американских протестантов, отклонил это предложение. В 1970 г. президент Никсон назначил Генри Кэбота Лоджа для периодических консультаций с папой римским по вопросам, представляющим взаимный интерес. Хотя до сих пор официальных дипломатических отношений между США и Ватиканом нет, неофициальные контакты продолжаются. Для этого используются самые разнообразные каналы.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз и образования антифашистской коалиции президент Рузвельт через Тэйлора пытался убедить Пия XII в целесообразности союза США с СССР. Однако в опубликованной Тэйлором после войны переписке между Пием XII и Рузвельтом нет и намека на то, что папа отнесся с одобрением к образованию антифашистской коалиции. Более того, когда Рузвельт обратился к Пию XII с Просьбой умерить антисоветский пыл американских католических церковников, подрывавших антифашистскую коалицию, Пий XII ответил красноречивым молчанием.

Пий XII был одержим идеей антикоммунизма. Этим, и только этим, объясняются и его профашистское, по существу, "молчание" во время войны, и все его внешнеполитические акции.

В первые годы войны, когда немецкие полчища топтали советскую землю, уничтожали советских людей, занимались грабежом, трубя о скорой победе, Пий XII неоднократно в публичных выступлениях поносил революцию, социализм, коммунизм, "атеистический материализм".

Пий XII не одобрил открыто похода Гитлера против Советского Союза не потому, что не желал поражения СССР, а из осторожности. Он намеревался выждать, посмотреть, как будут развертываться военные события. Когда надежды нацистов на блицкриг на Востоке не оправдались и в войну вступили США, Пий XII стал укреплять отношения с американскими правящими кругами все с той же целью - способствовать ослаблению позиций Советского Союза. Чтобы завоевать доверие американцев, Пачелли даже пошел на передачу им конфиденциальной информации о Японии, усиление которой не соответствовало интересам церкви, ибо могло бы положить конец проникновению католицизма в Восточную и Юго-Восточную Азию. Вот что сообщает об этом итальянский журналист Карло Роселла: "Еще в конце 1942 года окружение Пия XII решило более определенно намекнуть о своем желании пойти на сближение с Соединенными Штатами. С точки зрения папы, итальянский фашизм не оправдал надежд, возлагавшихся на него верхушкой католической церкви. Стремясь завоевать доверие Вашингтона, Ватикан предложил правительству США секретную информацию огромной важности-военные стратегические планы Японии, полученные от апостольского

нунция в Токио. Это давало возможность американской авиации наносить бомбовые удары по вражеским целям с абсолютной точностью".

В плену у антикоммунизма.

В каком же направлении развивалась политика Ватикана в мировых делах после победы антигитлеровской коалиции? Пий XII делал все возможное, чтобы столкнуть западных партнеров по коалиции с Советским Союзом, что соответствовало стремлениям наиболее реакционных сил капиталистического мира. Что касается внутренней жизни капиталистических стран, освободившихся от гитлеровской оккупации, то Пий XII прилагал огромные усилия, чтобы разрушить антифашистское единство, сложившееся в годы войны, исключить из него коммунистов, игравших в борьбе против гитлеризма ведущую роль. В странах народной демократии Пий XII толкал католиков на борьбу против социальных преобразований. Эту линию папа проводил через местную церковную иерархию, которая с открытым забралом призывала верующих бороться с коммунистами и их союзниками.

В эти годы во многих европейских странах в результате банкротства буржуазных партий, скомпрометировавших себя сотрудничеством с нацизмом, возникли демохристианские группировки, которые возглавлялись католическими лидерами, принимавшими участие в антифашистской борьбе. Демохристиане выступали за умеренные буржуазно-демократические преобразования. Они провозглашали себя последователями католической социальной доктрины, что обеспечивало им поддержку церковной иерархии, а также крупного капитала, который видел в них меньшее зло по сравнению с левыми силами. За демохристиан стали голосовать крестьяне, в ряде стран традиционно находящиеся под влиянием католической церкви, средние слои, страшившиеся резких социальных перемен, и некоторая часть верующих рабочих.

Появление на послевоенной политической арене влиятельных демохристианских группировок, черпавших идеологическое вдохновение в католических доктринах, верховным блюстителем и толкователем которых выступал Ватикан, придало Пию XII политический вес и влияние в международных делах, о которых он до войны и не мечтал. Ватикан стал оказывать заметное влияние на ход политических событий. С ним были вынуждены считаться не только правящие круги Западной Европы, но и Соединенных Штатов, заинтересованные в укреплении своего влияния в Европе.

Когда же эти круги встали на путь "холодной войны" по отношению к Советскому Союзу и странам народной демократии, Ватикан всячески добивался исключения коммунистов из правительств Национального единства, а затем консолидации правых сил, оказывая последним через церковную иерархию самую энергичную политическую и финансовую поддержку. С окончанием войны Пий XII "стал ратовать за создание мощных антикоммунистических блоков", пишет американский журналист Камилл Чианфарра, который был аккредитован при Ватикане в военные годы.

Теперь Пий XII не стеснялся открыто призывать к новому "крестовому походу" против коммунизма. Выступая 7 сентября 1947 г. на площади св. Петра в Риме перед активистами "Католического действия", он заявил: "Драгоценна каждая минута. Пора раздумий и проектов прошла. Настало время действовать. Вы готовы? Два враждебных лагеря в религиозной и моральной области вырисовываются все с большей ясностью. Пробил час испытаний". В том же году в рождественском послании Пий XII четко сформулировал свою позицию в международных делах, заявив, что он против деления мира на фашистов и антифашистов. Такому делению он противопоставил свою формулу: "За или против Христа" ("за" - все капиталистические страны, "против" - разумеется, СССР и все, кто его поддерживает). Эта формула соответствовала лозунгу, выдвинутому итальянскими демохристианами на выборах 1948 г.,-"Рим или Москва". В своем послании Пий XII объявил "дезертиром и предателем любого, кто окажет материальную поддержку, предоставит свои услуги и способности, помощь и голос партиям или властям, не признающим бога". Всем было очевидно, кого имел в виду Пий XII под этими последними: коммунистов, Советский Союз, страны народной демократии.

В годы "холодной войны" Ватикан стал своим домом для разведывательных служб США. Чиновники статс-секретариата по указанию Пия XII буквально напичкивали американских

Джеймс Бондов самой разнузданной антикоммунистической и антисоветской липой. Вот несколько примеров такой провокационной дезинформации.

Уже цитированный нами итальянский журналист Карло Роселла пишет, что начиная с весны 1947 г. правые политические круги США и Италии вместе с Ватиканом нагнетали напряженность, заявляя, будто коммунисты совместно с социалистами "готовят насильственный переворот". "Управление вице-директора стратегических служб,- сообщало в те дни посольство США из Рима в Вашингтон,-передало сегодня в департамент обороны донесение, в котором, по существу, подтверждается вероятность вторжения в Италию через Югославию. Установленное время вторжения-февраль-весна 1948 года. Информация получена от итальянских секретных служб и Ватикана". Хотя сами американцы ставили под сомнение достоверность этого сообщения, Ватикан и итальянская разведка утверждали, что сведения о мифическом вторжении надежны.

Посол США в Риме Джеймс Данн доносил 30 марта 1947 г. в Вашингтон: "По сведениям Ватикана, завтра во время митинга у монастыря Массенцио коммунистические провокаторы, переодетые в мундиры карабинеров, будут стрелять в полковника Валерио. Полковник Валерио - коммунист, герой итальянского движения Сопротивления. Левая печать попытается возложить вину за убийство на неофашистов и карабинеров. Хотя эта информация выглядит по меньшей мере фантастичной, мы все же передали ее английским разведслужбам. Компетентные итальянские власти также предупреждены". Разумеется, это сообщение оказалось чистейшей воды вымыслом. 1 апреля 1947 г. Данн телеграфировал в Вашингтон: "Во время митинга никаких беспорядков не произошло".

Организуя широкую антикоммунистическую кампанию, Ватикан одновременно тайно финансировал правые политические партии, выступавшие против единства антифашистских сил.

Составной частью стратегии Ватикана в борьбе за голоса избирателей на парламентских выборах 18 апреля 1948 г. стало запугивание прогрессивно настроенных деятелей католической церкви. Пий XII не доверял служителям церкви, участвовавшим в партизанском движении. Он считал их "друзьями коммунистов". Но некоторые священники открыто заявили о своей поддержке антифашистского Национального фронта и, игнорируя прямое указание Ватикана, отказались "предавать анафеме марксистов".

Американское посольство встревожилось и направило своего представителя Парсона за разъяснениями в Ватикан. Как свидетельствует телеграмма Парсона государственному секретарю США, в Ватикане ему обещали сурово наказать священников, сотрудничающих с коммунистами, "поскольку поддержка партии атеистов - это политический акт, противоречащий учению церкви".

Создание так называемых "гражданских комитетов"-одна из наиболее широких антикоммунистических акций, проведенных ЦРУ совместно с Ватиканом в период подготовки избирательной кампании 1948 г. в Италии.

Организатором "гражданских комитетов" был президент "Католического действия" Италии Луиджи Джедда. Эти комитеты стали ударной силой реакционеров. О деятельности Джедды и его организации сообщалось в докладе, составленном ЦРУ по просьбе американского посольства в конце апреля 1948 г.:

"Эта динамическая организация создана немногим более двух месяцев назад. Она объединяет 300 региональных секций и свыше 18 тысяч местных отделений по всей стране. Спектр деятельности-от распространения листовок до организации пропагандистских мероприятий в национальном масштабе. Несомненно, "гражданские комитеты" сыграли решающую роль на недавних парламентских выборах, в значительной мере обеспечив победу ХДП. Принято решение о продолжении их деятельности и после выборов в качестве постоянного оружия антикоммунистической пропаганды. Есть основания полагать, что в скором времени подобные "комитеты" будут созданы и в других странах, в частности в Голландии, Франции, Австрии и Бельгии. Информация о структуре, деятельности, задачах и финансовых возможностях этой организации получена непосредственно от национального президента "гражданских комитетов" Луиджи Джедды и духовного руководителя организации кардинала Фьоренцо Анджелини".

"Появление "гражданских комитетов",-отмечалось далее в докладе,-было обусловлено страхом Ватикана перед угрозой победы левых сил. С помощью этой организации папа Пий XII намеревался решить две задачи: обеспечить максимальное участие избирателей в голосовании (в Ватикане считали, что, чем больше людей проголосует, тем меньше голосов будет отдано левым партиям) и склонить определенные круги итальянского общества (клерикалов, монархистов, крупных предпринимателей) к созданию единого фронта против врага номер один-коммунизма. Папа лично рекомендовал Джедду на пост лидера "гражданских комитетов"". Необходимо отметить, что эти "комитеты" всячески старались подчеркнуть свою независимость от Ватикана, хотя втайне постоянно консультировались с высшим духовенством. Вот некоторые примеры их деятельности. "Гражданские комитеты" по договоренности с правительством организовали шумную рекламу плану Маршалла. За два месяца избирательной кампании они оплатили выступления свыше 2800 ораторов и услуги специалистов по проведению митингов. В день выборов члены "комитетов" сумели доставить к избирательным урнам даже стариков, больных, жителей самых отдаленных районов. Широко разветвленная сеть добровольных осведомителей заранее сообщала в "гражданские комитеты" содержание листовок Народного фронта, что давало "комитетам" возможность публиковать ответные памфлеты буквально одновременно с выступлениями их политических противников. "Гражданские комитеты" гордо заявляли, что они добились всех этих результатов, не потратив ни лиры, что помощь Ватикана ограничивалась лишь предоставлением помещений и мебели. Однако, как свидетельствует посол Ирландии в Риме Уолш, Ватикан предоставил им значительные суммы наличными. Кроме того, миллионы лир были получены от промышленников и знати".

А вот о чем говорилось в письме, подписанном агентом ЦРУ в Риме Эдвардом Пейджем. Оно было адресовано в госдепартамент начальнику отдела политического планирования Джорджу Ф. Кеннану:

"Дорогой мой Джордж, направляю два меморандума, врученные мне Луиджи Джеддой. Речь идет о новых задачах "гражданских комитетов". Как ты знаешь, Джедда, по нашему мнению, более чем кто-либо другой способствовал победе ХДП на апрельских выборах. Джедда очень энергичен, практичен и дальновиден, пользуется полной поддержкой Ватикана. Мы считаем его одним из самых влиятельных персонажей на итальянской политической сцене. Он может оказаться чрезвычайно полезным в борьбе против коммунизма. Джедда - руководитель католической организации, недавно вышедшей на международную арену. Сейчас он занят укреплением своих позиций в профсоюзах. Его первоочередная задача-убеждать 10 миллионов итальянских рабочих вступить в новый антикоммунистический профсоюз. Необходимо добавить, что Джедда всячески старается подчеркнуть независимость своей организации от политических партий.

Джедда считает, что 18 тысяч "гражданских комитетов" сумеют внушить итальянцам мысль о необходимости присоединения Италии к НАТО. Вам известно, что широкие слои населения, в том числе многие демохристиане, выступают против вхождения Италии в Североатлантический союз. Они требуют независимой внешней политики, что усложняет положение де Гаспери, ратующего за вступление в НАТО. Мы думаем, что здесь Джедда может оказать нам неоценимую услугу.

Считаете ли вы возможным оказать Джедде финансовую помощь? Я хотел бы дать ему 350 миллионов лир (около 500 тысяч долларов.-И. Г.). Понимаю, что это чересчур много, но сейчас Джедда и его "гражданские комитеты"-самая влиятельная антикоммунистическая сила в Италии. Если мы не добьемся денег у госдепартамента, то, может быть, удастся получить их от ЦРУ.

Папа Пий XII одобрил планы Джедды. Мы рассматриваем действия Джедды как часть широкой стратегии, направленной на защиту Западной Европы. Именно в Италии влияние католической церкви и экономическое могущество США станут неодолимым барьером на пути дальнейшего продвижения коммунизма".

Вашингтон дал согласие на проведение операции "Джедда". Это подтверждает телеграмма американского посольства от 5 декабря 1949 г.: "Джедда прибывает в Вашингтон 7 декабря. Настаивает на немедленной встрече".

В канун 1950 г., объявленного Пием XII "святым" годом, госдепартамент США передал Ватикану 500 тыс. долларов. Формально деньги предназначались для оплаты проезда и проживания 50 тыс. паломников, направлявшихся в Рим из различных государств.

Контроль за проведением этой операции осуществляла организация под названием "Феликс Рома". Ее президентом был... Луиджи Джедда. Зарегистрированный капитал данной организации - 10 млн. лир.

Эти факты и документы, преданные гласности журналистом Карло Роселла, не были опровергнуты ни Ватиканом, ни официальными кругами США.

Передача Ватикану госдепартаментом США в конце 1949 г. 500 тыс. долларов на антикоммунистическую пропаганду находится в прямой связи с декретом конгрегации священной канцелярии (инквизиции) от 13 июля 1949 г. (эта конгрегация возглавлялась тогда самим папой). Декрет отлучал от церкви верующих за принятие коммунистического учения и его пропаганду, за членство в компартии, ее поддержку и сотрудничество с ней, за чтение и распространение ее прессы. Своим содержанием декрет напоминал антикоммунистические законы Гитлера, Муссолини, Франко, Салазара и других фашистских диктаторов и служил как бы объявлением церковью войны коммунизму и коммунистам.

Правительство США с большим удовлетворением восприняло антикоммунистический декрет Пия XII.

Почему Пий XII с таким энтузиазмом включился в "холодную войну", провозгласив новый "крестовый поход" против коммунизма? К этому его толкал страх перед успехами коммунистической партии в Италии, Франции и других странах, освободившихся от фашистской тирании. Пий XII мучительно переживал тот факт, что в годы войны в рядах Сопротивления установились дружественные связи между коммунистами и католиками, которые продолжали свое сотрудничество в правительствах национального единства после разгрома фашизма. В сближении католиков и коммунистов, в их стремлении вместе бороться за мир и социальный прогресс, за преобразование общества на более справедливых социальных основах Пий XII видел угрозу влиянию католической церкви. "Католические интеллигенты,-пишет его официальный биограф Н. Паделларо,-сблизившиеся с коммунистами, все еще верили в Христа, но не хотели уже сидеть сложа руки в ожидании его явления". А такой активности католиков Пачелли больше всего боялся. Кроме того, он был непоколебимо убежден, что "холодная война" неминуемо завершится "горячей", в которой США окажутся победителями. В той и другой войне он не намеревался сохранять "нейтралитет".

До самой смерти Пий XII придерживался откровенно враждебного и нетерпимого курса по отношению к коммунизму. Он отлучал священников, принимавших участие во всемирном движении за мир, требовавших запрещения атомного оружия. Среди отлученных был священник Андреа Гаджеро, участник Сопротивления, бывший узник концлагеря Маутхаузен, осужденный нацистами на 18 лет каторги за антифашистскую деятельность. Папа наложил суровые дисциплинарные санкции на возникшее во Франции движение священников-рабочих, выступавших против капиталистической эксплуатации и положительно отзывавшихся о борьбе коммунистов за права трудящихся. Пий XII приветствовал создание Атлантического пакта, военное присутствие США в Западной Европе. Папа делал все возможное, чтобы толкнуть церковников в социалистических странах на сопротивление политике социальных преобразований. Ему нужны были священники и верующие - мученики, "жертвы коммунистического террора", чтобы мобилизовать против социалистических стран общественное мнение Запада. Одержимый идеей во что бы то ни стало обратить советских людей в католичество, Пий XII опубликовал в 1952 г. апостолическое послание к народам России, в котором призывал их отречься от коммунизма и обратиться в католическую веру. Послание это, как и многие другие его выступления, прозвучало "гласом вопиющего в пустыне", с той только разницей, что глас этот принадлежал далеко не праведнику, а прожженному политикану, выступавшему в духе религиозного фанатизма.

Пий XII пустил в ход пропагандистский термин "церковь молчания", применяемый и поныне антикоммунистами по отношению к церкви в социалистических странах. Побуждаемые им церковные иерархи во главе с кардиналом Мяндсенти принимали активное участие в контрреволюционном мятеже в Венгрии в 1956 г.

В своих многочисленных выступлениях и энцикликах Пачелли призывал трудящихся капиталистических стран терпеливо сносить свою тяжкую долю.

Бедные и богатые всегда были, есть и будут, это соответствует человеческой природе, сотворенной богом, поучал Пий XII рабочих. Стараясь отвлечь их от классовой борьбы, он провозгласил 1 мая церковным праздником, а патроном трудящихся назначил святого Иосифа-плотника. Папа выступал с поддержкой разного рода христианских рабочих организаций, действующих под контролем церкви и выступающих с антикоммунистических позиций.

Перед крахом колониальной системы

Последний период понтификата Пия XII совпал с развалом колониальных империй, образованием новых независимых государств в Азии и Африке, с подъемом национально-освободительного движения в Латинской Америке. Как же он реагировал на эти явления и события?

В 1951 г. Пий XII посвятил специальную энциклику "Evangelii Praecones" ("Евангельское провозглашение") необходимости "отуземить" католическую церковь в Азии и Африке, то есть создать кадры духовенства местного происхождения. В ней он говорил: "Человеческая природа представляет собой, несмотря на пятно, наследие печального падения Адама, естественную основу христианства... Поэтому церковь никогда не относилась с презрением и пренебрежением к языческим верованиям, вернее, она их освобождала от ошибок и от всяческой скверны, а затем освящала и возвышала христианской мудростью. В равной степени языческое искусство и культуру, которые в некоторых случаях поднялись на очень высокую ступень, церковь воспринимала доброжелательно, развивала их с большим прилежанием и доводила до такой степени расцвета, которой они в прошлом никогда не достигали. Церковь никогда не осуждала также местные народные обычаи и традиционные учреждения. Напротив, она освящала их. Изменяя их форму и дух, церковь использовала языческие праздники, чтобы почтить христианских мучеников и прославлять священные таинства".

Здесь что ни слово, то противоречие с общеизвестными фактами. Но ведь нужно же было как-то спасать позиции католической церкви в бывших колониальных странах. Для этого, с точки зрения Пия XII, все средства были хороши, включая и прямую фальсификацию истории. Папа пополнил кардинальскую коллегию тремя представителями этих стран-китайцем Ченом, обосновавшимся на Тайване, Валерианом Грасиас, индийцем, и португальцем Теодозио Клементе де Гувейа, архиепископом Мозамбика. В 1955 г. Пий XII учредил Латиноамериканский епископальный совет (СЕЛАМ), координирующий и направляющий орган, действующий под строгим контролем Ватикана. Выступая в 1956 г. на II Всемирном конгрессе мирян-католиков в Риме, Пий XII призывал верующих и церковников Латинской Америки бороться с четырьмя "смертельными опасностями", которые якобы им угрожают: марксизмом, протестантизмом, спиритизмом и секуляризмом (светским влиянием на общественную жизнь). Папа советовал латиноамериканским католикам усилить раскольническую деятельность в профсоюзах, создавать свою "рабочую элиту" для того, чтобы "вырвать рабочие организации из-под влияния марксизма".

Во многих новых государствах Африки миссионерская церковная иерархия была преобразована в национальную, в результате чего ряд африканцев впервые были возведены в епископское достоинство.

В апреле 1957 г., незадолго до своей смерти, Пий XII опубликовал энциклику "Fidei Donum" ("Дар веры"), в которой изложил свою точку зрения на национально-освободительные процессы в Африке. "Мы обращаем ваше внимание на Африку,-заявлял Пий XII в этой энциклике,- в момент, когда она вступает на стезю современной цивилизации и переживает возможно наиболее трагические дни своего существования". Для Пия XII период, когда Африка сбрасывала цепи колониального рабства, был наиболее "трагическим" в ее истории. По-видимому, с его точки зрения, наиболее счастливым периодом истории Африки следовало считать тот, когда колониалисты безнаказанно эксплуатировали африканские народы.

В современных условиях миссионерам в Африке приходится действовать в очень "трудных" ситуациях, жаловался Пий XII. Трудности, по его словам, заключаются в том, что не всегда руководство освободительным движением оказывается в руках благоразумных людей.

Как в этой, так и в других энцикликах Пия XII нет ни слова осуждения в адрес империалистов. Весь пафос, вся обличительная страсть римского первосвященника направлены против наиболее стойких борцов с империализмом коммунистов.

"Мы знаем, к несчастью,- писал Пий XII,- что атеистический материализм распространил во многих местностях Африки раздор и смуту, натравливал одни народы и расы на другие и использовал существующие трудности для того, чтобы совратить людей радужными миражами и посеять в их сердцах семена восстания". "Мы повторяем африканским народам,- вещал Пий XII,-наши серьезные и торжественные предупреждения, которые мы по поводу этого ("атеистического материализма".- И. Г.) высказывали в многочисленных наших посланиях и обращениях к католикам всего мира; мы приветствуем их пастырей, которые уже неоднократно решительно предупреждали свою паству об опасности со стороны этих фальшивых проповедников".

27 сентября 1967 г. в одном из своих публичных выступлений Пий XII, осудив национально-освободительную борьбу народов Африки, еще раз повторил, что этим народам угрожает не империализм, а "атеистический материализм". Он заявил: "Социальная, экономическая и политическая эволюция, ускоренным шагом бурно вторгающаяся в жизнь многих народов Африки, неизбежно подвергает их нездоровым влияниям, которые могут иметь серьезные последствия для будущего".

Таким образом, папа римский, вопреки исторической истине, провозглашал врагом "номер один" африканских народов не колониализм, а "атеистический материализм". Характерно, что Пий XII употребляет именно этот термин в надежде, что он произведет большее впечатление на верующих африканцев, чем слова "социализм" и "коммунизм".

"Атлантический папа".

За антикоммунизм и поддержку курса "холодной войны", проводимого в то время правящими кругами США, Пия XII называли "атлантическим папой". Это вовсе не означало, что он был марионеткой Вашингтона. Его отношение к США было сложным. С одной стороны, он приветствовал антикоммунистическую ориентацию правящих кругов США, с другой- боялся влияния американского протестантизма, располагавшего огромными финансовыми ресурсами и угрожавшего позициям Ватикана не только в таких традиционных католических зонах, как Латинская Америка, но и в ряде стран Западной Европы. Хотя Пий XII был не прочь заручиться финансовой поддержкой американской католической иерархии, он считал церковников США потенциальными модернистами, готовыми поступиться интегристскими принципами, пойти на уступки протестантам. При Пии XII число американских прелатов в курии увеличилось, однако папа не подпускал их к ключевым постам церковного аппарата, находившимся под контролем итальянцев. Только незадолго до смерти под большим давлением американского кардинала Спеллмана он назначил главой конгрегации пропаганды веры, ведающей работой миссионеров, престарелого кардинала Стрича, архиепископа Чикаго, который вскоре после вступления в должность умер.

Как и его предшественник, Пий XII управлял церковью как самодержец. Он не терпел со стороны подчиненных ни малейшего проявления собственного мнения. Тадеуш Бреза, работавший в послевоенные годы в посольстве Польской Народной Республики в Риме и наблюдавший ватиканские дела вблизи, пишет, что даже к советам Пий XII относился как к колкостям, бестактности, почти оскорблению. Лицо у него мрачнело, становилось непроницаемым. От него веяло холодом. Папа никогда не кричал, но видно было, что каждое слово его раздражает. Т. Бреза. Бронзовые врата. Да, работать с таким шефом было не сладко.

Внешнюю политику Ватикана Пий XII держал под своим личным и неослабным контролем. После смерти в 1944 г. статс-секретаря кардинала Мальони он оставил этот пост вакантным, фактически сам занимая эту должность. Помощниками и ближайшими его сотрудниками были монсиньоры Доменико Тардини и Джованни Баттиста Монтини, занимавшие посты заместителей статс-секретаря:

первый-ординарных дел (внутрицерковных), а второй - экстраординарных (политических). Оба они никакой самостоятельностью в своих действиях не обладали, являясь лишь исполнителями воли папы.

Тардини слыл ультраконсерватором. Это был доверенный человек не только Пия XII, но и тогдашнего "ватиканского Пентагона" - пяти куриальных кардиналов-Джузеппе Пиццардо, Альфредо Оттавиани, Никола Канали, Клементе Микара и Джузеппе Пьяцца. Всем им было в 50-х годах далеко за 70 лет. Они возглавляли важнейшие департаменты курии, являясь решительными сторонниками "атлантического курса" Пия XII.

Иной фигурой был Монтини. Своей неуемной энергией, работоспособностью, знанием иностранных языков он походил на самого Пачелли. В политических делах фронтальным атакам он предпочитал лавирование, приспособление, компромисс. Соперничая с Тардини в борьбе за место престолонаследника, Монтини превратился в главу "прогрессивной" группировки в Ватикане, в которую входили прелаты, обойденные или обиженные "Пентагоном" и Пием XII. Стремясь преградить Монтини путь к папскому престолу, "Пентагон" убедил Пия XII избавиться от своего помощника. В 1954 г. Монтини был назначен архиепископом Милана, но, хотя этот пост почти автоматически вел к возведению в кардинальское звание, Монтини так и не дождался от Пия XII кардинальской шапки, впрочем, как и Тардини, которого Пачелли считал человеком надежным, но тупым и ограниченным. На место Монтини был назначен молодой прелат Делл'Аква.

Пий XII трудился на своем посту в поте лица. "До последней минуты,-пишет Т. Бреза,-он держал в руках кормило своего всевластия. Кормило, вожжи и все нити. Люди, работавшие с ним, изнемогали под бременем множества дел. Он один был неутомим. Когда к нему являлись монсиньоры Тардини или Делл'Аква, следом за ними везли тележки, нагруженные папками с делами. Пий XII хотел обо всем знать. Хотел все сам решать". Г. Бреза. Бронзовые врата.

Поборник науки?

Львиная доля времени Пия XII уходила на сочинение бесчисленных энциклик, аллокуций (выступлений перед кардиналами), речей и заявлений на самые разнообразные темы:

политические, научные, богословские, моральные и пр.

Папа работал по следующей методе. Например, ему предстояло принять астрономов, или акушеров, или нумизматов, или пчеловодов, или спортсменов-теннисистов. Пий XII приказывал своим секретарям раздобыть соответствующую литературу по нужной тематике, обкладывался книгами и, подобрав нужные ему факты (папа свободно читал на многих языках), сочинял очередной опус на одном из известных ему языков, перемежая факты цитатами из писаний "отцов церкви" и Библии. Свое "сочинение" папа сам печатал на портативной машинке или диктовал своей экономке и секретарше Паскуалине. Затем выучивал написанное наизусть и был готов к очередному выступлению. За время своего понтификата он написал и наговорил свыше 20 пухлых томов. Кардинал Спеллман не без основания называл его "папой-рекордсменом" по количеству выступлений и энциклик.

Отношение церкви к современной науке Пий XII изложил в энциклике "Humani generis" ("Род человеческий") (1950).

Энциклика начинается с традиционного для теологов утверждения, что "человеческий интеллект не может постичь бога и отношения между богом и человеком, ибо этому мешают его воображение и низменные страсти, порожденные первородным грехом".

"Некоторые ученые мужи,- писал далее Пий XII в той же энциклике,-не соблюдая осторожности и такта, признают и защищают как источник всех вещей эволюционную систему, хотя она не полностью (?) доказана и в области самого естествознания, и с дерзостью защищают монистическую и пантеистическую гипотезу Вселенной, якобы находящейся в непрерывном развитии". И чтобы припугнуть этих столь глубоко заблуждающихся "овечек", папа римский предупреждал их, что они льют воду на коммунистическую мельницу. Ведь "этими гипотезами пользуются представители коммунизма для защиты и пропаганды своего диалектического материализма и для того, чтобы лишить людей понятия о боге".

Расправившись таким образом оптом со сторонниками эволюционизма, монизма и пантеизма, Пий XII обрушивается на тех церковников, которые "пали так низко", что "серьезно предлагают не только усовершенствовать, но полностью изменить теологию, преподаваемую в церковных школах и одобренную церковной иерархией, утверждая, что это позволит с большим успехом распространять идею царства Христова во всем мире среди людей любой культуры и любой политической окраски".

Столь опасные для церкви реформаторы требуют, подчеркивал папа, заменить дословное понимание "священного писания" и комментариев к нему, выработанных церковью, пониманием символическим с целью сделать Библию приемлемой для всех и избежать трудностей, с которыми сталкиваются сторонники дословного толкования "писания".

Папа осудил этих смутьянов, ибо они, отвергая дословное понимание Библии, подрывают основу веры в бога. Ведь, идя по этому пути, можно объявить символическими все догматы церкви и прийти в конечном итоге к отрицанию необходимости самой церкви.

Чтобы воспринять Библию текстуально, поучал заблудших овечек Пий XII, одного разума недостаточно. Необходима "философия", традиционная католическая философия, наиболее авторитетным представителем которой он считал средневекового богослова Фому Аквинского. Как известно, Фома отрицал идею развития Вселенной, считая, что она подрывает основной догмат веры о сотворении мира богом и тем самым "делает менее очевидным бытие самого бога". Аквинат утверждал также, что после шести дней творения бог не создал абсолютно ничего нового. Одно из двух, предупреждал свою паству Пий XII, или следовать Фоме Аквинскому, для которого не только бог, но и черти "реальная сущность", или "скатиться" к диалектическому материализму, то есть стать на точку зрения коммунистов, и, таким образом, совсем погибнуть для церкви.

Многие требуют, чтобы церковь учитывала достижения науки. "Это похвально,- говорил папа римский,-но только в том случае, когда речь идет о фактах, действительно доказанных; когда же речь идет о гипотезах, даже в какой-то степени научно обоснованных, но которые... прямо или косвенно противоречат церковным доктринам, их нельзя принять никоим образом".

Итак, если наука права, а религия ошибается, то тем хуже для науки, ее следует отвергнуть. Такова была "логика" Пия XII, выдававшего себя за великого "поборника" науки.

Как уже было сказано, папа осуждал "слишком вольное" истолкование Библии, то есть критическое отношение к текстам, которые составляют ее содержание. Пий XII готов был согласиться, что первые 11 глав книги Бытие "не соответствуют историческому методу лучших греческих и латинских авторов и компетентных людей нашего времени", тем не менее эти главы, утверждал глава католической церкви, "принадлежат к истинному историческому жанру, о подлинном характере которого могут судить в основном "отцы церкви". Указанные главы написаны простым и метафорическим языком, приспособленным к умственным способностям малограмотного народа. Они выражают главные истины, имеющие основное значение для нашего спасения, включая и популярное изложение происхождения человеческого рода и избранного народа". Вот подлинно иезуитский язык.

Впрочем, проследим ход мысли Пия XII до конца. "Если,-поучал он,-переписчики Библии в древности и включили в нее народные сказания, что могло иметь место, то не следует никогда забывать, что они делали это с помощью божественного вдохновения, которое, руководя ими в выборе и оценке указанных документов (народных сказаний!-И. Г.), предохраняло их от каких-либо ошибок. Таким образом, народные сказания, включенные в священное писание, не могут быть приравнены к мифам и им подобным рассказам, являющимся больше продуктом необузданной фантазии, чем любви к правде и простоте, столь характерным для священных книг, в том числе для Ветхого завета".

Таким образом, Пий XII начал с признания того, что Библия состоит из народных сказаний, на чем сошлось ныне большинство объективных исследований "священного писания", а кончил утверждением, что эти сказания являются "божественным откровением" и поэтому не подлежат критике. А это уже традиционный аргумент церкви.

Выступая против критики "священного писания" с позиций современной науки, Пий XII был по-своему прав. Ведь если согласиться с тем, что отдельные факты, приводимые в Библии, являются не более чем вымыслом, это будет равносильно признанию того, что церковь в течение столетий отстаивала явные нелепости. Что же тогда станется с авторитетом церкви?

Энциклика "Гумани генерис", таким образом,-это не попытка примирить религию с наукой, а еще один выпад церкви против науки, очередной церковный манифест в защиту традиционных религиозных мировоззренческих концепций.

Пий XII часто выступал перед учеными, уверяя их, что научные открытия не опровергают, а подтверждают существование бога. В 1954 г. в Ватиканской академии наук он произнес речь на тему "о научных доказательствах существования бога". В этой речи, пользуясь современными научными терминами, папа пытался обосновать одно из традиционных церковных доказательств бытия бога - так называемое телеологическое доказательство.

Посмотрите на Вселенную, говорил папа римский, все в ней закономерно, она похожа на мудрый часовой механизм. Этим доказывается якобы, что ее сотворила сверхъестественная сила, бог.

Выступая 22 декабря 1957 г. с рождественским посланием к верующим, Пий XII выразил сожаление, что теперь многие не верят в библейские чудеса. К их числу принадлежат "поклонники великого развития современной науки", которая "простерла познания и власть человека в звездные чертоги". Эти люди, говорил папа, ослепленные обаянием собственных успехов, могут преклоняться перед "величием человека", забывая о "величии бога".

Но, продолжал он, новые открытия современной науки и техники вызывают после первого энтузиазма у многих беспокойство, ибо угрожают существованию самих же людей. "Человек,-заявлял Пий XII,-начинает бояться мира, над которым он якобы господствует". Итак, наука не ведет к добру, ее развитие поставило человечество перед катастрофой, а поэтому не наука, а лишь вера в бога может спасти людей, заключал Пий XII. Комментарии здесь, как говорится, излишни!

Фабрикант "святых".

При Пии XII особенно активно действовала конгрегация обрядов, основанная Сикстом V в 1588 г. для наведения порядка в сонме католических "святых" и "блаженных". За время существования церкви было провозглашено свыше 20 тыс. "святых" и 200 тыс. "блаженных". Учреждение конгрегации обрядов последовало в ответ на критику протестантов, обвинявших папство в причислении к лику святых всякого рода мифических персонажей или просто людей недостойных этого звания. В XVIII в. в ответ на новую волну критики, на этот раз со стороны просветителей и энциклопедистов, папа Бенедикт XIV (1740- 1758) установил следующие правила процесса возведения в ранг "святых" и "блаженных":

каждый кандидат в "блаженные" должен иметь на своем счету минимум два доказанных чуда, а кандидат в "святые" - четыре;

кроме этого кандидаты обязаны были обладать христианскими добродетелями в "героической степени". Конгрегация обрядов заводит на каждого кандидата соответствующее досье, собирает "доказательства" его чудотворной деятельности и оформляет дело.

Процедура производства "святых" называется канонизацией, а "блаженных" - беатификацией. Важную роль в процессах канонизации и беатификации играют юристы, представляющие своих клиентов - религиозные организации, выдвигающие кандидатов в "святые" и "блаженные". Таких юристов называют "адвокатами святых". В их задачу входит убедить префекта конгрегации обрядов в том, что кандидаты в "святые" действительно соответствуют установленным каноническим правом требованиям.

С XVI в. Ватикан остерегался возводить в сонм святых римских пап. Исключение было сделано только для Пия V. Пий XII не посчитался с этой традицией. Он возвел в святые Пия X, Иннокентия I провозгласил блаженным и начал процесс перевода из блаженных в святые Григория X и процесс беатификации Пия IX. Некоторые прелаты из его окружения утверждали, что он вынашивал идею заставить кардиналов провозгласить его самого святым, причем при жизни!

Тень сестры Паскуалины.

Внешне Пий XII вполне отвечал требованиям, предъявляемым к "святым". Он был сухопарым, крайне умерен в еде, не пил и не курил. Никто никогда его не видел улыбающимся, тем более смеющимся. Любимым его времяпрепровождением были прогулки по парку в загородной резиденции Кастель Гандольфо. За любовь к прогулкам, которые он обычно совершал в одиночестве, его прозвали "Джонни Уокером". Так называется известная марка виски. На этикетках, украшающих бутылки с этим напитком, изображен шагающий размашистым шагом человек. "Уокер"-по-английски ходок.

Каких-либо пороков или слабостей за Пием XII тоже не числилось, если не считать его симпатии к своей экономке-немецкой монахине Паскуалине Ленерт. Он познакомился с ней в начале 1917 г. в одном из швейцарских санаториев в Раршахе, где она работала медсестрой и где будущий папа проходил курс лечения после автомобильной катастрофы.

Паскуалина, которая была на 18 лет моложе Эудженио Пачелли, так пришлась ему по душе, что он с разрешения Бенедикта XV взял ее с собой в качестве домоправительницы в Мюнхен, куда был послан нунцием. Назначив Пачелли статс-секретарем, Пий XI разрешил ему поселить Паскуалину в своих апартаментах на первом этаже апостолического дворца. Она сопровождала Пачелли даже на конклав, став, таким образом, первой женщиной, присутствовавшей на этом форуме. С избранием Эудженио Пачелли папой она поселилась вместе с ним в его покоях на третьем этаже апостолического дворца.

Невысокая, хорошо сложенная, с правильными чертами лица и твердым, проницательным взглядом-такова была Паскуалина Ленерт, по описаниям видевших ее журналистов. Она, пишет Т. Бреза, "следила за кухней и гардеробом папы. Особенно заботилась о гардеробе. Прошло время осыпанных табачным пеплом сутан папы Сарто-Пия X и плохо сшитых одежд папы Ратти-Пия XI, не выносившего примерок. Да, да, теперь наступило время изящества и стычек на публичных аудиенциях с верующими, слишком неосмотрительными в излиянии чувств, после которых на белой сутане нередко оставались пятна от слюны, пота либо и того хуже-от губной помады, если уста, целующие папские одежды, были накрашены. Всего этого терпеть не могла сестра Паскуалина". Т. Бреза. Бронзовые врата.

Когда папа возвращался к себе после аудиенций, Паскуалина дезинфицировала спиртом его руки. Когда Пий XII заболевал, он только от нее принимал лекарства. Она будила его утром и сопровождала в опочивальню вечером. Паскуалина была не только идеальной экономкой, но и прекрасным секретарем. Пий XII диктовал ей (она хорошо печатала на машинке) самые важные и часто секретные документы. Влияние этой женщины на папу было огромно. Ее рекомендациям папа подчинялся беспрекословно. Ходили слухи, что многие прелаты делали в курии карьеру благодаря ее покровительству. Ее боялись и передней пресмыкались. Злые да язык чиновники курии называли ее "единственным мужчиной в Ватикане".

Наряду с Паскуалиной Ленерт неограниченным доверием Пия XII пользовался также его личный врач Рикардо Галеацци-Лизи-дядя инженера Галеацци, гражданского губернатора Ватикана. Оба эти деятеля, как выяснилось впоследствии, были тесно связаны с американским кардиналом Спеллманом.

В 30-е годы Галеацци-Лизи был всего лишь второразрядным окулистом, к услугам которого неоднократно прибегал страдавший близорукостью кардинал Пачелли. Во время конклава 1938 г., избравшего его папой, Пачелли, выходя из Сикстинской капеллы, поскользнулся и, падая, повредил себе руку. Для лечения руки он пригласил Галеацци-Лизи, которого вскоре назначил своим личным врачом. Прошло некоторое время, и Галеацци-Лизи стал своим человеком в папских покоях. Он пичкал папу различными "омолаживающими" гормональными препаратами, в эффективность которых Пий XII слепо верил. Папа назначил своего личного эскулапа членом Папской академии наук, возвел его в графское достоинство, осыпал орденами и прочими милостями. Ловкий лекарь между тем использовал свое положение любимца "наместника бога" для приумножения состояния. Он играл на бирже, занимался спекуляциями и в тайне вел дневник о болезнях своего высокопоставленного пациента, надеясь, когда пробьет час, сбыть его за кругленькую сумму.

Они умирают, как все.

Как ни заботились о Пии XII сестра Паскуалина, Галеацци-Лизи и другие, настал час, когда и в его организме появились серьезные трещины, предвестники неизбежного, неотвратимого финала. В декабре 1952 г. папа заболел довольно редкой болезнью кишечника, известной под названием "спазма привратника" (pylorospasmus). Его консультировали лучшие специалисты Италии и других стран, его смотрели десятки, даже сотни невропатологов, эндокринологов, хирургов. Но болезнь не отступала. Папа необычайно похудел, у него появились все признаки физического истощения.

На протяжении 1953 г. и почти всего 1954 г. состояние Пия XII вызывало опасения врачей. Все это время папу лечили крупнейшие светила медицинской науки Запада. Их усилия наконец увенчались успехом: папа почувствовал заметное облегчение, у него появился аппетит, он стал поправляться.

Некоторое время спустя итальянский журнал "Оджи" со слов чиновников статс-секретариата опубликовал сенсационное сообщение:

с 7 на 8 декабря под утро к папе явился Иисус Христос и дал ему силы побороть болезнь. Благодаря этому "чуду" папа выздоровел.

Потом услужливые журналисты стали уверять, что еще на конклаве Пачелли явился "дух" Пия X и сказал ему: "Мужайся, сын мой". Кардинал Федерико Тедескини публично заявил, что в 1950 г. папа целых четыре раза видел на небе деву Марию, причем во время этого явления солнце "вращалось". К слову сказать, Пий XII объявил богородицу "царицей небес" и настоял на принятии догмата о ее телесном вознесении. Приближенные папы в газетах и журналах описывали подробности этих "чудес", как бы подтверждая тем самым все эти сверхъестественные явления. А как же реагировал на это "просвещенный" понтифик? Он молчал, что, естественно, воспринималось верующими как подтверждение происшедших "чудес". Да, Пачелли умел молчать весьма "красноречиво". После смерти Пия XII о его "видениях" просто забыли.

В XX ,в. люди не склонны верить подобным побасенкам.

Совсем иного рода "чудеса" происходили в ближайшем окружении Пия XII. В 1957 г. оба Галеацци, личный врач папы и губернатор Ватикана, оказались замешаны в скандальном деле - убийстве девицы легкого поведения Монтези. В ее убийстве был обвинен некий самозваный маркиз Монтанья, которому сдавал внаем свой загородный дом доктор Галеацци-Лизи. На суде выяснилось, что в оргиях на этой даче участвовали вместе с Монтези, Монтаньей, его любовницей Марией Калио оба Галеацци, а также ватиканские прелаты Анджелини и Бернардини. Несмотря на то, что это дело получило широкую огласку и, несомненно, нанесло ущерб моральному престижу церкви, папа не нашел нужным прореагировать на него.

Между тем время брало свое. Папа все реже и реже уделял аудиенции кардиналам и другим сановникам церкви. Однако паломников он продолжал принимать. По этому поводу в кулуарах апостолического дворца шутили, что кардиналу было бы легче получить доступ к папе, переоденься он футболистом. В 1958 г. Пий XII, как всегда, проводил лето в Кастель Гандольфо. Он давал аудиенции, приветствовал с балкона дворца туристов и паломников, всегда толпившихся в большом дворе Кастель Гандольфо. В четверг, 2 октября, папа произнес получасовую речь по-латыни перед американскими семинаристами, посетившими его во главе с кардиналом Спеллманом. В субботу он обратился с приветствием к участникам конгресса по пластической хирургии. В воскресенье папа выступил с длинной речью, обращенной к Международному конгрессу нотариусов. Проговорив перед ними минут сорок по-французски, папа вдруг почувствовал недомогание, что заметили сопровождавшие его прелаты. Но Пий XII отказался лечь в постель, он совершил обычную прогулку, после чего работал в своем кабинете. Преодолеть его "святое упрямство" было невозможно. И все же, опасаясь осложнений, сестра Паскуалина вызвала из Рима в Кастель Гандольфо Галеацци-Лизи и знаменитого кардиолога профессора Гасбарини из Венеции.

В понедельник, в 5 часов утра, Пий XII проснулся от сильной головной боли, а затем потерял сознание. Врачи установили, что у папы "спазмы сосудов головного мозга на почве атеросклероза".

О резком ухудшении состояния здоровья папы были оповещены его родственники князья Пачелли, а также куриальные кардиналы и руководители статс-сеиретариата, которые поспешили прибыть к его изголовью. Телеграммами были вызваны в Рим декан кардинальской коллегии Эудженио Тиссеран, находившийся во Франции, и кардинал Спеллман, возвращавшийся пароходом в Нью-Йорк. Оба вскоре появились на вилле Кастель Гандольфо.

В четыре часа дня к папе вернулось сознание. Он стал узнавать присутствующих и разговаривать с ними. Порывался встать, хотел даже выйти на балкон, показаться собравшимся у дворца журналистам и зевакам. Врачи с трудом удержали его в постели.

Узнав о болезни папы, в Кастель Гандольфо стали прибывать дипломаты, министры и прочие высокопоставленные лица, расписывавшиеся в специальной книге. Армия журналистов, радио, теле- и фотокорреспондентов росла во дворе Кастель Гандольфо как на дрожжах. Все они осаждали папский дворец, требуя подробной информации о состоянии здоровья "наместника бога".

В среду, в 7.30 утра, у Пия XII произошел новый, еще более серьезный мозговой спазм. Тревога за жизнь Пия XII во дворце и за его пределами заметно возросла. Ватиканский радиокомментатор иезуит Франческо Пелегрино установил свой микрофон у дверей папской опочивальни и на протяжении всего дня говорил неустанно, передавая собравшейся во дворе журналистской братии разного рода прогнозы и детали о состоянии больного. Вдруг журналистов как ветром сдуло. А час спустя экстренные выпуски газет сообщили о смерти папы. Вскоре, однако, выяснилось, что это сообщение было результатом досадного недоразумения. Оказывается, желая опередить своих конкурентов, корреспондент газеты "Темпо" договорился (разумеется, за соответствующее вознаграждение) с одним из прелатов, имевшим доступ в папские покои, о том, что последний просигнализирует о смерти папы, открыв в условленном окне форточку. Форточка действительно открылась, но это сделал другой прелат, который просто хотел проветрить помещение. Таким образом, свершилось еще одно "чудо", связанное с именем Пия XII: для всего мира он умирал дважды.

Итак, когда появилось первое сообщение о смерти папы, жизнь еще не покинула его тело, хотя никто уже не надеялся на выздоровление. Об этом свидетельствовали баулы с траурными аксессуарами, срочно доставленные в Кастель Гандольфо из Ватикана, в том числе и три традиционных гроба, которые были привезены и выгружены на глазах вновь вернувшихся на свой пост журналистов.

В ночь с 8 на 9 октября неизбежное свершилось: Пий XII скончался в 82-летнем возрасте после 19-летнего пребывания на папском престоле. Тотчас были направлены оповещения об этом печальном событии всем кардиналам, которые немедленно выехали в Рим для участия в конклаве.

Когда врачи констатировали смерть папы, оказалось, что никто из кардиналов не имеет права произнести традиционную фразу: "Папа действительно умер". Пий XII умер, не назначив камерленго. Избрать последнего мог лишь конклав, а конклав мог быть созван только после того, как камерленго засвидетельствует смерть папы. Получался заколдованный круг. Чтобы как-то выйти из него, кардинал Тиссеран, декан конклава, в явное нарушение инструкции по захоронению пап, за что ему грозило отлучение от церкви, взял на себя обязанности камерленго и провозгласил Пия XII умершим. Таким образом, Ватикан вошел в фазу "вакантного престола". В этот период в Ватикане действует только комиссия куриальных кардиналов, в обязанности которой входит организация похорон папы, опечатание его бумаг и покоев, оглашение его завещания, обеспечение сохранности имущества Ватикана и, наконец, созыв конклава для избрания нового папы.

Куриальные кардиналы - пресловутый ватиканский "Пентагон"-не знали, где хранится завещание папы, но предполагали, что оно находится среди бумаг в его покоях в Кастель Гандольфо. А там хранились особо важные документы, приготовленные статс-секретариатом для просмотра и визирования папой. За их прочтение без санкции папы грозило отлучение от церкви.

Кардинал Тиссеран не устрашился и этого, он собрал все документы, прочитал и опечатал их. В особой шкатулке, на которой красовалась надпись: "Секретные документы св. канцелярии" (то есть инквизиции), Тиссеран обнаружил завещание, вернее, черновик завещания покойного папы, собственноручно написанный Пием XII на обороте большого конверта. Этот странный документ, весьма краткий, был составлен папой в мае 1956 г., то есть за два года до смерти. Трудно сказать, чего в нем больше - смирения, высокомерия или лицемерия. Судите сами:

"Смилуйся надо мной, господи, по бесконечному милосердию твоему.

Те слова, которые я, сознавая, что я недостоин и не заслуживаю, высказал в момент, когда выражал согласие на избрание меня верховным пастырем, я повторяю еще более убежденно теперь, когда сознание недостатков, ошибок и упущений, совершенных в течение

моего столь долгого понтификата в ответственную и трудную эпоху, позволяет мне видеть еще яснее, насколько я не соответствовал и не дорос до своей роли.

Обращаюсь со смирением ко всем, кого я, возможно, оскорбил, обидел или огорчил словом или делом, с просьбой о прощении. Прошу тех, в чьи обязанности это входит, не заниматься и не заботиться о воздвижении памятника в мою честь; достаточно, если мои бренные останки будут просто похоронены в освященной земле, тем более милой моему сердцу, чем скромнее она будет. Мне незачем просить о молениях за упокой моей души; я знаю, как многочисленны те, что, согласно обычаям апостольской столицы и благодаря набожности верующих, посвящаются каждому умершему папе. Мне незачем даже оставлять духовное завещание, как это делали многие достойные прелаты, ибо многочисленные документы и речи, опубликованные и произнесенные мною во время моего понтификата, могут достаточно подробно познакомить каждого желающего с моими мыслями по самым различным вопросам религии и морали.

Установив это, назначаю своим всеобщим наследником святую апостольскую столицу, которая была мне возлюбленной матерью". Г. Бреза. Бронзовые врата. Прошло пять дней, прежде чем останки папы перевезли из Кастель Гандольфо в Рим. Эта церемония состоялась 13 октября 1958 г. Сперва гроб с папой доставили в Латеранскую базилику, епископом которой он являлся. Там в присутствии необычайно большого числа теле- и кинооператоров был совершен первый обряд отпевания. Потом гроб перевезли в собор св. Петра и установили на специальном постаменте в капелле Святых таинств таким образом, чтобы стопы папы находились у самой решетки капеллы и приходящие проститься с ним могли бы их при желании целовать.

Тем временем действия Тиссерана вызвали недовольство кардинала Оттавиани, главы конгрегации священной канцелярии, претендовавшего, как и Тиссеран, на пост папы и считавшего, что декан кардинальской коллегии присвоил себе слишком большие полномочия. Так как распри между Тиссераном и Оттавиани угрожали расколоть конклав еще до его созыва, то присутствовавшие в Риме кардиналы решили собраться на "малый конклав" и избрали исполняющим обязанности камерленто главу конгрегации таинств Бенедикта Алоизи Мазеллу, а секретарем кардинальской коллегии - монсиньора Альберто ди Жорио, возглавлявшего финансовое управление Ватикана. Им были подчинены все ватиканские учреждения и ведомства до избрания преемника Пия XII. На долю "малого конклава" выпало также решить, как поступить с останками Пия XII, ибо из собора св. Петра поступило сообщение, что они быстро разлагаются. Кардиналы постановили накрыть гроб папы хрустальной крышкой, отменив тем самым традиционную церемонию целования стоп умершего. Все жаловались на Галеацци-Лизи, слывшего до этого чуть ли не чудотворцем и обещавшего законсервировать труп Пия XII при помощи изобретенного им "метода ароматизации". Галеацци-Лизи убедил в свое время Пия XII, что ему удалось якобы восстановить способ, которым был забальзамирован сам Христос. Пий XII дал согласие на применение к нему этого способа. Результат, как уже известно читателю, оказался плачевным.

Это не помешало Галеацци-Лизи крупно заработать на смерти своего высокопоставленного пациента. Используя свое положение личного врача, Галеацци-Лизи тайком от окружающих сделал ряд снимков с умирающего весьма интимного характера. Эти снимки и свои дневники Галеацци-Лизи продал за 6 млн. франков французскому журналу "Пари-матч", затем за не менее солидный гонорар издал с использованием тех же материалов книгу. Эти публикации вызвали возмущение в самых разных кругах итальянского общества. Записки Галеацци-Лизи изобиловали натуралистическими подробностями. Врач утверждал, например, что труп папы разложился с невероятной быстротой, причем в усыпальнице стоял такой запах, что дежуривших там папских гвардейцев часто рвало. Когда клерикальная печать обвинила Галеацци-Лизи в оскорблении памяти папы, бывший эскулап "наместника бога" заявил, что он, будучи врачом, считает себя материалистом (!) и поэтому описал ход болезни своего пациента без учета, так сказать, его сверхъестественных функций.

После этой скандальной истории буржуазная печать пыталась представить папского врача Галеацци-Лизи аферистом, втершимся в доверие к папе. Он был изгнан из Ватикана, исключен из итальянского Общества врачей. Но Галеацци-Лизи не был случайной фигурой в

окружении папы, а публиковавшие его воспоминания органы печати не являлись бульварными газетенками. "Агентства и газеты,- писала по этому поводу газета Коммунистической партии Италии "Унита",-которые платили Галеацци-Лтеи, являются не продающимися из-под полы порнографическими журнальчиками, а столпами "западной цивилизации". Сам же Галеацци-Лизи не является неведомо откуда появившимся среди ватиканских стен грибом; он близкий друг Джедды, президента "Католического действия", друг многих кардиналов; ведь они доверили ему жизнь папы римского. Галеацци-Лизи-один из многих персонажей, поднятых волною "политизации" церкви и прикрывающих портретом папы свои политические и финансовые аферы. В свое время говорилось по поводу Монтаньи: разве некоторые авантюристы могли бы общаться с министрами и кардиналами, если бы им не благоприятствовала окружающая их, пропитанная всевозможными пороками атмосфера, если бы им не способствовала целая система взаимной поруки? Когда Галеацци-Лизи был замешан в пошлом скандале, никто не отважился его тронуть. Сегодня этот врач, лишенный покровительства, получил по заслугам. Но остальным, пользующимся покровительством властей, что им угрожает?"

Так, в атмосфере скандала закончил свой жизненный путь Эудженио Пачелли, "атлантический папа", которому так и не удалось осуществить свою заветную мечту - сокрушить коммунизм.

ИОАНН XXIII, ИЛИ "КРАСНЫЙ ПАПА".

Анджело Джузеппе Ронкалли, родился 25 ноября 1881 г. в крестьянской семье в селении Сотто иль Монте, близ Бергамо. Ватиканский дипломат. Важнейшие посты в церкви: апостолический делегат в Болгарии, Греции, Турции, нунций во Франции, кардинал, патриарх Венеции. Был избран папой 28 октября 1958 г. Принял имя Иоанна XXIII. Прозвище "красный папа". В 1962 г. созвал Второй Ватиканский собор. Сторонник "обновления" церкви с целью ее приспособления к условиям современного общества. Пропагандировал идею диалога церкви с неверующими. Выступал за мир и мирное сосуществование. Стал объектом резких нападок со стороны ультраправых церковников. Умер 3 июня 1963 г.

Каким должен быть новый папа?

Пока хоронили Пия XII и шла подготовка к конклаву, в прессе подводили итоги 19-летнего понтификата папы Пачелли. Баланс был неутешительным. Подавляющее большинство комментаторов отмечало, что влияние католической церкви на массы повсеместно упало, что церковь безнадежно отстала от современного мира, не понимает его проблем, уклоняется от участия в решении задач, стоящих перед человечеством в XX в. Не менее единодушны были и суждения печати об антиком мунистическом курсе покойного папы: он не оправдал себя. Влияние коммунистов в Италии, Франции и других так называемых католических странах неуклонно росло, несмотря на папские анафемы и отлучения. Даже ярая антикоммунистка Клер Люс Бус-посол США в Риме в начале 50-х годов-вынуждена была признать еще при жизни Пия XII, что его "крестовый поход" против коммунизма обернулся для церкви поражением. Выступая 5 января 1954 г. в Вашингтоне, она говорила:

"В 1949 г. коммунисты были отлучены от церкви, тем самым церковь сама возложила на себя тяжесть, которая давит ее по сей день. Миллионы людей отошли тогда от церкви и не вернулись в ее лоно. Совершенно естественно, что итальянцы, отлученные от церкви из-за своих политических убеждений, стали еще более убежденными антиклерикалами". "Разоблачение антикоммунизма в Италии".

Американские журналисты прямо обвиняли покойного папу в том, что он своей недальновидной политикой завел католическую церковь в тупик. Один из них, Роберт Невин, писал: "Даже самые усердные поклонники Пия XII вынуждены были признать, что в последние годы его правления не все было благополучно. Несмотря на то что Пий XII принимал тысячи паломников, он все больше отгораживался от внешнего мира и зависел от той информации, которой снабжала его небольшая группа лиц...

Папа Пий XII в последние годы отменил регулярные аудиенции для епископов и уже больше не возобновлял их. При нем кардинальская коллегия почти не функционировала. Кто же вершил делами? Насколько можно судить, группа из четырех или пяти кардиналов во главе

с кардиналом Никола Канали, которой несколько лет тому назад удалось захватить в свои руки все наиболее важные посты в ватиканской администрации.

В этот период правительство Ватикана достигло невиданной степени централизации. Сложилась олигархия... Папа не заботился о замещении вакантных мест в Ватикане и не созывал консистории для назначения новых кардиналов. Число кардиналов сократилось с 70 до 54. Половина из них были так стары, что во время похорон Пия XII им с трудом удалось пройти пешком от одного конца собора св. Петра до другого".

В печати Италии и других стран весьма непринужденно обсуждались "папабили"-кандидаты на пост верховного руководителя церкви, их достоинства и недостатки, их шансы на избрание. Реакционные газеты, хотя и не скрывали своего недовольства плачевными результатами "пачеллианской" эры, высказывали надежду на то, что новый папа будет столь же непримиримым к коммунизму, как и его предшественник. Чтобы обеспечить именно такую преемственность, в Рим прибыл сам Джон Фостер Даллес, главный трубадур "холодной войны", один из сыновей которого перешел в католичество и являлся видным руководителем иезуитского ордена. Даллес превозносил политические заслуги Пия XII перед Западом и недвусмысленно намекал съезжавшимся на конклав кардиналам, что правительство США ждет от них избрания такого папы, который продолжал бы политику Пачелли.

Однако в некоторых клерикальных кругах раздавались более трезвые голоса, выступавшие за избрание "религиозного", а не "политического" папы. Под термином "религиозный" папа подразумевался такой глава католической церкви, который не будет выступать прямолинейно и откровенно в защиту "старого режима" и займется в первую очередь чисто церковными вопросами теологическими, моральными, духовными.

Итальянский социалист Лючио Либертини писал: "Пий XII стал быстро превращаться в человека, пережившего самого себя, пережившего свои идеи и свою политику. Его физическая смерть предотвратила его превращение в живой призрак и позволила римской церкви открыть новый путь, имея во главе другого политического руководителя".

Были и такие католические деятели, которые считали, что будущий папа должен будет, в отличие от Пия XII, придерживаться политики нейтралитета в вопросах, которые разделяют Запад и Восток, капиталистический лагерь и социалистический мир. Пусть, говорили представители этого течения, политикой занимаются клерикальные организации и католические партии, церковники же, по крайней мере официально и публично, должны уклоняться от высказываний по политическим вопросам.

25 октября 1958 г. в довольно накаленной атмосфере собрался в Ватикане конклав для избрания нового папы. В нем должны были участвовать 54 кардинала, но два из них скончались накануне конклава, таким образом, в выборе папы участвовали 52 пурпуроносца. Большинству из них было далеко за 70 лет. Нескольких кардиналов внесли на конклав на носилках. 92-летний чилийский кардинал Каро умер сразу же после конклава. Злые языки утверждали, что Каро скончался на самом конклаве. 79-летний кардинал Микара. 82-летний Фосатти. 86-летний делла Коста. 85-летние Тедескини и Фумасони Бионди походили больше на "живые трупы", чем на имеющих шансы "папабилей". По сравнению с ними 69-летний кардинал Спеллман и даже 76-летний Ронкалли выглядели юношами, полными сил и здоровья.

О том, какие настроения преобладали к моменту открытия конклава в курии, можно было судить по напутственной речи, которую произнес перед кардиналами во время торжественной мессы в соборе св. Петра секретарь конклава монсиньор Баччи.

"Новый папа,- наставлял Баччи кардиналов,-должен быть одновременно учителем, пастырем и отцом. Прежде всего он должен рассматривать епископов как своих помощников в руководстве церковью, должен давать им советы, выслушивать их и вселять в них бодрость.

Его сердце должно быть исполнено любви к тому классу, который не имеет ни пищи, ни жилищ. Он примет близко к сердцу, как это делал Иисус Христос, участь бедных, также тех, кто терпит лишения, а часом и нужду. Всеми доступными ему средствами он будет охранять права трудящихся, столь торжественно подтвержденные его предшественниками во многих энцикликах. Ибо бесконечно опасным было бы не применять на практике, причем во всей ее полноте, социальную доктрину церкви". Т. Бреза. Бронзовые врата.

Как следовало из этого выступления, даже в курии многие склонялись к тому, что новый папа должен будет придерживаться иного по сравнению с Пием XII курса.

Конклав заседал три дня. Как впоследствии стало известно, это был один из самых трудных конклавов. Состоялось 11 туров голосований. Итальянцы, составляющие в нем впервые за много столетий меньшинство- 17 кардиналов из 52, вынуждены были прислушиваться к голосу своих коллег из других стран. Сторонники и ближайшие сотрудники покойного Пия XII выдвинули кандидатом на папский престол кардинала Сири, архиепископа Генуи, связанного с промышленниками севера Италии. Но его плохо знали за пределами Италии, к тому же он был слишком молод для кандидата на папский престол. Что касается итальянских кардиналов более либерального толка, то здесь выбор был весьма ограничен. Таковыми считались кардинал Леркаро из Болоньи и куриальный кардинал Валери; Леркаро был вспыльчив и заносчив, коллеги не любили его. Валери же был слишком стар, к тому же во время войны он был нунцием в Виши, и это тоже не укрепляло его позиции на конклаве. Кардиналам не оставалось ничего другого, как избрать папу "компромиссного типа": не слишком молодого, но и не дряхлого, не слишком энергичного, но и не пассивного, не слишком реакционного, но и не очень прогрессивного, который навел бы элементарный порядок в курии, поднял авторитет Ватикана и церкви в целом в глазах мирового общественного мнения и почил в бозе, освободив место для более энергичного преемника.

Участники конклава решили, что таким требованиям более других отвечает 76-летний кардинал Анджело Джузеппе Ронкалли, который и получил в конце концов заветные две трети голосов и стал новым папой.

Упоминавшийся уже ранее Лючио Либертини так комментировал избрание Анджело Ронкалли: "Выбор кардиналов пал на очень старого человека, который был далек от политической борьбы внутри курии и находился во времена Пия XII на отшибе. Кардиналы, по-видимому, не считали возможным быстро осуществить коренные перемены в политике церкви, и поэтому их выбор пал на Ронкалли. Возраст последнего и его прошлое давали основание смотреть на него как на папу переходного периода, способного положить начало оттепели, оставаясь в то же время в стороне от великих проблем, которые ставит перед католицизмом наша эпоха".

Скажем сразу, кардиналы несколько ошиблись в своих прогнозах относительно нового папы.

Трудная карьера крестьянского сына.

Анджело Джузеппе Ронкалли родился 25 ноября 1881 г. в убогом горном селении Сотто иль Монте, близ Бергамо, на севере Италии, в многодетной семье крестьянина-издольщика, влачившей полуголодное существование. Его предки поселились на этих землях пять веков тому назад и в течение столетий гнули спину на графа Мориани, которому принадлежали обрабатываемые ими земли. В семье было 12 детей. Анджело был одним из старших. В 11-летнем возрасте он решил посвятить себя духовной карьере. Побудительной причиной, судя по всему, явилось бедственное положение его семьи.

Ронкалли с трудом пробивал себе дорогу в высшие сферы католической церкви. Окончив семинарию, он стал в 1904 г. священником, а затем секретарем епископа Бергамо-Радини-Тедески, который находился в оппозиции к Пию X и считался в курии опасным либералом, чуть ли не еретиком. Такая репутация патрона в церковных верхах не могла не сказаться отрицательно и на карьере его секретаря. Годы первой мировой войны Анджело Ронкалли провел на фронте. Он был сперва санитаром, а затем капелланом в военном госпитале.

В 1921 г. Бенедикт XV, старый друг Радини-Тедески, призывает Ронкалли в Рим и поручает ему создание папской миссионерской организации, с последующим назначением ее президентом. Пост не очень влиятельный, но достаточно почетный.

В 1925 г. Пий XI назначает Ронкалли апостолическим визитатором (дипломатическим представителем) в Софию. Это назначение приносит последнему звание титулярного епископа. Так начинается дипломатическая служба Ронкалли на Балканах, где он пробыл в общей сложности 19 лет. В годы второй мировой войны Ронкалли, уже будучи титулярным архиепископом, занимал пост апостолического делегата в Турции. Он не скрывал своих

симпатий к союзникам. Об этом знали в Ватикане. И хотя такая позиция апостолического делегата не вызывала восторга у Пия XII, он тем не менее не отозвал Ронкалли, считая, что последний еще может оказаться полезным для церкви.

В конце 1944 г. Ронкалли назначается нунцием в Париж, недавно освобожденный от гитлеровской оккупации.

Пост нунция в Париже считается одним из важнейших на дипломатической службе Ватикана. Как правило, нунций в Париже получает кардинальское звание.

Но пост папского нунция в Париже в тогдашних условиях кроме почестей и карьеры сулил немало хлопот и проблем. Пия XII во Франции считали клевретом Гитлера и Муссолини, и общественное мнение складывалось отнюдь не в пользу Ватикана. В задачу Ронкалли входило изменить враждебное отношение к Ватикану на более дружеское. В известной мере это ему удалось. Он установил весьма тесные отношения с де Голлем, с лидером социалистической партии Ги Молле. Благодушный, любящий острое словцо толстяк, похожий на сельского кюре, был желанным гостем в модных салонах Парижа, где вершилась "большая политика". Нунций Ронкалли проявлял определенное литературное дарование, он был автором 6 книг-исследований по церковной истории. В течение многих десятилетий он вел "Дневник души", в котором комментировал текущие события. Все это, вместе взятое, обеспечивало ему симпатию парижского "высшего света". Ронкалли был к тому же полиглотом. Он неплохо говорил по-французски, владел английским, знал болгарский, турецкий, греческий, латынь, древнееврейский.

Все же на пути парижского нунция были не только розы, но и тернии. Политическая атмосфера во Франции того времени была весьма напряженной, полной глубоких противоречий, что сказывалось и на умонастроениях французского духовенства. В конце 40-х годов во Франции возникло движение священников-рабочих, многие из них открыто осуждали антикоммунизм, призывали к борьбе с капиталистической эксплуатацией.

Ронкалли относился с симпатией к этому движению, но в Ватикане оно вызвало большую тревогу. Пий XII требовал призвать к порядку не в меру ретивых церковных радикалов. Ронкалли советовал действовать осторожно, убеждением, а не принуждением. Но папа был непреклонен: или подчинение священников-рабочих воле Ватикана, или отлучение. Священники-рабочие отказались стать на колени перед папой. Пий XII запретил их движение, а непокорных отлучил от церкви.

У Ронкалли не было другого выхода, как осуществлять директивы Ватикана. Дисциплинированный нунций удостаивается награды:

29 ноября 1953 г. Пий XII возводит его в кардинальское достоинство. По существующей традиции посвящение Ронкалли в кардиналы осуществил президент Франции социалист Венсан Ориоль. Факт сам по себе уникальный в истории церкви. В известном смысле социалист Ориоль открыл путь Ронкалли к папскому престолу. Кто бы во времена Пия IX мог подумать, что подобное станет когда-нибудь возможным?

Вскоре Пачелли назначил нового кардинала патриархом Венеции. За этой епархией прочно утвердилась слава ультраконсервативного гнезда. Возможно, что Пий XII направил Ронкалли в Венецию умышленно, рассчитывая на то, что его либерализм там поубавится. Но новый патриарх с самого начала показал, что не намерен подлаживаться под вкусы местных клерикалов-интегристов. В первой же своей проповеди в Венеции Ронкалли сказал: "Провидение вывело меня из родного селения и послало бродить по дорогам Запада и Востока, сталкивая с людьми самых различных верований и идеологий, знакомя с острыми и угрожающими социальными проблемами, одновременно позволяя мне сохранить спокойствие и объективность в изучении и оценке этих явлений. Твердо придерживаясь принципов католической веры и морали, я всегда был более озабочен тем, что объединяет, чем тем, что разделяет и порождает противоречия".

Эта позиция явно не совпадала с жестким курсом Пия XII. И она была высказана неспроста. Патриарх Венеции Ронкалли стал допускать в своей деятельности "вольнодумные" по тем временам жесты: он приветствовал съезд Итальянской социалистической партии, состоявшийся в Венеции, принял на аудиенции делегатов съезда левого Союза женщин, позволял себе другие поступки, явно отходившие от курса "холодной войны", проводимого

Пием XII. И все же Ронкалли нельзя было назвать ни либералом, ни тем более "мятежным" пастырем. В целом он был "законопослушным" церковнослужителем, выполняющим, хотя, возможно, и без энтузиазма, директивы Ватикана. Недаром он избрал своим девизом: "Повиновение и мир". Его "Дневник души" (точнее, опубликованные страницы дневника) служат как бы иллюстрацией этого девиза. Он всегда был готов повиноваться указаниям курии, подавлял в себе любое чувство протеста или возмущения, и если у него проявлялось недовольство, то только в пределах допустимого с точки зрения церковной дисциплины.

Следует ли удивляться, что на конклаве в конечном счете за него проголосовали как пачеллианцы, так и либералы?

Конклав и на этот раз не обошелся без курьезов. Идя в ногу со временем, для сигнализации о результатах голосований кардиналы сжигали не бумагу и солому, а белые и черные шарики из специальных химических составов. Но ведал этой важной церемонией подслеповатый кардинал Оттавиани, который все время их путал. В результате вместо черного дыма из трубы Сикстинской капеллы валил сизый, что сбивало с толку ожидавших вести об избрании нового папы.

Подлинной сенсацией конклава был выбор новым папой имени: он назвался Иоанном XXIII.

Новоизбранный понтифик обратился к имени весьма популярному среди пап в средние века, с той только оговоркой, что большинство средневековых Иоаннов прослыли неудачниками или злодеями. В XV в. папский престол занимал (правда, короткое время) Иоанн XXIII, в миру Балтазар Косса, неаполитанский пират и разбойник, низложенный в 1415 г. Констанцским собором. Несколько лет спустя он был отравлен. С тех пор никто из пап не принимал имени Иоанн.

Почему же Ронкалли избрал именно это имя? Официальная версия гласит, что это произошло якобы во исполнение обета, данного папой святому Иоанну, в церкви которого его крестили, а также в память своего отца и деда, которых звали Иоаннами. Имеется и другое объяснение. Присваивая себе имя Иоанн на XXIII, Ронкалли как бы заявлял всем, что он не верит в предрассудки и так же решительно, как вычеркивает из числа своих предшественников Балтазара Коссу, порывает с курсом пап-ретроградов последнего столетия.

Надежды и опасения

Как обычно, на коронацию папы съехались бывшие короли и вдовствующие императрицы, пребывающие в эмиграции принцы, герцоги и прочие титулованные особы. Газетная хроника отмечала присутствие на коронации Ронкалли отпрысков Габсбургов, Бурбонов, Бонапартов, Гогенцоллернов и пр. и пр. В числе почетных гостей находился и Джон Фостер Даллес.

Все гости и журналисты внимательно наблюдали за каждым жестом нового папы, ловили каждое его слово, пытаясь по ним определить будущий политический курс "священного" престола. Сенсаций было хоть отбавляй, но все они носили скорее бытовой, чем политический характер. Из уст в уста передавали реплику папы, брошенную в то время, когда его несли на тронном кресле, облаченного в пышные папские одежды, с массивной золотой тиарой на голове: "В этом одеянии я больше похож на восточного сатрапа, чем на пастыря". Отмечали указание, данное новым папой редактору ватиканского официоза "Оссерваторе Романо", не применять по отношению к его особе таких витиеватых выражений, как "глубокочтимые уста", "вдохновенные слова", "высочайшие поучения", "преподобнейшие шаги", а писать просто и скромно: папа сказал, сделал, пошел и так далее. Обсуждали отмену Иоанном XXIII традиционного коленопреклонения и целования "перстня рыбака", что до этого являлось обязательной церемонией на официальных приемах церковников и паломников.

Вообще новый папа по своим привычкам и по отношению к окружающим сильно отличался от своего предшественника. Он рано ложился и с зарей вставал. Курил. Любил обедать в компании: за столом у него всегда присутствовали его ближайшие сотрудники, нунции, кардиналы. Он ходил по Ватикану без свиты, посещая во время этих прогулок различные мастерские, где запросто беседовал с рабочими, а иногда и пригубливал с ними стаканчик вина. Новый понтифик часто покидал пределы Ватикана. Посещал всякого рода

богоугодные заведения, нанес даже визит в римскую тюрьму "Реджина Коэли", где рассказал арестантам следующую историю:

- Мой дядя, такой же крестьянин, как и мой отец, однажды подстрелил в угодьях помещика утку. Его арестовали карабинеры и бросили за решетку. Это очень напугало нас, его родственников. Так что в тюрьму иногда можно попасть ни за что ни про что.

Куриальным прелатам такие эскапады нового понтифика не очень нравились, они называли его "наивным", в смысле "простаком", но это его только забавляло.

Правда, Иоанн XXIII, как и его предшественник, продолжал принимать королей, принцев, глав государств и всяких знаменитостей, но делал это без всякой помпы, без назойливых нравоучений. Официальный церемониал был ему в тягость.

Доступность, непосредственность, простота в обращении-таков был стиль этого понтифика, стиль, который так не вязался с традициями апостолического дворца.

Обращало на себя внимание и то обстоятельство, что Иоанн XXIII, в отличие от большинства своих предшественников, не приблизил к себе, не возвел в дворянское звание и не озолотил ни одного из своих многочисленных родственников. Все они, простые крестьяне, продолжали и после его избрания папой заниматься нелегким земледельческим трудом. Если папа и оказывал им помощь, то в очень скромных размерах.

"Сотто иль Монте,-пишет его американский биограф Роберт Т. Элсон,-никогда не покидало его сердца... Он при первой же возможности посещал родные места, а со временем стал арендовать маленькую скромную виллу, которая служила домом его незамужним сестрам (ныне умершим) и местом его собственного отдыха. Когда он стал папой, он купил эту виллу и поручил заботу о ней монахиням из женского монастыря в Бергамо".

От избрания Ронкалли на папский престол его родное селение мало что выиграло. Крупнейший в Италии трест по производству цемента "Италчементи" соорудил в Сотто иль Монте детский центр, названный "Иоанн XXIII", да сам папа подарил местной церкви набор электрических колоколов-вот, пожалуй, и все.

Этот полный, всегда приветливо улыбающийся старец, напоминавший своим обликом умудренного жизненным опытом библейского патриарха, вызывал к себе симпатию и доверие, порождал в сердцах рядовых верующих надежду на то, что он будет действительно творить добро, защищать мир, помогать сирым и страждущим.

Но подкупающий облик нового главы церкви не вязался на первых порах с его делами. 25 марта 1959 г. конгрегация священной канцелярии (инквизиция) опубликовала декрет, который вновь категорически запрещал католикам контактировать с марксистами, голосовать за коммунистов или лиц, с ними сотрудничающих. Судя по всему, новый папа решил первое время ничего не менять в Ватикане и в курии. Правда, он стал быстро пополнять кардинальскую коллегию, назначив за первые два года своего понтификата 43 новых кардинала, в результате чего их число впервые превысило установленный в 1586 г. максимум в 70 человек. Кардинальские шапки получили два ближайших сотрудника Пия XII-Тардини и Монтини, но на пост статс-секретаря был назначен ультраконсерватор Тардини, а не либерал Монтини. Среди новоиспеченных "пурпуроносцев" можно было встретить церковников самых разных политических ориентаций и даже разного цвета кожи. Впервые кардинальскую шапку получили африканец Ругабмва, епископ из Танганьики, а также японец и филиппинец. Однако все эти назначения не давали еще повода для тревоги в лагере сторонников интегристского курса.

Первые тревожные для них симптомы в поведении нового папы появились в 1961 г., когда вместо умершего кардинала Тардини папа назначил на пост статс-секретаря своего друга кардинала Амлето Чиконьяни, бывшего апостолического делегата в Вашингтоне. Был уволен с поста руководителя итальянского "Католического действия" Луиджи Джедда, специализировавшийся на организации антикоммунистических "крестовых походов", отстранен от дел иезуит Риккардо Ломбарди, один из приближенных Пия XII, выступавший с антикоммунистическими проповедями по итальянскому радио и прозванный за это "диктором господа бога".

Он не осудил кубинскую революцию

Но не в этих передвижениях фигур на церковной доске (хотя они и весьма симптоматичны) проявилось подлинное отношение Иоанна XXIII к острейшим и важнейшим проблемам современности - к борьбе за мир, социальной революции, коммунизму. Чрезвычайно красноречивой в этом отношении была позиция, занятая новым папой по отношению к кубинской революции.

1 января 1959 г. революционные силы Кубы во главе с Фиделем Кастро после двухлетних кровавых боев свергли тиранический режим ставленника американских монополий Батисты. Власть на Кубе перешла в руки трудящихся. Победа народных сил вызвала в стране крайнее обострение классовых противоречий. Кубинская крупная буржуазия в союзе с латифундистами при поддержке американских правящих кругов и монополий пыталась воспрепятствовать социальным преобразованиям, в частности осуществлению аграрной реформы. Реакционные силы перешли к политике диверсий, саботажа и заговоров. Католическая иерархия открыто встала на сторону империалистических сил. Епископы осуждали действия правительства Фиделя Кастро и призывали верующих оказывать самое решительное сопротивление проводимым мероприятиям. Церкви, приходы, католические организации превратились в опорные пункты контрреволюционного подполья. За рубежом, в особенности в США, католические церковные иерархи распространяли клеветнические вымыслы о кубинской революции, обвиняя правительство Фиделя Кастро в гонениях на духовенство и верующих.

После разгрома наемников на Плайя-Хирон в апреле 1961 г. революционное правительство, располагая неопровержимыми доказательствами сотрудничества церковников с наемниками, приняло решение о высылке из страны служителей культа-иностранцев, составлявших большинство католического духовенства на Кубе. Этот справедливый акт вызвал новую волну злобных нападок на кубинскую революцию со стороны реакционеров всех мастей. Кубинские контрреволюционеры, нашедшие приют за рубежом, и их империалистические покровители потребовали от Иоанна XXIII порвать дипломатические отношения с Кубой и даже отлучить Фиделя Кастро от церкви.

Кубинская революция была первой социалистической революцией в Латинской Америке. Ее пример мог оказаться заразительным для других народов Западного полушария. Поэтому международная реакция прилагала все усилия, чтобы втянуть Ватикан в борьбу против нее. Ведь папы римские всегда выступали с осуждением социальных революций, где бы они ни происходили и какой бы характер они ни носили - буржуазно-демократический, национально-освободительный или социалистический. А как же поступил Ватикан на этот раз? Какую позицию по отношению к кубинской революции занял Иоанн XXIII?

Он отказался встать на путь осуждения кубинской революции, несмотря на огромное давление, которое оказывали на него международная реакция и консервативные круги в самой церкви. Ни в одном из своих выступлений или высказываний Иоанн XXIII не осудил революционную Кубу, ее руководителей, ее внешнюю или внутреннюю политику. Более того, с приходом к власти Фиделя Кастро и его единомышленников дипломатические отношения между Ватиканом и Кубой не только не прервались, а, наоборот, укрепились. В 1962 г. папа согласился на аккредитацию посла революционной Кубы, который со временем стал дуайеном дипломатического корпуса при Ватикане. В Гаване постоянно пребывал папский нунций Чезаре Дзакки. Иоанн XXIII радушно принимал официальные делегации революционного правительства Кубы и в беседах с ними одобрительно отзывался о деятельности правительства Фиделя Кастро. Судя по всему, на примере своего отношения к кубинской революции папа стремился убедить общественное мнение в том, что церковь не намерена на этот раз поддерживать интересы мировой реакции и империализма.

Правда, Иоанн XXIII прямо не осуждал, по крайней мере публично, и тех церковников, которые боролись против революционной Кубы и распространяли о ней всевозможные измышления. Он не осуждал также и кубинских контрреволюционеров, выдававших себя за защитников церковных интересов. Но, воздерживаясь от осуждения кубинской революции, он тем самым как бы осуждал ее противников. Именно так воспринимало его позицию мировое общественное мнение.

В самом Ватикане далеко не все одобряли и разделяли позицию папы по этому вопросу. Кардинал Оттавиани, например, в январе 1960 г. заявил публично: "Никто уже не боится

пожимать руку новым антихристам. Более того, происходит соревнование - все стремятся как можно скорее пожать им руку и обменяться с ними улыбками".

В тревожные дни октябрьского кризиса 1962 г., когда правящие круги США угрожали развязать атомную войну, Иоанн XXIII несколько раз лично звонил президенту Кеннеди, настойчиво призывая его к мирному урегулированию возникшего конфликта. Фидель Кастро так оценил позицию Иоанна XXIII в международных вопросах: "Он понял, что мир находится на перепутье, и знает, что стоит только начаться какой-либо войне, как нашей планете придет конец. Мы одобряем позицию папы, а его нунций на Кубе - человек достойный и умный".

Своей важнейшей задачей папа считал последовательную борьбу за международный мир. Он решительно повернулся спиной к политике "холодной войны", осуждал гонку вооружений. Выступая в сентябре 1961 г. по радио, Иоанн XXIII призвал великие державы сесть за стол переговоров, постараться найти мирное решение своих разногласий, разрядить международную обстановку, чреватую катастрофой термоядерной войны. Этот призыв папы был положительно встречен международной демократической общественностью. В советской печати также отмечалось, что высказанная папой озабоченность за судьбы всеобщего мира показывает: повсюду за рубежом все отчетливее понимают, что безрассудство и авантюризм в делах мировой политики добром не кончаются. Глава католической церкви, видимо, считается с настроениями многих миллионов католиков во всех частях земного шара, обеспокоенных военными приготовлениями империалистов. Подчеркивалось, что Иоанн XXIII отдает дань здравому смыслу, когда он предостерегает правительства от всеобщей катастрофы и призывает их осознать огромную ответственность, которую они несут перед историей.

Переворот в Ватикане?

В Ватикане между тем происходили весьма знаменательные и необычные для католической церкви события.

25 января 1959 г. истекло ровно 90 дней с момента избрания на папский престол Иоанна XXIII. В этот день, после богослужения в базилике св. Павла, на которое были специально приглашены находившиеся в это время в Риме 17 кардиналов, папа сообщил о своем решении созвать в ближайшее время римский синод и вселенский собор. Римский синод был призван обсудить положение дел в итальянской церкви. Что касается вселенского собора, то папа выразил надежду, что в нем примут участие и все "отделившиеся церкви, чтобы попытаться вновь обрести единство". Папа сказал: "Мы не будем вести исторический судебный процесс. Мы не будем пытаться разобраться в том, кто был прав и кто виноват. Мы скажем лишь: "Воссоединимся, покончим с раздорами"". Другой задачей собора папа объявил осуществление реформы Кодекса канонического права, который является своего рода конституцией, или высшим законодательным актом, католической церкви. Какие цели должна была преследовать такая реформа, папа не уточнил.

Заявление Иоанна XXIII произвело ошеломляющее впечатление на присутствующих. Они были поражены не столько сообщением о созыве римского синода, хотя он не собирался с XVI в., сколько известием о предстоящем вселенском соборе. Обычно папские выступления вызывали аплодисменты, возгласы одобрения. На этот раз после речи папы воцарилась гробовая тишина. Это несколько смутило Иоанна XXIII, но он быстро овладел собой, попрощался с кардиналами и отбыл в Ватикан. В тот же день кардинал Тардини сообщил, что кардиналы потрясены его сообщением. Им, по-видимому, потребуется некоторое время, чтобы "переварить" его. Тардини советовал воздержаться пока от публикации полного текста речи, ограничившись помещением краткого ее резюме в "Оссерваторе Романо". Действительно, на следующий день ватиканский официоз в нескольких строках сообщил о выступлении папы, а полный текст его речи появился в печати лишь два месяца спустя.

Но чем же были так потрясены кардиналы? Почему, например, кардинал Спеллман отказался поверить в возможность созыва вселенского собора, заявив журналистам, что папу, вероятно, "превратно поняли"? Почему кардинал Леркаро отреагировал на эту новость словами: "Или папа безответственный человек, или он слишком хорошо знает, чего хочет".

Замешательство кардиналов объяснялось, скорее, тем, что им ничего не было известно заранее о принятии папой решения созвать вселенский собор. Иоанн XXIII сделал свое заявление, ни с кем из них предварительно не посоветовавшись, используя данное ему

каноном право на такой созыв. О возможности созыва собора говорили и Пий XI и Пий XII, но они высказывались на этот счет в столь общей форме, что никто их высказываний всерьез не принимал. Новый же папа заявил в категорической форме, публично и официально-собору быть! Удивление и недовольство кардиналов объяснялось и тем, что, сделав такое заявление, папа как бы нарушил правила игры, которые обязывали его быть "промежуточной" фигурой на папском престоле. Созыв собора придавал его понтификату особую историческую значимость.

Вселенские соборы созывались всегда в особо критические моменты истории церкви и несли на себе печать реформаторских устремлений. Созыв собора, таким образом, был равносилен признанию, что церковь пребывает в состоянии кризиса, а это далеко не всем хотелось признавать. К тому же соборы, как правило, не излечивали церковь от застаревших "недугов". Их проведение всегда было связано с большими надеждами, а результаты всегда вызывали разочарование. "История церкви,- писал католический автор Карло Фалькони,это в значительной степени кладбище обанкротившихся соборов, в том числе и вселенских". К. Фалькони. Ватиканский собор и причина его созыва.

Соборы чаще всего созывались с целью "оздоровить церковь", провести ряд реформ, покончить с расколами, найти действенные средства для борьбы с ересями. По мнению католического богослова, правда весьма критически относящегося к Ватикану, Ганса Кюнга, "все официальные попытки реформировать церковь, предпринимавшиеся в средние века, не принесли никаких результатов. Подобно тому как папы пренебрегали данной ими в момент коронации клятвой проводить реформы, так и вселенские соборы терпели крах, ибо не осмеливались, по весьма различным причинам, ставить вопрос о радикальной реформе и ограничивались чисто поверхностными изменениями". К. Фалькони. Ватиканский собор и причина его созыва.

Вселенские соборы служили в прошлом реакционным интересам церковной иерархии, папства. XIX (Тридентский) вселенский собор, длившийся с перерывами почти 18 лет (с 1545 по 1563 г.), пытался покончить с протестантским расколом, но вместо выработки приемлемой для протестантов платформы, которая позволила бы восстановить церковное единство, встал на путь бескомпромиссной борьбы со сторонниками реформации. Тот же Ганс Кюнг отмечает, что на Тридентском соборе "не стремились конкретно понять сущность тезисов реформаторов, принять то, что в них было законного, и, следовательно, пойти, насколько возможно, навстречу протестантизму по пути раскаяния и милосердия. Наоборот, там стремились разбить протестантизм посредством проведения внутренней реформы католицизма. Одним словом, реформа была не средством примирения, возврата к единству, а программой военных действий, орудием борьбы". XX вселенский, или Первый Ватиканский, собор, созванный Пием IX, заседал в Риме под канонаду итальянских пушек, предвещавшую конец светской власти папы. Он одобрил пресловутый догмат о папской непогрешимости. Другие его решения были проникнуты реакционным духом "Силлабуса". Нужно было быть очень мужественным человеком, чтобы решиться на созыв нового собора. Вот как оценивает этот шаг Иоанна XXIII Карло Фалькони: "Когда папа Мастай-Ферретти (Пий IX) впервые публично объявил о созыве собора, он, хотя ему исполнилось уже 75 лет, был все еще бодрым и уверенным в себе человеком, почти юношеского темперамента. А тридцать лет понтификата обеспечили ему бесспорное господство над курией и над всей католической иерархией, рассеянной по всему миру, Иоанн XXIII на 77-м году жизни неожиданно стал преемником папы, которому поклонялись почти до последних дней его жизни. Новый папа, не знавший или плохо знавший мир курии и папского двора, состоявший из лиц, бывших ставленниками его предшественника, объявив о созыве собора всего лишь три месяца спустя после своего избрания, проявил невероятную смелость, а вслед за тем юношескую энергию в работе, что превзошло самые смелые предположения и ожидания". К. Фалькони. Ватиканский собор и причина его созыва.

Мог ли будущий собор обеспечить единство с другими христианскими церквами-протестантами и православными? Если да, то на какой основе? Что думал по этому вопросу Иоанн XXIII, на что он рассчитывал, на что надеялся? Что мог вообще предпринять на благо церкви созываемый им собор?

Как бы отвечая на эти вопросы, Иоанн XXIII в сентябре 1960 г. заявил, что единение с другими христианскими церквами может осуществиться на основе взаимных уступок. "Главные

цели собора,-сказал папа,-заключаются в следующем: провести общую реформу, пересмотр и разъяснение доктрин, усовершенствовать структуру церкви для того, чтобы она могла охватывать весь мир... Мы сделаем все для того, чтобы они (протестанты, православные и представители других христианских вероисповеданий.-И. Г.) обдумали свои ошибки, а мы пересмотрим свое поведение, дабы в конечном счете у всех христиан был один дом".

Итак, собор будет созван для пересмотра церковных доктрин. Но в каком направлении? В плане отказа от средневековых богословских установок? Если да, то что их заменит? Другие установки? Какие именно?

Вопросы, вопросы, сотни вопросов, на которые никто толком не мог ответить. Но по мере того как шло время, росло убеждение (как в церкви, так и за ее пределами), что Иоанн XXIII действительно помышляет о кардинальной реформе церкви в плане приспособления ее идеологии и организационной структуры к требованиям современности.

Такая перспектива пугала большинство куриальных кардиналов, их светских союзников - правых клерикалов, вообще всех реакционеров. Пачеллианцы называли Иоанна XXIII "красным", "чокнутым", "гробокопателем церкви". Реакционеры опасались, что, используя догмат о папской непогрешимости и данные ему каноническим правом полномочия накладывать вето на решения собора, папа сможет навязать свою волю этому церковному форуму и, чего доброго, действительно изменить традиционный облик католической церкви. Поэтому они пытались любыми средствами затянуть подготовку собора, надеясь, что Иоанн XXIII просто не доживет до его открытия.

Предсоборные зигзаги.

Казалось, повторялась ситуация, о которой в свое время Пий IX говорил: "Каждый собор состоит из трех периодов: первый - когда дьявол пытается спутать карты, второй - когда человек еще более усиливает путаницу, и третий - когда святой дух вносит во все ясность". На этот раз положение усложнялось тем, что на стороне "дьявола" были куриальные кардиналы. Иоанн XXIII говорил генеральному секретарю собора прелату Перикле Феличе: "Неужели Вы, монсиньор, полагали, что перед лицом столь важного для судеб церкви события бес будет пребывать в праздности? Впрочем, если собор, в чем мы уверены, божье дело, то нам предстоит немало испытаний". К. Фалькони. Ватиканский собор и причина его созыва.

Иоанн XXIII был готов сразиться с "бесом", он утверждал, что у него "здоровая печень и нервы как канаты". И тем не менее он был вынужден маневрировать. В ноябре 1960 г., выступая перед членами комитета по подготовке собора, он заявил, что одна из основных задач собора "вызвать всеобщее духовное пробуждение для борьбы с материализмом". Это был жест в сторону пачеллианцев или интегристов, как стали называть в церкви сторонников ультраправой ориентации. Следовало ли из сказанного, что собор будет направлен против коммунизма? Многие сомневались в этом. Международная обстановка не благоприятствовала интегристам. Повсеместно крепли силы, выступавшие за всеобщий мир, мирное сосуществование и разрядку напряженности. Социализм превратился в быстро развивающуюся могучую мировую систему. Чрезвычайно возрос авторитет Советского Союза, последовательная мирная политика которого встречала все большую поддержку прогрессивной мировой общественности, в том числе трудящихся-католиков. Народы все решительней осуждали политику "холодной войны", гонку вооружений. В Азии, Африке, Латинской Америке бурно развивалось национально-освободительное движение. Мир вступил в эру научно-технической революции. Советский человек распечатал "божии чертоги" - проложил дорогу в космос. В подобных условиях антикоммунистическая направленность собора была бы для церкви равносильна самоубийству.

Это понимали даже некоторые интегристы. Один из них, иезуит Риккардо Ломбарди (о нем уже упоминалось выше), опубликовал посвященную предстоящему собору книгу, в которой высказывался за "осовременивание" церкви. Он писал: "Существует старое здание, воздвигнутое много веков назад, непрерывно приспосабливаемое (курсив мой.- И. Г.) к требованиям меняющихся со временем жильцов... Каждое из этих изменений было целиком оправдано при его проведении в жизнь. Но здание выглядит теперь так, что ни один архитектор, владей он этим участком земли, строительным материалом и обладай полной свободой действий, не воздвиг бы его таким, каким оно является ныне. Никто сегодня не стал

бы так строить, ибо современные требования можно куда лучше удовлетворить теми же средствами, но путем более простой планировки".

Итак, иезуит Ломбарди признавал, что церковное здание безнадежно устарело, выглядит в современном мире архаичным, допотопным. Что же он предлагал сделать? Ремонт, побелку, чистку? Нет, генеральную реконструкцию:

"После стольких следовавших одно за другим приспособлений этого здания наступает однажды момент, когда необходимо проявить смелость и набросать новый генеральный (курсив мой.-И. Г.) план. При этом надо, сохранив капитальные стены, создать, предоставляя абсолютную независимость (архитектору), единый проект внутренней планировки в соответствии с существующими требованиями, не останавливаясь ни перед какими трудностями, возникающими на пути осуществления этого плана. Сначала надо все как следует обдумать и взвесить, а затем уж действовать-так при меньших затратах можно добиться большего. Дом будет как бы сделан заново: земля прежняя, все здание прежнее, даже отделочный материал примерно тот же, но зато все оно станет гораздо более удобным".

Что же, по мнению Ломбарди, следовало изменить в церковном здании? "Устройство церкви, оставленное Иисусом на усмотрение своих последователей и являющееся творением рук человеческих... Оно требует генерального пересмотра в соответствии с широким, абсолютно гармоничным планом".

Ломбарди преподнес свою книгу о соборе Иоанну XXIII и сообщил журналистам, что папа одобрил его сочинение. Но куриальный "Пентагон" встретил его сочинение в штыки. Пачеллианцы усмотрели в нем "подрыв церковных основ". "Требовать перемен" в церкви означало для них "требовать замен" на важнейших постах курии, а терять эти посты им, естественно, не хотелось. "Оссерваторе Романо" от 11 января 1962 г. устроила разнос книги Ломбарди. Более того, ватиканский официоз заявил, что Иоанн XXIII "молчаливо отверг идею и программу церковной реформы". Кардинал Оттавиани занес даже сочинение своего недавнего единомышленника в индекс запрещенных книг. Иоанн XXIII не смог предотвратить эти демарши интегристов. Он с головой ушел в нелегкое дело подготовки собора, стараясь благополучно подвести к нему находившуюся в аварийном состоянии церковную ладью.

Уже после смерти Ронкалли генеральный секретарь собора и ближайший сотрудник папы монсиньор Перикле Феличе сообщил журналистам, что первоначально Иоанн XXIII думал созвать собор не в Ватикане, а в базилике св. Павла, расположенной в районе Остия, и назвать его Первым Остийским. Этим папа хотел подчеркнуть, что он отмежевывается от обскурантистских решений Первого Ватиканского собора. Папа опасался, что созыв собора в Ватикане будет истолкован как продолжение реакционного курса, основные вехи которого были проложены Пием IX. Но ватиканский "Пентагон" восстал против этих показавшихся им слишком смелыми намерений Иоанна XXIII, и папе пришлось уступить: собор заседал в базилике св. Петра и получил название Второго Ватиканского.

Курия была настроена против собора, большинство итальянских иерархов-тоже. Они боялись, что собор лишит их преобладающих позиций в церкви. Позднее кардинал Леркаро признался: "Мы все (то есть итальянские кардиналы.-И. Г.) оставили папу Иоанна XXIII в одиночестве".

Следует ли из сказанного, что Иоанн XXIII, взяв курс на созыв собора, оказался в полной изоляции? Вовсе нет!

Многие зарубежные иерархи с оптимизмом и надеждой восприняли идею собора, а церковные деятели "третьего мира" отнеслись к ней с большим энтузиазмом. Тех, кто был за собор, за реформы, за перемены, за новшества в церкви, стали называть обновленцами. Как правило, это были представители стран, где церковь теряла свои позиции, свое влияние, своих последователей, свой авторитет.

Такие явления наблюдались в большинстве стран Европы, но особенно они давали себя знать в развивающихся странах. В государствах, где на протяжении столетий орудовали миссионеры, выступавшие в роли прислужников колониальных властей, местное духовенство открещивалось от старых церковных порядков. Оно требовало от Ватикана недвусмысленного осуждения империализма, колониализма, расизма. Оно жаждало упрочить свою самостоятельность и ожидало от собора коренных церковных реформ, демократизации и

подлинной универсализации римской курии. Церковные иерархи этих стран стали на соборе опорой обновленческого курса.

Сообщение о созыве собора, вызвавшее оживленный обмен мнений в церковной среде, вынудило церковных деятелей подвести итоги своей деятельности в религиозной и общественной областях, взвесить действенность религиозного влияния на массы, наметить пути преодоления имевшихся трудностей и недостатков в их деятельности. Несмотря на зигзаги и противоречия в предсоборной дискуссии, интриги куриальных иерархов и прочих ультраправых элементов в церкви, большинство духовенства считало, что следует отказаться от курса Пия XII, то есть оголтелого антикоммунизма и защиты интересов правящих кругов ведущих империалистических держав, что церковь должна найти в себе силы, чтобы пойти новыми путями, "оторваться" от своих традиционных политических и социальных привязанностей, поддержать общее стремление к прогрессивным социальным преобразованиям, попытаться найти способ сосуществования с социалистическим миром, приобщиться к новшествам XX в., обновиться внутренне и внешне.

Трудности с "отделившимися братьями".

Экуменическая программа Иоанна XXIII встретила горячую поддержку не только ряда зарубежных церковных лидеров, но и многих буржуазных политических деятелей, которые надеялись, что сближение католицизма с протестантизмом будет способствовать укреплению капиталистического строя. Идея сближения с Ватиканом давно уже поддерживалась наиболее реакционными протестантскими кругами в США и Англии. Ее сторонником был и Джон Фостер Даллес, сын которого стал одним из видных руководителей иезуитского ордена. К ней сочувственно относился английский премьер Макмиллан, ее превозносил Аденауэр.

В числе учреждений, призванных подготовить собор, Иоанн XXIII создал секретариат по делам протестантов, возглавляемый кардиналом иезуитом Аугусто Беа, бывшим исповедником Пия XII.

В течение 1959-1960 гг. представители Ватикана вели закулисные переговоры с протестантскими лидерами в США, Англии и Западной Германии с целью склонить их к участию в предстоящем соборе. Были проведены встречи и с видными деятелями мусульманства и даже иудаизма, в ходе которых обсуждалась идея образования единого церковного фронта в борьбе против атеизма. В Париже на эту тему с одной трибуны говорили кардинал Фельтен, глава французских протестантов пастор Бенер, главный раввин Франции Каплан и др.

В Мюнхене во время 37-го Международного евхаристического конгресса с одной трибуны выступали католические, православные, протестантские и мусульманские церковники, расточая друг другу комплименты. Один из ораторов, аббат-бенедиктинец Томас Сартори, даже расхваливал Лютера за его "глубоко набожное сердце".

В начале 1960 г. Иоанна XXIII посетил глава протестантской церкви в Западной Германии епископ Дибелиус. Это был первый успех Ватикана.

23 ноября 1960 г. премьер-министр Англии Гарольд Макмиллан и министр иностранных дел лорд Хьюм были с исключительным радушием приняты Иоанном XXIII. Папа заявил, что визит английских государственных деятелей доставил ему "громадное удовольствие и глубокое удовлетворение".

Примас англиканской церкви архиепископ Кентерберийский Джеффри Фишер, совершая паломничество к "святым местам" Палестины, посетил Стамбул, встречался по пути с религиозными лидерами восточных церквей и на обратном пути заехал в столицу Италии, следуя, по-видимому, пословице, согласно которой все дороги ведут в Рим. Прибыв в Вечный город, Фишер заявил, что он намерен нанести "визит вежливости" папе Иоанну XXIII.

Заявление Фишера вызвало сенсацию в буржуазной печати. Еще бы, ведь это был первый визит архиепископа Кентерберийского к папе с... 1337 г.!

2 ноября Фишер был принят папой и имел с ним продолжительную беседу. В связи с этим консервативная английская газета "Дейли телеграф" писала: "Фактически визит Фишера к папе знаменует собой осознание представителями обоих вероисповеданий, несомненно, ускоренное растущей силой антихристианской коммунистической идеологии, того, что

разобщенность христиан является слишком большим позором, чтобы ее игнорировать, и слишком серьезной слабостью, чтобы не исправить ее".

Сам Фишер, выступая после посещения папы с проповедью в англиканской церкви Рима, сказал: "Пока что союз лишь зарождается, он еще не достиг зрелости, но тем не менее он уже существует... Нет больше необходимости предавать друг друга анафеме, ибо мы не выступаем друг против друга..."

Однако усилия Иоанна XXIII, направленные на сближение христианских церквей, натолкнулись на серьезные препятствия. Многие протестантские церковники расценили визит Фишера в Ватикан как капитуляцию передпапством. В Великобритании поднялась волна возмущения против архиепископа Кентерберийского. Вскоре после возвращения в Лондон Фишер был вынужден уйти в отставку. Объединение христианских церквей оказалось делом значительно более сложным, чем предполагали его сторонники.

Неокапитализм вместо корпоративизма.

В атмосфере нарастающей борьбы между различными группировками в курии и за ее пределами и накала дискуссии вокруг программы и задач предстоящего собора рождалась первая энциклика Иоанна XXIII "Mater et magistra" ("Мать и наставница"), посвященная социальным проблемам современности. Она была опубликована 15 мая 1961 г.

Энциклика "Матэр эт магистра" самая длинная в истории церкви, в ней 25 тыс. слов. Но значение ее определяется, конечно, не объемом, а содержанием.

В этом документе нашли отражение противоречивые тенденции, характерные для первых двух лет понтификата Иоанна XXIII. Хотя в тексте энциклики много ссылок на высказывания Пия XII, она тем не менее расценивается как первый шаг в сторону от его ультрареакционного курса, и именно поэтому она привлекла к себе всеобщее внимание.

Социальная энциклика Иоанна XXIII начинается с перечисления "великих изменений", происшедших в мире за истекшие после опубликования энциклики "Рерум новарум" 70 лет. Папа упоминает об атомной энергии, автоматизации и электронике, авиации, о радио и телевидении, о начале завоевания космического пространства, о развитии социального обеспечения и возросшей активности профсоюзов, которые якобы своей деятельностью уменьшают дистанцию между классами. Папа отмечает растущее участие граждан в руководстве государственными делами и все большую роль государства в управлении экономикой и в решении социальных проблем современности. Иоанн XXIII также не оставляет без внимания закат колониализма и возникновение новых государств, появление ряда международных организаций.

Отстаивая традиционную доктрину церкви о "естественном праве частной собственности на средства производства", энциклика Иоанна XXIII в то же время допускает "представительство трудящихся в управлении средними и крупными предприятиями и их участие в прибылях". Энциклика допускает, что "государство может обладать собственностью на орудия труда, если они являются источником экономической мощи, которую недопустимо передавать в руки частных граждан, не рискуя подвергнуть опасности общее благо". В то же время она оговаривает, что "государство должно расширять свою собственность" только в случае действительной и очевидной необходимости и если этого требуют интересы общего блага, но не с целью ограничить или тем более ликвидировать частную собственность.

Наиболее радикальный раздел энциклики посвящен отношениям между развитыми и слаборазвитыми странами. В нем содержится недвусмысленное осуждение неоколониализма. Папа заявляет, что "самый большой соблазн, которому могут подвергаться экономически развитые политические сообщества, состоит в использовании своего технико-экономического могущества для оказания влияния на политическое положение сообществ, находящихся на более низкой стадии экономического развития, с целью осуществления планов господства. В случае, если это имеет место, следует открыто заявить, что речь идет о новой форме колониализма, которая, как бы ее искусно ни маскировали, столь же обращена в прошлое, как и та, от которой многие народы недавно освободились. Она отрицательно влияет на международные отношения, представляя собой угрозу и опасность для дела мира во всем мире". Это был явный реверанс в сторону народов, сбросивших с себя колониальный гнет,

реверанс, который должен был показать им, что католическая церковь порывает свои традиционные связи с колонизаторами.

В энциклике "Матэр эт магистра" большое внимание уделено аграрному вопросу. Иоанн XXIII отмечает бедственное положение крестьян, хотя и умалчивает о подлинных причинах этого явления: о концентрации земли в руках помещиков, о зависимости крестьян от монополий, скупающих за бесценок их продукцию, об эксплуатации батраков латифундистами. Энциклика предлагает улучшить положение крестьян путем установления более справедливых налогов, сохранения высоких цен на сельхозтовары и тому подобных мер. О целесообразности проведения аграрной реформы в энциклике не говорится ни слова.

Другой важной особенностью энциклики было то, что в ней, в отличие от подобного рода документов эпохи Пия XII, не содержалось прямых выпадов против коммунизма. В частности, энциклика не содержала осуждения кубинской революции, которую реакционные круги обвиняли в "преследовании" религии. Более того, энциклика, правда с оговорками, разрешала католикам "вступать в отношения с лицами, имеющими другие взгляды на жизнь". Под такими лицами подразумевались коммунисты, контакты с которыми с 1949 г. запрещались католикам под угрозой отлучения. Разрешая теперь эти контакты, энциклика предупреждала верующих, чтобы они были бдительными, не вступали в разлад с самими собой, никогда не шли на компромисс в отношении религии и морали. Но в то же время они должны руководствоваться "духом понимания, бескорыстия и честно сотрудничать в реализации целей, хороших по своей природе или, во всяком случае, ведущих к добру". Последнее слово в этих делах, согласно энциклике, оставалось за церковью.

"Матэр эт магистра" получила весьма широкий международный резонанс. Буржуазная печать в целом приветствовала ее как последнее слово в области социально-политического анализа современного капиталистического общества. Иначе она была оценена левыми силами. Итальянский левый журнал "Нови аргоменти" писал в феврале 1962 г., что энциклика Иоанна XXIII отражает "стремление освободить церковь от бремени компромиссов с отсталыми и авторитарными силами и, напротив, связать ее с самыми современными и динамичными течениями неокапитализма, чтобы облегчить международную деятельность церкви и создать широкие возможности для миссионерской деятельности вне европейских государств".

Левые круги в католической церкви и в католическом движении, главным образом в странах Латинской Америки, использовали многие расплывчатые и двусмысленные формулировки энциклики для укрепления своих позиций. Для них этот документ означал большую свободу действий. Опираясь на него, они стали выступать более решительно и смело.

В целом Ронкалли был доволен результатами своей предсоборной деятельности.

В августе 1961 г. он записал в "Дневнике души": "Когда 28 октября 1958 г. кардиналы святой римской церкви избрали меня на пост главы правительства последователей Иисуса Христа, распространилось убеждение, что я стану папой переходного периода. Вместо этого я уже на/пороге четвертого года своего понтификата, передо мной могучая программа, осуществления которой ожидает весь мир. Что касается лично меня, то я как св. Мартин:

пес mori timit, пес vivere recusavit-и смерти не боюсь, и жить не отказываюсь".

Собор открыт!

Почти три года длилась подготовка собора. В ходе ее было опрошено свыше 2 тыс. церковных иерархов с пяти континентов. Их предложения и соображения составили несколько десятков томов. Для обсуждения на соборе были подготовлены 70 документов.

Все это время Иоанн XXIII трудился без устали. За три года он стал еще более грузным, казался более усталым, болел, но приветливая улыбка по-прежнему не сходила с его лица.

Как-то принимая группу семинаристов, он им рассказал, что, став папой, обнаружил в архивах священной канцелярии заведенное на него еще при Пии X дело по подозрению в модернизме. Причиной послужила перехваченная церковным начальством открытка, которую он послал своему другу священнику Эрнесто Буонаютти, обвиненному в модернистской ереси.

- Как видите, это не помешало мне стать папой.

История эта не предвещала ничего хорошего одному из ведущих учреждений курии-конгрегации священной канцелярии и ее руководителю кардиналу Оттавиани.

Ронкалли продолжал чувствовать себя неуютно в Ватикане, где его окружали, как правило, враждебно настроенные люди. Он часто, слишком часто, по мнению его врачей, покидал Ватикан, посещая благотворительные учреждения, монастыри, больницы. Иногда он останавливал свою машину в одном из римских парков и выходил погулять, подышать свежим воздухом.

Как-то личный секретарь Иоанна XXIII монсиньор Лорис Коповилла деликатно напомнил ему, что в его возрасте он должен быть осторожен, ибо всякое может случиться, причем внезапно, и лучше не покидать Ватикан, чтобы несчастье не произошло, не дай бог, на улице.

Папа ответил ему:

- Столько людей умирает на улицах, дон Лорис. Ничего страшного не произойдет, если и папа умрет на улице.

Папа знал, что он смертельно болен. Врачи обнаружили у него рак желудка, но он отказался от операции. В его возрасте операция была связана с большим риском, а Иоанн XXIII во что бы то ни стало хотел дотянуть до открытия собора.

И наконец настал долгожданный для него сентябрь 1962 г.

В Рим со всего света съезжались журналисты, радио- и телекомментаторы, туристы и, разумеется, соборные отцы - кардиналы, патриархи, архиепископы, епископы, генералы монашеских орденов, а также почетные гости представители других церквей и культов.

Римские газеты пестрели необычными объявлениями: "Требуется квартира с ванной, телефоном и алтарем". Орган Ватикана печатал объявления по-латыни: "Automobiles novissimae locantur" ("Сдаются на прокат автомобили новейших марок"); "Omnes viae ducunt Romam, omnium vero pulcherrima per Helvetiam" ("Все пути ведут в Рим, но самый прекрасный проходит через Швейцарию"). Под этим объявлением стояла подпись Швейцарского бюро туризма... Печать сообщала также, что соборные заседания будут транслироваться по телевидению и что в связи с этим в папских покоях установлены телевизоры.

11 сентября в 8 часов утра в торжественной обстановке в сверкающем огнями соборе св. Петра открылась первая сессия XXI вселенского, или, как его стали называть, Второго Ватиканского собора католической церкви. Это было поистине величественное зрелище. Если в Первом Ватиканском соборе участвовало всего 764 епископа, из них две трети - европейцы, то теперь на трибунах восседало 2692 церковных иерарха в митрах и пышных средневековых одеяниях. На этот раз Европа была представлена 849 соборными отцами, Америка-Северная и Южная-932, Азия- 256, Африка - 250, Океания - 70.

Перед дипломатической ложей, почти рядом с местом папы, расположились наблюдатели 17 различных некатолических христианских церквей - "отколовшиеся братья". Среди них были представители различных протестантских направлений, а также русской православной церкви, присутствие этих последних на соборе привлекало всеобщее внимание. Кроме того, на открытии собора присутствовало 86 официальных делегаций из различных стран и от разных международных организаций. Повсюду были расставлены микрофоны, на креслах развешаны радионаушники, много было и другой техники, без которой соборным отцам очень трудно было бы осуществить свое вселенское мероприятие.

Собор открыл Иоанн XXIII. Он говорил 45 минут. Мировая печать обратила внимание на два момента в его выступлении.

Первый касался политики отлучений. Папа ясно дал понять, что церковь отказывается от нее. Если прежде, сказал он, церковь с крайней суровостью осуждала "заблуждения", то теперь "предпочитает лечить скорее милосердием, чем суровостью. Она считает, что можно удовлетворить потребности данного момента скорее путем подчеркивания ценностей своего учения, чем прибегая к осуждению".

Второй момент, привлекший всеобщее внимание,-это критические замечания папы в адрес "пророков напастей". Эти "пророки", сказал папа, видят в современном мире только одни опасности для церкви, предрекают лишь катастрофы, утверждают, что век нынешний хуже былых времен. Они ведут себя так, точно история, эта великая наставница жизни, ничему их не научила. Папа выразил свое несогласие с этими "пророками", предсказывающими разрушительные катаклизмы, чуть ли не конец света. "В настоящий исторический момент,-заявил Иоанн XXIII,-провидение ведет нас к новому порядку

человеческих отношений, которые трудами людей и часто помимо их собственных ожиданий развиваются к осуществлению высших и неожиданных предначертаний".

Кого имел в виду Иоанн XXIII под "пророками напастей"? Разумеется, куриальных кардиналов и их сторонников, у которых успехи социалистических стран, рост влияния идей марксизма-ленинизма в широких массах вызывали суеверный ужас.

Знаменательным был и тот факт, что, встретившись в день открытия собора с иностранными журналистами, папа счел возможным тепло приветствовать представителя ТАСС А. Красикова. Обращаясь к нему, Иоанн XXIII сказал: "Приветствую с радостью каждого посланца с Востока и новой России". Польского журналиста И. Красицкого Иоанн XXIII просил передать слушателям польского радио, что папа с особой доброжелательностью следит за тем, что делается в их "прекрасной и мужественной стране", восстановление и успехи которой его в высшей степени радуют.

Все это не могло не порождать неудовольствия у интегристов, или "бешеных", как их стали называть на соборе. Эта группировка, в руках которой находилась подготовка собора и которая приложила руку к сочинению документов, представленных на его рассмотрение, потерпела поражение уже на втором заседании собора. На этом заседании монсиньор Феличе предложил соборным отцам утвердить комиссии по темам в том же составе, в каком они работали по подготовке документов, что, несомненно, позволило бы интегристам захватить руководство собором. Но не успел он закончить свое выступление, как слово попросил французский кардинал Лиенар, архиепископ Лиля, один из обновленцев, входивших в президиум собора. Председательствующий пытался поставить на голосование предложение Феличе без обсуждения. Но Лиенар выхватил у него микрофон и от имени французского епископата потребовал отложить голосование, с тем чтобы дать возможность соборным отцам более детально ознакомиться с составом комиссий и внести свои предложения. Его выступление было встречено громкими аплодисментами. Лиенара поддержали немецкие епископы. Было решено доложить вопрос Иоанну XXIII, по указанию которого в комиссии были кооптированы представители обновленцев.

Другим вопросом, по которому интегристы потерпели поражение, было предложение того же Феличе разрешить представителям некатолических церквей "отделившимся братьям" присутствовать на всех заседаниях собора. Соборные отцы встретили это предложение громкими аплодисментами, в то время как лидер интегристов Оттавиани в исступлении кричал по-латыни: "Horesco!" ("Категорически против!")

Когда эти вопросы были решены, Иоанн XXIII предложил собору принять обращение ко всем народам с призывом бороться за всеобщий мир и разоружение. В этом обращении не было выпадов против коммунизма и социалистических стран, столь характерных для Пия XII. Хотя это вызвало недовольство интегристов, все же большинство из них не отважилось голосовать против обращения. За него было подано 2439 голосов, против - только 15. Это была новая впечатляющая победа сторонников Иоанна XXIII над их противниками.

Настоящие баталии разыгрались на соборе при обсуждении так называемых схем, или проектов решений, подготовленных специальными комиссиями. Первой обсуждалась схема "О литургии", в ней речь шла о реформе богослужения.

Форма католической литургии не менялась с 1570 г., когда она была утверждена папой Пием V. Предложенная на рассмотрение собора схема предусматривала ее упрощение, с тем чтобы сделать богослужение более доступным и понятным верующим. Докладчиком по этому вопросу был кардинал Оттавиани. Председательствовал же на заседании голландский кардинал Алфринк, обновленец. Алфринк предупредил, что ораторы могут выступать не больше 10 минут, затем предоставил слово Оттавиани. Тот, по-видимому, решил, что 10-минутное ограничение его не касается и начал очень издалека. Когда он проговорил 17 минут, Алфринк попросил оратора оставить трибуну. Оттавиани продолжал говорить. Тогда Алфринк, крикнув "Satis!" (по-латыни-"Довольно!"), выключил микрофон. Соборные отцы одобрили решительное поведение председателя громкими аплодисментами. Кипя негодованием, глава конгрегации священной канцелярии демонстративно покинул заседание и две недели не появлялся в соборе св. Петра. Выше описанный эпизод показал, что интегристы на соборе оказались в меньшинстве. Дальнейшие события подтвердили это.

Оттавиани и его единомышленники выступали за сохранение латыни в качестве языка литургии. Против этого резко возражали представители азиатских стран и многие европейцы. Патриарх Максим IV при обсуждении этого вопроса демонстративно выступал на французском языке. Он утверждал, что латынь вовсе не является "святым" языком, ибо Иисус и его последователи говорили по-арамейски, а не по-латыни. В этом они в известной степени походили на кардинала Спеллмана, который говорит по-латыни на английский лад, заключил под смех соборных отцов почтенный патриарх. Другой участник собора вместо выступления скороговоркой прочитал несколько литургических молитв по-латыни и спросил присутствующих, поняли ли они что-нибудь в этой абракадабре. Соборные отцы ответили смехом.

После многодневной, довольно бурной и резкой дискуссии по этой схеме она наконец была поставлена на голосование. Подсчет голосов показал, что "за" проголосовало только 822, "против"-1368 соборных отцов! Согласно регламенту собора, для отклонения схемы требовалось 2/3 голосов. И хотя противники схемы не добрали около 200 голосов, они оказались столь многочисленными, что схема "О св. литургии" была снята с обсуждения и возвращена в комиссию на доработку.

В разгар дебатов произошел так называемый карибский кризис. Как уже отмечалось, Иоанн XXIII активно вмешался в эти события, призывая Вашингтон воздержаться от необдуманных и непоправимых действий. Большинство соборных отцов с одобрением отнеслись к миротворческой миссии Ронкалли.

14 ноября собор приступил к обсуждению схемы "Об источниках божественного откровения". В свое время разногласия по этому вопросу послужили одной из причин раскола в церкви. Протестанты считают единственным источником божественного откровения Библию, католики, кроме того, и "традицию" ("предание"), или интерпретацию и толкование Библии "отцами церкви" и папами, а также постановления вселенских соборов и т. п. Сближение, а тем более объединение с протестантами, пути к которому должен был указать собор, предполагало известный отход от традиционных бескомпромиссных позиций католической церкви. Между тем схема, подготовленная комиссией во главе с кардиналом Оттавиани, по существу, ничего нового в этот вопрос не вносила.

Докладчиком и по этой схеме снова выступал Оттавиани. На этот раз он уложился в отведенное ему время, но жидкие хлопки, которыми его провожали с трибуны, указывали на то, что большинство соборных отцов не удовлетворены схемой. Развернувшаяся затем дискуссия подтвердила преобладание обновленцев над интегристами. Не доводя схему "Об источниках божественного откровения" до голосования, руководство собором и ее сняло с повестки дня, вернув на доработку. При этом в комиссию был включен один из противников Оттавиани, кардинал Аугусто Беа, возглавлявший созданный Иоанном XXIII секретариат по контактам с протестантами.

Между тем состояние здоровья Иоанна XXIII начало резко ухудшаться. Готовясь к неизбежной развязке, папа пересмотрел заново свое завещание, тщательно отредактировав его. 8 октября 1962 г., в самый разгар первой сессии собора, в журнале официальных ватиканских актов появилось его распоряжение об условиях избрания папы ("Summi Pontificis electo"), существенно дополнявшее инструкцию Пия XII по этому вопросу. Иоанн XXIII категорически запрещал делать какие-либо фотографии с умирающего или умершего папы или звукозаписи в папских покоях во время его болезни. Только когда умерший папа будет выставлен для отпевания и прощания, с разрешения камерленго можно сделать с него фотографии. На церемонии погребения папы присутствие журналистов категорически запрещалось. Если в момент смерти папы камерленго нет, то кардинальской коллегии его следует немедленно избрать. До этого же всем распоряжается кардинал-декан. По новому порядку кардиналы, не принимающие участие в конклаве по неуважительным причинам, автоматически отлучаются от церкви. Избрание папы осуществляется ровно 2/3 голосов участников конклава. Если же число голосующих не делится на 3, то требуется 2/3 плюс 1 голос. По инструкции Пия XII вся документация по избранию папы подлежала уничтожению, теперь же она передавалась для хранения в секретный архив Ватикана. Доступ к этой документации разрешается только с согласия папы. Таковы были распоряжения Иоанна XXIII относительно избрания своего преемника.

25 ноября папе исполнился 81 год. Собор направил ему теплое приветственное послание. Поздравительные телеграммы папа получил от многих своих сторонников из разных стран мира. В этот день вечером папе стало плохо, у него резко поднялась температура. Врачам с трудом удалось поставить его на ноги. Они советовали папе изменить свой режим, больше отдыхать, лечиться, но Иоанн XXIII, почувствовав некоторое облегчение, вновь вернулся к своим делам. Он спешил довести до конца начатую им реформу католической церкви, чувствуя, что времени у него оставалось совсем немного.

На первой сессии собора довольно решительно с критикой консервативных порядков в церкви выступали прелаты из развивающихся стран. Индийцы и африканцы требовали сделать католическую церковь менее "западной", более универсальной. Один африканский епископ протестовал против того, что черта обычно изображают черным, а Христа и всех святых-белыми. В этом он усматривал расовую дискриминацию по отношению к католикам-неграм.

28 ноября 1962 г. бразильский епископ Элдер Камара, выступая перед журналистами, предложил закрыть первую сессию не благодарственным, а покаянным молебном. Он выразил также недовольство по поводу того, что собор до сих пор не затронул ни одного крупного вопроса современности. Элдер Камара одновременно высказал похвалу в адрес Иоанна XXIII и объявил, что папа намерен создать комиссию для изучения проблем слаборазвитых стран, демографического взрыва, голода, атомной войны, мира.

7 декабря, в канун закрытия первой сессии собора, другой латиноамериканец-епископ Куэрнаваки (Мексика) Мендес Арсео выступил с предложением снять с евреев нелепое обвинение в убийстве Иисуса Христа и установить дружеские отношения с масонами, преданными анафеме Пием IX и Львом XIII.

Вокруг этих вопросов развернулись жаркие дебаты на последующих сессиях собора.

8 декабря первая сессия собора закончила свою работу. Был объявлен перерыв до сентября 1963 г. На закрытий сессии выступил Иоанн XXIII. Он выразил надежду, что собор завершит свою работу в следующем году. Зная состояние здоровья папы, соборные отцы опасались, что видят его в последний раз.

Итоги первой сессии.

Соборные отцы разъезжались по домам, а мировая печать подводила итоги первой сессии вселенского форума католической церкви.

Сторонники интегристов, приверженцы пачеллианского курса, кипели от негодования, обвиняли Иоанна XXIII в потворстве еретикам, чуть ли не в симпатиях к коммунизму. Они утверждали, что папа пустил "красного" дьявола в церковь, что он невменяем, безответствен. Весьма красноречиво в этом отношении было заявление кардинала Оттавиани, который сказал: "Я надеюсь умереть до окончания собора, ибо тогда я умру как кардинал святой римской церкви, а не как чиновник пропротестантской и прокоммунистической церкви".

Напротив, сторонники обновления церкви были довольны результатами первой сессии собора. Хотя на ней не была принята ни одна схема, ни один документ, сам ход соборной дискуссии показал, что интегристы находятся в меньшинстве и вынуждены сдавать одну позицию за другой. Обновленцы были настроены весьма оптимистично. Годичный перерыв между сессиями собора они надеялись использовать для мобилизации и сплочения своих сил, для пропаганды своих взглядов в печати, с тем чтобы еще более успешно сразиться с интегристами на второй сессии собора. Правда, эти радужные надежды омрачались болезнью Иоанна XXIII. Его смерть могла изменить расстановку сил на соборе в пользу интегристов. Но споры и разногласия внутри церкви уже зашли так далеко, что, по мнению обновленцев, кто бы ни пришел на смену Ронкалли, он будет вынужден считаться с их мнением.

Ив Конгар, известный французский богослов и сторонник обновленцев, подводя итоги первой сессии, писал, что если бы собор на ней закончился, не приняв никаких решений, то и тогда его роль была бы огромной, ибо первая сессия показала, что церковь желает идти новыми путями, епископы же обрели на ней сознание своей силы и независимости по отношению к Риму. Об этом свидетельствовала их активность на первой сессии, где выступило свыше 500 соборных отцов, а 500 других участников собора внесли поправки и предложения к дебатируемым схемам в письменном виде.

Прогрессивная печать в целом оценивала результаты первой сессии собора как известный отход от традиционной ультраправой ориентации католической церкви и поражение ее правого крыла. Дебаты на соборе и высказывания его участников в печати показали, что большинство церковных иерархов отвергает политику отлучений и анафем в адрес коммунистов и высказывается за конструктивный диалог с ними в интересах укрепления мира и борьбы за социальный прогресс.

Разумеется, среди участников собора были и ярые реакционеры, предпринимавшие попытки навязать собору декларации с новым осуждением атеизма, философского материализма, коммунизма, Советского Союза. Но их происки не получили поддержки большинства соборных отцов и даже не стали предметом обсуждения на соборе. Иоанн XXIII решительно отказался пойти на поводу у антикоммунистов. На их назойливые призывы осудить коммунистов Ронкалли отвечал: "Оставьте их в покое, и они мои дети. Обращайте больше внимания не на то, что требует осуждения, а на то, что достойно похвалы".

В отличие от Пия XII, Ронкалли не чурался контактов с политическими деятелями из социалистических стран, доброжелательно отзывался о Советском Союзе. Принимая Ежи Завеского, члена Государственного совета Польской Народной Республики, папа с интересом расспрашивал его о положении в стране, затем разговор перешел на Советский Союз. Папа сказал: "Россия-это великая нация. Советское государство населяют огромные массы людей, там свершаются многие достойные дела".

Итак, первая сессия собора означала, судя по всему, начало крутого поворота в политике Ватикана. Сессия выявила наличие двух противоборствующих течений в лоне церкви - интегристов и обновленцев, или, как их тоже называли, прогрессистов, сторонников перемен, реформ, нововведений в церкви. Но это было только начало длительной и упорной борьбы.

"Мир на земле".

С окончанием первой сессии собора в Ватикане закипела работа по подготовке новой энциклики, посвященной острейшей проблеме современности-обеспечению всеобщего мира.

Начальный набросок этого документа был сделан в грозные дни карибского кризиса. Опубликованию новой энциклики Иоанн XXIII придавал большое значение. Теперь, после того как выявилось, что подавляющее большинство церковных иерархов выступают с позиций обновленчества, папа мог более решительно и откровенно высказать свои взгляды. Преодолевая сопротивление все еще сильной в Ватикане группировки интегристов, Иоанн XXIII попытался сделать это в энциклике "Pacem in terris" ("Мир на земле"), опубликованной в пасхальный четверг 10 апреля 1963 г.

Это была первая в истории церкви энциклика, церемония подписания которой понтификом передавалась по телевидению. Она отличается от предыдущих документов такого рода тем, что обращена не только к духовенству и верующим, но и ко всем людям доброй воли на земле. В ней папа Иоанн XXIII выступил с осуждением гонки вооружений, за всеобщее и полное разоружение, за запрещение атомного оружия.

"Вошло в обычай,- говорится в энциклике,-оправдывать гонку вооружений словами о том, что в нынешних условиях мир обеспечивается только равновесием вооруженных сил. Но в этом случае, если кто-то увеличивает свой военный потенциал, другие страны также должны не отставать и вооружаться. И если одна страна производит атомное оружие, то и другие должны производить атомное оружие такой же разрушительной силы. В результате люди живут под постоянным страхом, ожидая урагана, который может разразиться в любой момент, принеся с собой невообразимые страдания. И не без основания, поскольку оружие уже готово".

Практически Иоанн XXIII высказался в этой энциклике за мирное решение спорных вопросов между государствами, за политику мирного сосуществования без каких-либо ограничений.

Эта энциклика в еще более ясной форме по сравнению с предыдущей допускала диалог между католиками, с одной стороны, и верующими других вероисповеданий и неверующими - с другой.

"Встречи и соглашения в разных областях общественной жизни,утверждается в энциклике,-между верующими и неверующими или верующими неправильно и ошибочно-могут способствовать открытию истины и служению ей".

Энциклика подчеркивала, что форму и степень таких контактов определяет церковная иерархия.

Отмечая, что католическая церковь продолжает оставаться непримиримым противником "ложных философских учений" (читай: марксизма.-И. Г.), энциклика признавала вместе с тем, что в этих "ложных" учениях, "поскольку они согласуются с нормами благоразумия и отражают законные человеческие стремления, могут быть элементы положительные и заслуживающие одобрения". Она призвала по-разному подходить к "ошибочным воззрениям и форме их осуществления", то есть к теории и практике. "Учения, раз выработанные,писалось в ней,- уже не меняются, тогда как начинания, находясь в переменных обстоятельствах, не могут не поддаваться влиянию этих обстоятельств". Из чего следовало, что если теория с точки зрения церкви достойна осуждения, то практика может содержать положительные моменты и заслуживать одобрения церкви и верующих.

Вместе с тем энциклика предостерегала от излишнего рвения в стремлениях восстановить социальную справедливость, что может привести на путь революции. Ссылаясь на Пия XII, энциклика напоминала, что церковь осуждает революцию и ратует за эволюцию.

Мировая общественность сразу обратила внимание на то новое, что содержалось в энциклике "Пацем ин террис". Обновленцы восприняли ее как программу действий.

Однако среди сторонников "холодной войны", интегристов и прочих реакционеров энциклика Иоанна XXIII вызвала новый приступ ненависти к ее автору. Правая печать не стеснялась осыпать папу бранью, его с издевкой называли "товарищем Иоанном XXIII", "безумцем", требовали его немедленного ухода в отставку. Вот что, к примеру, писал 19 мая 1963 г. в западногерманской газете "Ди Вельт" ее обозреватель Рудольф Кремен-Бадони: "Политика добрых намерений папы, к сожалению, на практике оказалась серьезной ошибкой... Я обращаюсь к папе

Иоанну, восседающему на престоле св. Петра, со следующим предупреждением: ты используешь в политических целях свой пост. Ты встал на путь, который ведет к полному исчезновению нашего и без того слабого стремления обеспечить свободу. Ты желаешь спасти церковь за счет нашей свободы. Тебя никто не уполномочил заниматься политикой. Брось это дело".

В памфлете, изданном в Италии и подписанном псевдонимом "Швейцария", говорилось: "Сбывается пророчество св. Джованни Боско, предсказывавшего, что наступят времена, когда казацкие лошади будут пить воду из фонтанов на площади св. Петра". А кардинал Сири заявил, что для того, чтобы исправить зло, нанесенное церкви этой энцикликой, потребуется не менее пятидесяти лет.

Подобных высказываний было множество, но они не волновали Иоанна XXIII.

Священник Надзарено Фаббретти, сторонник обновленцев, с возмущением писал в итальянской "Газетта дель пополо": "Стало совершенно ясно, что энциклика "Пацем ин террис" не только принесла Иоанну XXIII 20000 посланий со всех уголков мира с выражением благодарности и солидарности с ним, но и нарушила душевное спокойствие некоторых консервативных католических кругов, а также родственных им и связанных с ними умеренных и консервативных течений. Совершенно открыто проводится безудержная клеветническая кампания, которая представляет Иоанна XXIII как "красного папу", открывшего коммунизму врата собора св. Петра...

Многие из нас слышали собственными ушами в поездах, в домах, на улицах оскорбления, которыми не боятся осыпать святого отца.

Но горько думать, что такая безудержная и истерическая реакция наблюдается не столько в правых кругах в Италии и во всем мире, сколько в некоторых католических консервативных кругах, и в том числе (почему не сказать то, что все, увы, знают?) среди некоторых священнослужителей. Она выражается как в снисходительных улыбках, так и в явном осуждении.

Было бы менее абсурдно, если бы выявилось, что с папой абсолютно не согласны широкие католические слои. Однако нелепо и унизительно знать, что это несогласие проявляет немалое число ответственных людей, которые должны быть примером и образцом послушания папе для тех, за кого они призваны отвечать".

Эта мышиная возня вокруг энциклики "Мир на земле" отнюдь не умаляет ее значения как документа, осуждающего гонку вооружений и войну.

"Пацем ин террис"-это последняя энциклика Иоанна XXIII. Его понтификат не был урожайным на энциклики: их всего четыре.

Последние дни "красного папы"

В середине мая 1963 г. Иоанн XXIII слег. Его личный врач венецианец Гаспарини и многие другие специалисты, постоянно наблюдавшие за его здоровьем, осмотрев пациента, пришли к выводу, что надежды на выздоровление нет и что теперь следует лишь стараться облегчить страдания больного.

23 мая папа в последний раз поднялся с постели и подошел к окну своей спальни, чтобы взглянуть на площадь св. Петра, как всегда запруженную многоликой и разномастной толпой. Он как бы прощался с Римом. Силы его слабели с каждым днем. И хотя журналистов и близко не подпускали к папским покоям, газеты во всех подробностях описывали последние этапы его болезни.

Иоанн XXIII сильно исхудал, глаза впали, цвет лица стал землистым. Но ясное сознание не покидало его до последних минут. За день до кончины папа дважды принял своего статс-секретаря Амлето Чиконьяни, который докладывал ему о текущих делах. Кардиналы наносили ему прощальные визиты. Приехали проститься с ним его братья и сестра.

Ватиканское пресс-бюро, опасаясь преждевременного сообщения о смерти папы, как это случилось во время болезни Пия XII, стало трижды в день выпускать бюллетени о состоянии здоровья Иоанна XXIII.

3 июня 1963 г. в 19 часов 49 минут Иоанн XXIII скончался.

Некоторое время спустя один журналист спросил его брата 89-летнего Дзаверио Ронкалли:

- Считаете ли вы святым папу Иоанна XXIII?

- Святым? - переспросил Дзаверио.- Того, кто не попадет в ад, можно, пожалуй, считать святым, а он в ад не попадет. Он всегда был добрым.

- Согласен, но был ли он святым?

- Он всегда был добрым. Таких священники считают святыми.

НА ПАПСКОМ ТРОНЕ ПАВЕЛ VI.

Джованни Баттиста Монтини, родился 26 сентября 1897 г. в Кончезио (провинция Брешиа) в семье католического политического деятеля. Ватиканский дипломат. Важнейшие посты в церкви: заместитель статс-секретаря при Пии XII, архиепископ Миланский, кардинал. Избран папой 21 июня 1963 г., принял имя Павел VI. Прозвище "Гамлет". Под его руководством Второй Ватиканский собор завершил свою работу принятием ряда решений обновленческой ориентации. Реорганизовал римскую курию, учредил синод церкви. Придерживался центристского курса. Осудил "мятежную церковь", получившую распространение в Латинской Америке. В вопросах международной политики выступал за мир, разоружение, разрядку. Павел VI скончался 6 августа 1978 г., когда книга уже находилась в печати.

Папа умер, да здравствует папа!

И снова хоронят папу, и спешат кардиналы в Рим на конклав, и снова газетчики и дипломаты дают оценку истекшему понтификату и гадают, кого изберут "пурпуроносцы" на место усопшего.

Знакомая картина, которая периодически повторяется в Ватикане и к которой римляне привыкли как к карнавалу или другому зрелищу, характерному для Вечного города.

Иоанн XXIII, несомненно, был необычной фигурой на папском престоле. Можно по-разному относиться к его деятельности, взглядам, высказываниям, но бесспорно одно: понтификат папы Ронкалли явился переломным периодом в современной истории католической церкви.

Это выразилось, пожалуй, наиболее ярко в трех моментах его политики. Во-первых, в его отходе от курса "холодной войны", который с фанатическим упорством проводил Пий XII, и в поддержке идеи мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Во-вторых, в признании необходимости и полезности контактов и диалога между католиками и коммунистами. В-третьих, в отказе от политики отлучений в отношении инакомыслящих и в признании права на существование внутри католической церкви различных группировок, течений и мнений.

Деятельность Иоанна XXIII свидетельствовала о его отходе от политики оголтелого антикоммунизма, которую осуществлял Ватикан со времени Пия IX. Иоанн XXIII отказался и от антисоветизма, чуть ли не возведенного в новую догму Бенедиктом XV.

Папа Ронкалли не совершил переворота в католической церкви, не изменил ее догматики, ее богословских установок, ее организации, сложившейся в результате многовековой практики. Но он способствовал созданию предпосылок для превращения авторитарной церковной машины, тесно связанной с интересами крайней реакции, в более либеральный и созвучный современным условиям организм, действующий с учетом стремлений к прочному миру и социальному прогрессу многомиллионных масс католиков не только в Западной Европе и США, но и в развивающихся странах.

Если к сказанному прибавить созыв им вселенского собора, первая сессия которого показала, что курс Иоанна XXIII пользуется поддержкой подавляющего большинства церковных иерархов, то станет понятно, насколько действительно знаменательным был для церкви понтификат этого папы.

Иоанн XXIII не успел довести до конца свои начинания. Он ушел из жизни, не дожив до завершения работы собора, будущее которого с его смертью представлялось весьма туманным. В церковном аппарате ему не удалось осуществить сколько-нибудь значительных изменений: интегристы продолжали удерживать в нем многие ключевые позиции.

После смерти Иоанна XXIII в кардинальской коллегии не было человека, которого можно было бы считать его идейным наследником, продолжателем его дела. Из итальянских кардиналов самым близким к нему человеком считался статс-секретарь Амлето Чиконьяни, но он был слишком стар для папабиле. Ему уже исполнилось 80 лет. Джованни Урбани, наследовавший после Ронкалли патриарший престол в Венеции и слывший за центриста, был мало известен иностранным кардиналам (а они составляли большинство на конклаве) и поэтому имел очень мало шансов быть избранным. Другие сторонники Иоанна XXIII в кардинальской коллегии были слишком молоды и еще ничем особенным себя не проявили.

Реально претендовать на папскую тиару мог, пожалуй, лишь 66-летний кардинал Джованни Баттиста Монтини, архиепископ Миланский, имевший репутацию либерала, несмотря на свое многолетнее сотрудничество с Пием XII.

Монтини решил, что лучший путь достичь заветной цели - это не высказываться по спорным вопросам, разделяющим духовенство. На первой сессии собора Монтини, к удивлению многих наблюдателей и вопреки некоторым прогнозам, отводившим ему роль лидера обновленцев, или отмалчивался, или выступал с таких позиций, что трудно было понять, кого, собственно говоря, он поддерживает, а кого осуждает. Иоанн XXIII, наблюдавший эту игру Монтини на соборе, как-то назвал его Гамлетом. И это прозвище за ним закрепилось. Такая осмотрительность Монтини на соборе могла принести ему на конклаве поддержку как обновленцев, составлявших приблизительно половину членов конклава, так и центристов и даже некоторых либерально настроенных консерваторов и, таким образом, обеспечить ему необходимые для избрания 2/3 голосов.

19 июня вечером кардиналы прошествовали в Сикстинскую капеллу, сопровождаемые церковным хором, распевавшим духовные гимны, швейцарскими гвардейцами и высокопоставленными ватиканскими прелатами. Каждого кардинала сопровождали на конклав два ассистента, что было очень кстати, ибо из 80 князей церкви, участвовавших в конклаве, добрая треть по немощности и дряхлости не могла передвигаться без посторонней помощи. Некоторых просто несли на руках.

Выборы папы прошли сравнительно гладко и быстро. Конклав длился всего 42 часа и 22 минуты. Большинство участников конклава сошлось на том, что кардинал Монтини, этот

долголетний сотрудник Пия XII, попавший к нему в немилость вскоре после второй мировой войны, был достойнее других занять место наместника бога на земле. Монтини получил большинство в 2/3 голосов в шестом туре. В 11 часов 33 минуты утра 21 июня 1963 г. белый дымок, выходящий из высокой и тонкой трубы над апостолическим дворцом, возвестил миру, что новый папа избран, а в 12 часов 18 минут с балкона собора св. Петра кардинал Оттавиани объявил: "Habemus papam!"

Став папой, Монтини избрал себе имя Павла VI, весьма редко встречающееся в истории папства. Хотя апостол Павел считается наряду с Петром основателем папства, его именем до Монтини назвались только пять верховных руководителей католической церкви.

Кардинал Сюененс, один из лидеров обновленческого течения, истолковал решение Монтини так: "Имя, выбранное Джованни Баттистой Монтини, восходя к памяти св. Павла, апостола людей, означает стремление повернуть церковь лицом к миру, означает проповедь и диалог".

31 июня состоялась коронация нового папы. Впервые с 970 г., когда короновался папа Лев III, она происходила не внутри собора св. Петра, а на его паперти, под открытым небом, в присутствии стотысячной толпы, заполнившей до отказа прилегающую к собору площадь. Церемония коронации передавалась по телевидению. Было и другое нововведение:

коронация продолжалась не шесть часов, как того требовала традиция, а всего три. По-видимому, ее организаторы решили, что для телезрителей, да и для присутствовавших на площади людей шесть часов-слишком много.

В 6 часов вечера папу вынесли из Ватикана через Бронзовые врата на тронном кресле к алтарю, сооруженному на паперти. Его сопровождали кардиналы и прочие ватиканские вельможи.

На паперти папа сослужил торжественную мессу и произнес перед микрофонами проповедь-тронную речь. Он начал по-латыни, затем перешел на итальянский, французский, английский, немецкий, испанский, португальский языки. Несколько слов он произнес по-русски.

На часах пробило 20.30. На площадь опустились сумерки. Зажглись десятки прожекторов, наступил момент коронации. Кардинал-диакон Оттавиани возложил тиару на голову Монтини. Стотысячная толпа на площади разразилась аплодисментами, возгласами: "Да здравствует папа!", "Павлу VI-ура!"

Папской тиаре газеты уделили особое внимание. Тиара Павла VI была изготовлена по заказу Миланской епархии из серебра и золота. Украшенная бриллиантами, рубинами и другими драгоценными камнями, она оценивалась во много десятков миллионов лир. Но это была далеко не самая ценная корона в ватиканском собрании папских тиар. Например, тиара папы Юлия II (XVI в.) оценивается ныне в 1 млн. долларов, ее украшает 120-каратный рубин и жемчужина величиной с орех. Она сделана из чистого золота и весит 2,5 кг. Всех пап конца XIX и первой половины XX в. короновали тиарой, изготовленной для Пия IX. Она тоже усыпана множеством ценных камней, но в Ватикане вам по секрету скажут, что Пий X заменил в ней многие камни менее ценными и даже стекляшками. Для Павла VI решено было изготовить новую тиару.

Итак, Павел VI увенчан тиарой. С этого момента он официально считается понтификом. Церемония коронации подходит к концу. Оттавиани зачитал декрет нового папы, дарующий индульгенцию - прощение грехов - всем присутствовавшим на этой церемонии. Папа вновь уселся на тронные носилки, и его унесли через те же Бронзовые врата во внутренние покои Ватикана. На этом торжества коронации завершились.

Путь наверх монсиньора Монтини.

Когда сошли со страниц газет и журналов отчеты, комментарии, очерки о коронации, были пропеты приличествующие случаю дифирамбы новому понтифику, печать приступила к более уравновешенному, объективному и всестороннему анализу личности и прошлой деятельности Монтини, пытаясь на этой основе прогнозировать будущее его поведение. Обозреватели искали ответы на вопросы: продолжит ли новый папа реформистский, обновленческий курс Иоанна XXIII или вернется к курсу своего бывшего патрона Пия XII? куда, в какую сторону пойдет под его руководством

Второй Ватиканский собор? или, может быть, следующая сессия собора вообще не состоится?

Что ж, последуем их примеру и ознакомимся более детально с биографией преемника Иоанна XXIII.

Джованни Баттиста Монтини родился в семье католического политика и журналиста, богатого землевладельца и адвоката, председателя Избирательного союза итальянских католиков, деятеля католической Народной партии, депутата от этой партии в парламенте Италии после первой мировой войны. Мать Монтини руководила организацией женщин-католичек в Брешии. Брат его, Людовико, неоднократно избирался депутатом итальянского парламента от демохристианской партии.

В детстве Монтини отличался слабым здоровьем, и это, по-видимому, сыграло роль в выборе им церковной карьеры. После окончания в 1916 г. лицея, носившего имя "еретика" Арнольда Брешианского, вождя Римской республики в XII в., казненного по приказу папы, Монтини поступает в семинарию, но живет дома и сдает экзамены экстерном. В 1920 г. он получает сан священника и едет в Рим, где изучает католическую философию в Грегорианском университете и одновременно слушает лекции на литературном факультете Государственного университета. В Риме его заметил заместитель статс-секретаря монсиньор Пиццардо, уговоривший Монтини оставить оба университета и поступить в Академию дворянских священников-так называлась тогда ватиканская дипломатическая школа. В 1923 г., после окончания академии, Монтини получает направление в нунциатуру в Варшаву, где он некоторое время работает под руководством нунция Акилле Ратти, будущего папы Пия XI. Однако климат Польши отрицательно сказался на здоровье Монтини. Он вскоре возвращается в Рим, где в апреле 1925 г. поступает "минутантом" (клерком) в статс-секретариат. Так началась служба Монтини в этом важнейшем ватиканском ведомстве. В общей сложности он проработал там 30 лет, из них 15-на посту заместителя статс-секретаря.

1925 год-сложный, насыщенный острыми конфликтами в политической жизни Италии;

Фашисты, захватив при поддержке крупной буржуазии, королевского дома и правых католиков власть, пытаются ликвидировать все оппозиционные партии и группировки, в том числе массовые католические организации, в которых сильны антифашистские настроения. Одной из них являлась ФУЧИ - Итальянская католическая университетская федерация, объединявшая студентов-католиков. По рекомендации того же Пиццардо, который руководил тогда "Католическим действием", молодого Монтини назначают духовным советником, а по существу, неофициальным руководителем этой организации. Под его контролем находился центральный орган ФУЧИ "Акционе фучина" и ее издательство "Студиум". Эти функции он выполнял в течение восьми лет, совмещая их с работой в статс-секретариате. Участие в деятельности ФУЧИ дает ему богатый политический опыт, в эти годы он непосредственно сталкивается с фашистскими политиканами, стремившимися использовать церковь в своих интересах.

"На заре фашистского режима,- писал в органе Компартии Италии "Унита" коммунистический деятель Паоло Сприано,- молодое поколение студентов-католиков видело в Монтини советника и стойкого вдохновителя в делах, требующих осторожного подхода. Многие вспоминают о его проницательности, благодаря которой ему удавалось сохранять у вверенной ему молодежи определенную независимость в душной атмосфере фашистского режима".

После подписания Латеранских соглашений Монтини оставляет ФУЧИ и всецело сосредоточивается на работе в статс-секретариате, если не считать лекций по истории папской дипломатии, которые он читает в ватиканской дипломатической школе.

В статс-секретариате он работает вначале с кардиналом Гаспарри, занимавшим пост статс-секретаря, а после его смерти - с Эудженио Пачелли, будущим папой Пием XII. И Гаспарри и Пачелли очень ценили этого сотрудника чрезвычайно трудоспособного, исполнительного, немногословного, сдержанного, всегда подтянутого.

В те годы многие считали Монтини истинным вдохновителем политики папского престола и рассматривали его как возможного преемника статс-секретаря. Монтини, безусловно, играл определяющую роль в создании политического католического итальянского

движения в период с 1942 по 1948 г., в разработке политической программы христианско-демократической партии.

С избранием в 1939 г. Пачелли папой и смертью статс-секретаря Луиджи Малиони в 1944 г. Монтини назначается сперва заместителем статс-секретаря, а потом просекретарем - титул, специально созданный для него. Должность статс-секретаря оставалась незанятой, так как Пий XII предпочитал сам выполнять эти функции.

В августе 1951 г. Пий XII направляет Монтини в Соединенные Штаты с особо важной миссией-добиться установления с этой страной дипломатических отношений. Монтини добивается того, что президент Трумэн вносит в конгресс предложение назначить генерала Кларка, бывшего командующего союзными оккупационными войсками в Италии, послом США при Ватикане. Но большинство членов конгресса отвергло это предложение. Пий XII, профашистские симпатии которого были обще известны, выглядел одиозной фигурой даже для далеко не прогрессивных членов конгресса.

Хотя визит Монтини в США и не принес желаемого результата в плане установления дипломатических отношений с Ватиканом, все же он позволил ему укрепить личные связи с американскими иерархами, в частности с их главой кардиналом Спеллманом, что было отнюдь не маловажно, особенно если иметь в виду, что кое-кто видел в Монтини будущего преемника Пия XII.

Была ли у Монтини в период его работы в статс-секретариате своя, особая, отличная от взглядов Пачелли точка зрения на происходившие в мире события, в частности на взаимоотношения церкви с фашизмом, вторую мировую войну, послевоенное устройство, "холодную войну"? Серьезных расхождений с Пием XII у него не было, по крайней мере до начала 50-х годов.

И тем не менее в силу ряда обстоятельств, о которых уже упоминалось в главе, посвященной понтификату Пия XII, Монтини прослыл либералом. Он проявлял большой интерес к социальному вопросу, по его инициативе, одобренной Пием XII, были созданы АКЛИ (Итальянские католические рабочие ассоциации). Они проводили в профсоюзном движении антикоммунистическую линию церкви и демохристианской партии, но делали это под прикрытием весьма радикальных лозунгов, что вызывало раздражение и недоверие к ним ультраправых церковных кругов. В самой демохристианской партии симпатией Монтини пользовалось либеральное крыло, возглавляемое тогда молодыми профессорами Ла-Пирой, Доссети и Фанфани. Пий XII относился с недоверием к этому течению, считая его чуть ли не прокоммунистическим. Кроме того, утверждали, что Монтини сочувствовал французскому теологу-неотомисту Жаку Маритену, выступавшему тогда за разрядку международной напряженности, за что его труды угодили в индекс запрещенных книг.

В 1954 г. происходит очевидное охлаждение Пия XII к Монтини. Пий XII якобы предложил Монтини и второму заместителю статс-секретаря Тардини шапку кардинала. Но Монтини, не желая допустить в кардинальскую коллегию реакционера Тардини, решительно отказался от этой чести, чем вынудил отказаться от нее и Тардини. Последовало назначение Монтини архиепископом Милана. Хотя эта должность связана с присвоением кардинальского звания, Пий XII не счел нужным вторично предлагать его своему бывшему просекретарю, как, впрочем, и Тардини. Знатоки ватиканских дел утверждают, что отношения между Пием XII и Монтини после отбытия последнего в Милан, по существу, прервались. Назначение Монтини в Милан, таким образом, расценивается как опала попавшего в немилость к Пию XII ватиканского сановника.

В Милане при жизни Пия XII Монтини пытался представить себя "архиепископом рабочих". В 1957 г. он провел так называемую "миланскую миссию" - широкую пропагандистскую кампанию, целью которой было добиться "возвращения рабочих в лоно церкви". Это мероприятие, несомненно, было направлено против коммунистического влияния на трудящихся, однако Монтини старался не придавать ему характера "крестового похода против коммунизма". Избегая анафем и проклятий в адрес коммунистов, он пытался убедить трудящихся, что только церковь-подлинный друг рабочих, защитник их прав и интересов, что именно она способна добиться существенного повышения уровня их жизни. Кампания продолжалась с 4 по 23 ноября 1957 г. Она стоила около 500 млн. лир. За этот период церковники произнесли 7 тыс. проповедей и лекций, провели сотни различных мероприятий,

посетили десятки заводов и фабрик. В кампании участвовали кардиналы Сири и Леркаро, 24 архиепископа и епископа, 600 священников, 597 монахов, сотни семинаристов.

Напутствуя участников кампании, Монтини предупреждал их, что в своих выступлениях они должны воздерживаться от прямых нападок на политических противников (читай: коммунистов). Не следует давать повод для подозрений, что "миссия" является политическим, а не чисто религиозным мероприятием. "Мы повторим ясно наше осуждение атеизма,- поучал Монтини,- и всех других ошибок, но отнесемся с исключительным уважением даже к тем, кто, к сожалению, их исповедует".

Призывая священников смело вторгаться в среду трудящихся, Монтини, однако, предупреждал их "не превращаться в солдат, которые вместо того, чтобы сражаться, сдаются противнику" (явный намек на эксперимент священников-рабочих во Франции, осужденный Ватиканом).

В период кампании Монтини лично посещал фабрики и заводы и произносил перед рабочими прочувственные проповеди: "Когда я посещаю предприятия,сказал Монтини, выступая перед рабочими завода "Грациола",-мне кажется, что у многих возникает вопрос: "Что нужно здесь этому человеку?" Между моим миром и вашим существует большая враждебность, но она безосновательна. Я не считаю ваш мир враждебным моему, а мой-враждебным вашему; более того, я считаю себя вашим другом и соседом, способным понять вас..."

Эта гигантская пропагандистская кампания закончилась полным провалом: после нее на Севере Италии число голосующих за компартию не только не уменьшилось, но продолжало расти.

Монтини не чурался и прямых контактов с коммунистами. На одном из официальных приемов кардиналу Монтини представили муниципального советника Коссуту, секретаря Миланской федерации коммунистической партии. Кардинал сказал: "Я сожалею, что у нас столь мало оказий для встреч... Тем не менее прошу мне верить, что я с особой симпатией слежу за вашей деятельностью..." На что коммунист Коссута ответил: "Уверяю вас, что и мы наблюдаем с большим вниманием за вашей деятельностью".

Даже обмен подобными ничего не значащими любезностями между кардиналом и коммунистом во времена Пия XII, предававшего коммунистов анафеме, приобретал особый политический смысл, тем более что это происходило в миланской епархии, возглавлявшейся до Монтини реакционно настроенным кардиналом Альфонсо Шустером.

Обратило на себя внимание и то обстоятельство, что, будучи архиепископом Милана, Монтини направил телеграмму диктатору Испании Франко с просьбой помиловать осужденных на смерть испанских антифашистов. Больше никто из итальянских епископов и архиепископов не решился на такой шаг. Находясь на посту архиепископа Миланского, Монтини совершил две кратковременные поездки за рубеж. Он посетил Уганду и Бразилию. В Рио-де-Жанейро он от местного католического университета получил почетную степень доктора наук. В Бразилии установил тесную связь с епископом Элдером Камарой, который станет после Второго Ватиканского собора лидером латиноамериканских обновленцев.

Пий XII подозрительно относился к бурной деятельности своего бывшего сотрудника и до самой смерти не проявлял желания вновь сблизиться с ним. Как уже было сказано, кардинальскую шапку Монтини получил из рук Иоанна XXIII.

При Иоанне XXIII, когда католические иерархи разделились на сторонников и противников обновления церкви, Монтини держался в стороне от тех и других. Тем не менее он прекрасно отдавал себе отчет, что изменения, происшедшие в церкви и связанные с именем Иоанна XXIII, носят необратимый характер и что возврата к курсу Пия XII быть не может. Уже в своей проповеди на панихиде в честь покойного папы Иоанна XXIII 7 июня 1963 г. Монтини отчетливо выразил эту мысль, сказав: "Иоанн XXIII указал нам некоторые направления, и было бы благоразумно не только помнить о них, но и придерживаться их. Его смерть не может погасить тот дух, который он придал нашей эпохе".

В первом своем послании к верующим, переданном по ватиканскому радио, Павел VI, отдавая дань памяти Пия XI и Пия XII, сказал: "...с особым волнением и благочестием мы вспоминаем образ покойного Иоанна XXIII, который за короткий, но весьма интенсивный

период своей пастырской деятельности завоевал любовь людей, в том числе и тех, кто находится очень далеко отсюда". Папа заявил, что хочет приложить все усилия "для сохранения среди народов великого блага человечества - мира".

Какие же из всего вышеизложенного можно было сделать выводы о курсе, который намеревался проводить Павел VI?

На этот вопрос влиятельная французская газета "Монд", связанная с католическими кругами, отвечала следующим образом: "По своему характеру новый папа более политик, чем тот, который только что умер. В Риме, как и в Милане, он был тесно связан с внутренней жизнью Италии, тогда как карьера Иоанна XXIII проходила в основном за границей. Суровый, худощавый, с развитым интеллектом, он не отличается ни добродушием Иоанна XXIII, ни его чувством юмора. Он, несомненно, будет преследовать те же цели, но более расчетливо и, вероятно, будет прислушиваться больше к голосу разума, чем сердца.

Нет никакого сомнения, что при нем церковь больше, чем когда бы то ни было, будет стремиться "присутствовать" в нынешнем мире. Что касается условий такого "присутствия", то можно с уверенностью сказать, что у 263-го наместника св. Петра имеются вполне определенные взгляды на этот счет".

Собор заседает, дебаты продолжаются.

Павел VI был избран 21 июня, а 29 сентября, то есть три месяца и восемь дней спустя, должна была начать работу вторая сессия собора. Естественно, что основной заботой нового папы была эта предстоящая сессия собора. Ведь от того, куда пойдет собор, какими будут его решения, кто победит на нем, обновленцы или интегристы, зависело будущее церкви, будущее папского престола.

Судьба собора в значительной степени находилась в руках Павла VI. И в наши дни "непогрешимый самодержец католической церкви" при желании мог распустить собор, отложить его заседания, отменить или не утвердить его решения, наконец, он обладал многочисленными средствами давления на соборных отцов, чтобы заставить их занять соответствующую его взглядам позицию.

Пока журналисты гадали, как поведет себя новый папа по отношению к собору, в Ватикане шла ожесточенная закулисная борьба между обновленцами и интегристами. В соборных комиссиях, где готовились документы, схемы, в конгрегациях, в кардинальской коллегии и других учреждениях курии плелись интриги, осуществлялись хитроумные маневры, распускались всякого рода слухи с целью подорвать позиции противника.

Иной была обстановка в церковных кругах других стран. Точно проснувшись от многовековой спячки, многие прелаты ФРГ, Франции, Голландии, Бельгии и даже Испании во всеуслышание заявляли, что церковь, ее литургия, догматика, ориентация нуждаются в реформах, что вся церковная организация, в особенности курия, требует перестройки и демократизации. Некоторые откровенно высказывались за отмену догмата непогрешимости папы, за участие в конклаве наряду с кардиналами руководителей национальных епископатов и католиков-мирян, требовали ликвидации одиозной конгрегации священной канцелярии и не менее одиозного индекса запрещенных книг.

Еще смелее и решительнее высказывались в этом плане соборные отцы представители развивающихся стран. Они требовали пропорционального представительства в органах курии, осуждения колониализма и расовой дискриминации, настаивали на реорганизации устаревшей системы миссионерской службы.

Особенно радикальными были высказывания церковных иерархов Латинской Америки, где быстро развивался революционный процесс, захватывающий широкие круги верующих. Опасаясь потерять влияние на верующих, многие церковные деятели стали выступать с требованиями коренных социальных преобразований как единственного средства, могущего, по их мнению, приостановить неминуемый рост коммунистического влияния в массах.

Именно в таком духе высказался в июне 1963 г. чилийский кардинал Рауль Сильва Энрикес. Он потребовал от власть имущих преодолеть "несбалансированную" социальную систему и улучшить положение миллионов бедствующих, иначе это будет сделано "коммунистическими методами".

В мае 1963 г. перуанский епископат опубликовал заявление, в котором призывал правительство изменить социальные условия в стране, предупредив, что иначе возникнет "вирус", который приведет к "социальному краху". Подобное же заявление опубликовал и бразильский епископат.

Архиепископ Медельина (Колумбия) предложил начать "революцию святого креста". Выступая перед верующими, он сказал: "Мы живем во время, когда следует осуществлять социальный прогресс более быстрыми темпами и быть более уступчивыми, святая революция должна победить революцию язычества. В этой битве каждая минута является решающей".

Влиятельный бельгийский иезуит Роже Е. Вакеманс, один из советников Эдуардо Фрея, лидера демохристианской партии Чили, выступая в том же 1963 г. на симпозиуме по латиноамериканским делам в Вашингтоне, говорил: "Без глубоких и быстрых социальных изменений, имеющих подлинно революционный размах, невозможно достигнуть действительного и скорого экономического развития в Латинской Америке, а без действительно впечатляющего экономического развития не возможно соответствующим образом противостоять революционному кризису, бушующему в этом районе".

Таких высказываний можно было бы привести немало. На первый взгляд они могут показаться противоречивыми, нелогичными. С одной стороны, церковники призывали к осуществлению революционных преобразований, с другой-противопоставляли их социальной революции, коммунизму, хотя коммунисты всегда готовы поддержать любые социальные изменения в интересах трудящихся. В действительности же в сверхрадикальных высказываниях церковных иерархов все было логично. Дело в том, что под революционными преобразованиями они подразумевали весьма ограниченные реформы буржуазного характера.

Обновленцы из стран Западной Европы и США отнюдь не проявляли такого "революционного" пыла. У них были свои заботы. Они требовали отмены мелочной опеки со стороны курии, большей свободы действий и автономии для национальных епископатов, надеясь таким образом укрепить свои связи с правящими кругами своих стран. Они стремились сблизиться на антикоммунистической основе с консервативными деятелями других религиозных направлений. В политике они занимали такие же реакционные позиции, как и интегристы, и вовсе не были заинтересованы в радикализации церковной социальной доктрины.

Интегристы, страдавшие политической близорукостью, не сумели использовать эти противоречия в лагере обновленцев для укрепления своих позиций. Они все еще уповали на то, что, используя свое влияние в курии, сумеют столкнуть собор вправо. Характерным в этом отношении было выступление в конце августа 1963 г. в городе Ассизе (Италия) заместителя кардинала Оттавиани на посту главы конгрегации священной канцелярии монсиньора Пьетро Паренти, который заявил: "Первая сессия собора разворошила осиное гнездо внутри церкви и за ее пределами... Много дерзостей написано в последнее время против римской курии и ее догматизма, ее жестокости, и, конечно, более всего нападок выдержала конгрегация священной канцелярии - главный орган церкви. Эта... наглость не беспокоит нас, но дает нам повод напомнить санкюлотам теологии (сторонникам обновления.-И. Г.), что их дерзость-дочь иллюзий. Вселенский собор не изменит лица католической, апостольской, римской церкви". С. Маркович. Тайные недуги католицизма.

А какую же позицию занимал по этим вопросам папа? Павел VI-это прежде всего политик, привыкший иметь дело и считаться с существующими реальностями. Разумеется, он не хотел развала церкви, более того, он стремился его предотвратить, но не путем отстаивания прежних, дособорных позиций, а путем разумных реформ. Однако он не намеревался стать в оппозицию к влиятельному интегристскому крылу. Более того, он, как, впрочем, и Иоанн XXIII, вынужден был временами идти ему на уступки и даже опираться на него в тех случаях, когда обновленцы заходили, по его мнению, слишком далеко влево или забегали слишком далеко вперед. Такой была позиция Павла VI по отношению к внутрицерковным делам. Что же касается внешнеполитических вопросов, то Павел VI весьма последовательно высказывался за политику мира и международной разрядки. В этих вопросах он пошел еще дальше, чем Иоанн XXIII. Павел VI не только приветствовал подписание Договора о запрещении ядерных испытаний, но и направил по этому случаю главам "атомных"

держав поздравительные телеграммы. В телеграмме от 5 августа 1963 г. на имя Председателя Совета Министров СССР Павел VI писал следующее:

"Подписание Договора о запрещении ядерных испытаний глубоко взволновало нас, так как мы видим в нем доказательство доброй воли, залог согласия и обещание более безоблачного будущего, что приветствует наша душа, всегда стремящаяся к благополучию человечества. Вместе с удовлетворением, которое мы испытываем в связи с осуществлением надежды, возникающей во всех частях мира, мы шлем наши поздравления по поводу заключения договора, который приносит столь большое облегчение и является столь значительным. Мы молим бога, чтобы он проложил путь новому и истинному миру на земле".

Следует подчеркнуть, что это было первое за время существования Советского государства дружественное послание римского понтифика советскому руководителю. Оно было встречено с одобрением мировым общественным мнением.

x x x

Вторая сессия собора открылась 29 сентября 1963 г.

Выступая на ее открытии, Павел VI поставил перед собором следующие четыре задачи:

глубоко изучить состояние церковных дел во всем их многообразии, реформировать и внутренне обновить церковь, способствовать единению христиан и начать "диалог с миром", их окружающим. Все эти четыре задачи были созвучны программе обновленцев.

Папа явился на собор не в тиаре, а в митре, что как бы уравнивало его со всеми соборными отцами и было воспринято как жест в сторону обновленцев. На второй сессии была отменена присяга о неразглашении соборных дебатов. Требование хранить в секрете то, что происходит на соборе, в котором принимало участие 2500 соборных отцов и сотни ватиканских чиновников, было практически нереальным.

В ходе второй сессии собора, которая продолжалась до 4 декабря 1963 г., было проведено 43 пленарных заседания. На них обсуждались пять различных схем. Каждая схема вызывала бурные споры между обновленцами и интегристами. В середине октября конференция итальянских епископов, возглавляемая ультраправым кардиналом Сири, приняла документ, в котором ополчилась в духе "холодной войны" против коммунистов и коммунизма. Этот документ был приурочен к очередным выборам в Италии. Сири и его сторонники пытались добиться создания в Италии правого блока-от демохристиан до неофашистов. Итальянские интегристы стремились заручиться поддержкой собора. Однако Павел VI и большинство соборных отцов воспрепятствовали их маневрам.

Интегристы потерпели поражение и в вопросе о так называемой ответственности евреев за распятие Иисуса Христа. Сторонники экуменизма выступали на соборе за сближение со всеми религиями мира, включая и иудаизм. Они настаивали на изъятии из всех церковных текстов обвинительных тирад в адрес евреев. В то же время, опасаясь, что это может ухудшить отношения католиков с мусульманами, сторонники "реабилитации" евреев заявляли, что она не означает оправдания сионизма. Несмотря на оппозицию интегристов, распространивших среди участников собора документ со злобными выпадами против евреев, подавляющее большинство соборных отцов высказалось за их "реабилитацию".

При обсуждении схемы "О церкви" обновленцы также одержали внушительную победу. Собор большинством голосов поддержал тезис обновленцев о том, что верховной властью в церкви является коллегия епископов вместе с папой. Интегристы же утверждали, что этот тезис ограничивает права папы как непогрешимого самодержца. За тезис обновленцев проголосовало 1808 человек, против- 336. Предложение обновленцев о восстановлении института диаконата и об уравнении диаконов, которым разрешалось жениться и иметь детей, в правах со священниками получило поддержку 1588 соборных отцов, против проголосовало 525.

Яростные споры вызвало положение о свободе совести, означавшее признание церковью за людьми права исповедовать любую религию или придерживаться атеистических взглядов. Хотя свобода совести существует (по крайней мере формально) во всех католических странах, официально церковь до собора считала, что "истинной" религией является католицизм, все же остальные культы, а тем более атеизм провозглашались ошибочными, вредными, достойными лишь осуждения. Однако было очевидным, что если

церковь стремится наладить отношения с другими культами и установить диалог с неверующими, то выступать против свободы совести уже нельзя. И все же интегристы продолжали с пеной у рта защищать преимущественные права католицизма. Но и здесь они потерпели поражение.

И все же результаты работы второй сессии собора были почти столь же незначительны, как и первой. Удалось полностью завершить обсуждение лишь одной схемы и соответственно принять лишь один документ - конституцию "О св. литургии".

Какие новшества внес собор в литургию католической церкви? Главным, несомненно, было разрешение проводить богослужение не на латыни, а на национальных языках. Кроме того, была упрощена сама процедура богослужения, что сократило его время наполовину. Собор рекомендовал впредь строить католические храмы без излишнего великолепия и украшательств, в "функциональном стиле".

Павел VI не принимал прямого участия в дебатах второй сессии собора, он руководил ею, так сказать, из-за кулис. Хотя он открыто не осуждал интегристов, все указывало на то, что симпатии его находились на стороне обновленческого большинства собора. В дни работы второй сессии он пообещал реформировать курию, наделить большими правами местные епископаты. Павел VI явно выражал стремление идти в ногу со временем, но не убыстряя шага, не опережая событии, не вырываясь вперед. Ближе всего ему была позиция умеренных обновленцев, представлявших церковную иерархию развитых капиталистических стран.

Диалог - с кем, во имя чего?

Итак, собор затягивался, и трудно было предсказать, сколько еще понадобится сессий для его завершения. Между второй сессией собора и третьей, которая должна была начать свою работу в сентябре 1964 г., внимание общественности привлекли два события в жизни католической церкви: поездка Павла VI в Иерусалим и энциклика "Ecclesiam suam" ("Своей церкви") -первый программный документ нового папы.

Монтини, в отличие от Ронкалли, до своего избрания папой сравнительно мало ездил по белу свету. Зато, став Павлом VI, он посетил многие страны и почти все континенты. За 13 лет своего понтификата Павел VI проделал на самолете путь в 133 тыс. км. Он побывал кроме Иерусалима в 1964 г. в Индии (в Бомбее), где выступил на 37-м Международном евхаристическом конгрессе, в 1965 г.- в Нью-Йорке, где произнес речь на Генеральной Ассамблее ООН и встретился с президентом США, в 1967 г.-в Португалии и Турции, в 1968 г.-в Колумбии, где принял участие в очередном Международном евхаристическом конгрессе. Кроме того, папа посетил в 1969 г. Женеву, где нанес визиты в Международную организацию труда и Всемирный совет церквей. В 1970 г. он побывал в Гонконге, Джакарте и Маниле. В последние годы, по-видимому по причине преклонного возраста, Павел VI за пределы Италии не выезжал.

О своем намерении посетить Иерусалим папа сообщил, выступая на закрытии второй сессии собора. Тогда часть Иерусалима находилась под контролем Израиля, часть-Иордании.

Какие цели преследовал Павел VI этим визитом? Судя по комментариям печати, направляясь в "святые места", где до него не побывал ни один папа, Монтини стремился наладить прямые связи как с арабами, так и с евреями. Кроме того, Павел VI надеялся, что это путешествие позволит ему встретиться с православным патриархом Константинопольским и убедить его если не присоединиться к католической церкви, то, во всяком случае, установить с ней более тесные отношения. Павел VI рассчитывал, что установление подобных контактов придаст соответствующий вес экуменическим устремлениям католической церкви. Однако этим надеждам Павла VI не суждено было осуществиться. Его поездка к "святым местам" не принесла ощутимых результатов.

Что касается энциклики "Экклезиам суам", то она привлекла всеобщее внимание, ибо в известной степени предрешала дальнейший ход вселенского собора и характер его будущих решений, а также проливала свет на курс, который намеревался в ближайшем будущем осуществлять Павел VI.

Энциклика была опубликована 10 августа 1964 г. Ее главная тема-это диалог католической церкви с внешним миром, формы и границы диалога с атеистами (читай: с коммунистами).

Павел VI подчеркивал в этой энциклике, что "церкви необходимо вступать в диалог с миром, в котором она живет". Цель такого диалога не достижение какого-либо компромисса или взаимоприемлемой программы действий в интересах, например, обеспечения всеобщего мира или достижения социальных изменений в пользу широких масс трудящихся, а пропаганда католического мировоззрения, католических "истин" в кругах, которым такие истины чужды. Диалог, согласно энциклике,-это путь к обращению в католическую веру некатолического мира.

Павел VI далее поясняет, что для достижения этой цели "необходимо подойти к нему (некатолическому миру.-И. Г.) и завязать с ним беседу", но без анафем и осуждений. "Подобная форма взаимоотношений,-говорится в энциклике,-свидетельствует о намерении вступающего в диалог соблюдать учтивость, почтительность, дружелюбие и доброжелательность... Если подобный диалог и не рассчитан на немедленное обращение собеседника, он направлен к тому, чтобы расположить собеседника, его чувства и убеждения к более полному общению". В другом месте энциклики сказано, что "дружелюбию надлежит быть климатом диалога".

Ведя диалог, объясняет Павел VI, следует соблюдать ясность и доступность в изложении точки зрения церкви, мягкость, исключающую "высокомерие, колкость, оскорбительность", ибо диалог "мирен и чужд духу насильственности, терпелив и великодушен", нужно верить в силу собственного слова и в способность восприятия его собеседником.

Энциклика предупреждает верующих, что поворот церкви к политике диалога, а значит, контактов с инакомыслящими чреват разного рода опасностями. Диалог может, например, толкнуть католиков к уступкам в вопросах веры, к недопустимому отходу от католических принципов, более того - к переходу на точку зрения, противоречащую истине, как ее понимают последователи католицизма. "Это недопустимо",-указывает папа. И поясняет:

"Диалог наш не может привести к послаблениям по отношению к обязательствам, налагаемым нашей верою. Двусмысленность и какие-либо сделки невозможны в апостольском служении... Апостолом может быть лишь всецело преданный учению Христову".

Павел VI высказал надежду, что собор более подробно рассмотрит вопрос о диалоге, а церковные власти будут в будущем принимать "время от времени разумные меры, дабы вводить известные пределы, указывать направления и предлагать различные формы диалога, живого и благодетельного, в целях постоянного оживления его".

Павел VI неоднократно подчеркивает в энциклике, что церковь готова "поддерживать диалог со всеми людьми доброй воли, будь они внутри или вне ее ограды". Однако в мире, сокрушенно замечает Павел VI, есть "много, слишком много людей, не исповедующих никакой религии" и даже провозглашающих себя атеистами. Они убеждены, "будто освобождают человека от ложных и устаревших представлений о жизни и мире и заменяют их... научным мировоззрением, сообразным с требованиями современного прогресса". "Это - самое серьезное явление нашей эпохи",-признает Павел VI. Но вслед за этим замечает, что "гипотеза диалога" с атеистами "становится трудноосуществимой, чтобы не сказать невозможной", и отнюдь не потому, что церковь против такого диалога, а потому, что атеисты из-за своего атеизма "отказываются" от диалога с церковью.

Но ведь такое утверждение папы неверно, может сказать непредубежденный читатель, коммунисты всегда выступали за диалог с верующими, считали и считают, что верующие и неверующие могут не только вместе бороться против империализма, капиталистической эксплуатации и угрозы войны, но и строить социалистическое общество.

Верующие и атеисты не разделены непроходимой пропастью. Среди трудящихся, например, есть верующие и атеисты, но их классовые цели едины, и те и другие в равной степени заинтересованы в социальной справедливости, в мире, в материальном и духовном прогрессе человечества. И среди капиталистов тоже есть верующие и неверующие, хотя вряд ли среди неверующих представителей эксплуататорских классов найдутся последователи "атеистического коммунизма".

На первый взгляд могло показаться, что в энциклике "Экклезиам суам" нет ничего нового по сравнению с подобными же документами Иоанна XXIII. Однако для тех, кто привык

читать церковные документы между строк, было очевидным, что в ней содержалось много двусмысленностей, которые фактически открывали путь к диалогу католической церкви не только с представителями других культов, но и с атеистами-коммунистами. Ведь в энциклике нигде не говорилось, что церковь против такого диалога. И это было главным.

Как бы в подтверждение этого 9 апреля 1965 г., то есть спустя девять месяцев после опубликования энциклики "Экклезиам суам", Павел VI создал в системе римской курии секретариат по делам неверующих для осуществления контактов-диалога с атеистами.

Этот секретариат стал одним из опорных пунктов обновленцев в системе куриальных учреждений. Возглавил его австрийский кардинал Кениг, его заместителями стали кардиналы Гуйон (Франция), Хеффнер (ФРГ), Рокка (Италия).

Забегая вперед, скажем, что секретариат развил на первых порах чрезвычайно активную деятельность. В 1971 г. были созданы уже 18 национальных секретариатов-семь в Европе (ФРГ, Франция, Голландия, Испания, Англия, Венгрия и Польша), один в Африке (ЮАР), три в Азии (Филиппины, Индонезия, Япония), один в Австралии, шесть в Америке; кроме того, в 20 других странах имелись представители секретариата. На практике деятельность этого учреждения выразилась больше в стремлении подчинить диалог католиков с неверующими контролю церковной иерархии, чем способствовать его максимальному развитию. И все же создание секретариата по делам неверующих сыграло определенную положительную роль в деле преодоления традиционных для церкви предрассудков по отношению к коммунистам.

Толчком к такому развитию событий послужил ход дебатов на третьей сессии собора.

Победа обновленцев, поражение интегристов.

Третья сессия собора проходила с 14 сентября по 21 ноября 1964 г. На ней продолжались стычки между обновленцами и интегристами с явным перевесом сил на стороне первых.

Интегристы по всем острым вопросам - диалога с инакомыслящими, экуменизма, демократизации церковной жизни, социальной ориентации церкви-стояли на традиционных позициях и ничего не желали в них менять. Они требовали, чтобы собор осудил коммунизм, атеизм, секуляризм и призвал другие религии признать превосходство католицизма.

Павел VI старался примирить враждующие партии, не допустить, чтобы собор безнадежно раскололся на два диаметрально противоположных лагеря. Поэтому основная работа протекала за кулисами собора, в его комиссиях, в куриальных офисах, где доверенные лица Павла VI стремились достигнуть компромиссных решений, приемлемых как для обновленцев, так и для интегристов. Все это не могло не сказаться на содержании документов, принятых собором. Они были более консервативными, чем хотелось бы обновленцам, преобладавшим на соборе.

На третьей сессии были одобрены догматическая конституция "О церкви" и три декрета - "О миссионерской деятельности", "О восточных католических церквах" и "Об экуменизме".

Больше всего споров вызвал документ "О церкви" (его латинское название "Lumen gentium"). Он направлен на достижение единения всех религиозных культов под эгидой римско-католической церкви, что было вполне приемлемо для интегристов. И все же отсутствие в конституции "О церкви" каких-либо осуждений других культов открывало путь к сотрудничеству с ними, чего в особенности добивались англоязычные иерархи и соборные отцы из ФРГ, Голландии и других стран, где католицизм не является преобладающим религиозным направлением. Таким же стремлением к сближению с некатолическими культами проникнуты и декреты "Об экуменизме" и "О восточных католических церквах". Осуществлять на практике это сближение был призван созданный в 1964 г. в системе курии секретариат по нехристианским религиям.

Из других новшеств, содержащихся в конституции "О церкви", следует отметить учреждение национальных епископских конференций, решения которых хоть и требуют санкции Ватикана, но принимаются самостоятельно, с учетом конкретных условий той или иной страны. Вообще в конституции неоднократно подчеркивается, что папа управляет церковью не единолично, а вместе с епископами. На третьей сессии настойчиво раздавались голоса о необходимости создания постоянно действующего при папе синода епископов, в

котором были бы представлены все национальные епископаты. Это позволило бы ограничить всевластие курии и влияние кардинальской коллегии, по сравнению с которой синод мыслился как более широкий и демократичный орган. Хотя вопрос о синоде не нашел отражения в конституции "О церкви", Павел VI вскоре _после открытия четвертой сессии собора (сентябрь 1965 г.) официально сообщил 6 его учреждении.

Павел VI усиленно трудился над подготовкой окончательных текстов документов, которые должна была принять четвертая, последняя сессия собора.

Она заседала с 14 сентября по 7 декабря 1965 г. Хотя собор давно уже перестал быть сенсацией для буржуазной печати, его последняя сессия все же привлекла к себе большое внимание: ведь на ней должны были быть разрешены все спорные вопросы, разделявшие собор на два враждебных лагеря. Как и следовало ожидать, и эта сессия завершилась победой обновленцев, хотя они были вынуждены сделать немало уступок консервативному меньшинству, чтобы избежать слишком глубокой трещины в церковном здании.

Четвертая сессия приняла декларацию "О религиозной свободе" ("Dignitatis humanae"), которая фактически является признанием церковью принципа свободы совести, а точнее-права каждого человека придерживаться любых религиозных воззрений или не придерживаться никаких, то есть быть атеистом.

Больше всего споров и разногласий вызвала так называемая 13-я схема. Она обсуждалась на предыдущих сессиях собора, неоднократно дорабатывалась в комиссиях, согласовывалась с Павлом VI. В этом документе, который после принятия его собором получил название пастырской конституции "О церкви в современном мире" (по-латыни он называется "Gaudium et spes"), выражена точка зрения церкви на острейшие проблемы современности. В нем осуждается война, гонка вооружений, применение атомного оружия и выдвигается в качестве одной из основных задач человечества обеспечение мира на земле. В таком же духе было выдержано и выступление Павла VI на сессии ООН в Нью-Йорке, которую он посетил в начале октября 1965 г., когда четвертая сессия собора уже заседала.

В документе зафиксирован известный отход от традиционной точки зрения церкви на частную собственность как на священный институт. Конституция "О церкви в современном мире" впервые признает законность не только частной, но и государственной и общественной форм собственности, допуская за "справедливую компенсацию" передачу частной собственности в руки государства. Учитывая, что сегодня этот принцип признается даже буржуазными государствами, его апробация собором не вызывает удивления. В основном трактовка конституцией социальных вопросов не выходит за рамки буржуазного реформизма, хотя в этом же документе подчеркивается, что церковь "не считает себя связанной с какой-либо политической, экономической или социальной системой (читай: с капитализмом.- И. Г.)".

В разделах документа, посвященных анализу атеизма, говорится, что его распространению, которое до сих пор приписывалось лишь козням дьявола, "могут содействовать и сами верующие из-за того, что они пренебрегали углублением собственной веры, или из-за того, что они дали неправильное представление о вероучении, или же вследствие погрешностей в своей собственной религиозной, нравственной и общественной жизни". Церковь впервые признала не только необходимость диалога между верующими и неверующими, но и сотрудничество между ними в достижении более справедливых условий жизни людей, сотрудничество, которого всегда добивались коммунисты как в странах победившего социализма, так и в капиталистических странах. В указанном документе эта мысль сформулирована следующим образом:

"Решительно отвергая атеизм, церковь, однако, искренне признает, что все люди - верующие и неверующие-должны способствовать правильному строительству этого мира, в котором они все вместе живут, что, конечно, невозможно без искреннего и благоразумного диалога". Эта формула была шагом вперед по сравнению с тактикой диалога, изложенной в энциклике "Экклезиам суам".

По-видимому, желая несколько умиротворить потерпевших поражение на соборе интегристов, Павел VI сообщил в дни четвертой сессии, что будет начат процесс канонизации как Иоанна XXIII, так и Пия XII. Тот факт, что Пий XII удостоился наравне с Иоанном XXIII чести

стать кандидатом в сонм святых, несомненно, был бальзамом на раны, нанесенные интегристам. Ведь они считают Пия XII своим идейным наставником и вдохновителем.

После принятия ряда других документов, касающихся внутрицерковных дел, работа собора закончилась.

Процесс обновления церкви, начатый Иоанном XXIII и подтвержденный собором, продолжался и после его завершения. И речь шла не столько об изменениях в церковной догматике, сколько о перемене церковного климата, о переходе от удушающей атмосферы нетерпимости, реакционности, от позиций "холодной войны" к свободной дискуссии, диалогу, к переоценке традиционных социальных постулатов церкви, к поддержке политики мира, разоружения, разрядки международной напряженности.

Одним из знаменательных актов, вытекавших из решений Второго Ватиканского собора, была реорганизация самого одиозного ватиканского учреждения, бастиона интегристов - конгрегации священной канцелярии, возглавляемой кардиналом Оттавиани, главным оппонентом обновленцев на соборе. Еще 18 ноября в своем выступлении на четвертой сессии Павел VI обещал реорганизовать курию. "И чтобы наши слова не звучали бездоказательно,- заявил папа,-мы можем сообщить, что в ближайшее время будет опубликован новый статут св. трибунала". Действительно, в день закрытия собора 7 декабря 1965 г. был опубликован папский декрет "Integral servandae", изменявший название священной канцелярии на конгрегацию по вопросам вероучения. 14 июня 1966 г. был упразднен индекс запрещенных книг, чем фактически отменялась церковная цензура. В 1975 г. цензура была восстановлена, но только для писаний служителей церкви. 8 января 1968 г. Оттавиани был вынужден наконец подать в отставку, на его место был назначен югославский кардинал Франсиск Сепер. В 1975 г., согласно новому положению о кардинальской коллегии, лишавшему кардиналов, достигших 80-летнего возраста, права голоса в кардинальской коллегии, Оттавиани был исключен из этого органа католической церкви. Год спустя он умер. Так закончил свою церковную карьеру главный идеолог интегристов на соборе, продолжатель пачеллианской линии, сам себя именовавший "первым жандармом" католической церкви.

"Развитие народов" или спасение капитализма?

С завершением Второго Ватиканского собора борьба между обновленцами и интегристами переместилась из Рима в национальные епископаты. Сторонники реформ, опираясь на соборные решения, стремились вытеснить с руководящих постов интегристов, которые в свою очередь не жалели черной краски, чтобы опорочить обновленцев, обвиняя их в сползании ко всевозможным ересям и предрекая гибель католицизма, если решения собора будут осуществлены.

Особенно острый характер эти конфликты носили в странах Латинской Америки, где после победы кубинской революции все более широкие массы трудящихся, студенчества, средних слоев вливались в антиимпериалистическое и антиолигархическое движение. Повсеместно дебатировались планы революционных преобразований или структурных реформ, возникали радикальные движения. Следует ли удивляться, что идеи национально-освободительной борьбы нашли отклик и в рядах духовенства, в среде которого пробудился активный интерес к социальным переменам?

Многие католические деятели спешили присоединиться к радикалам, опасаясь остаться за бортом событий, лишиться влияния на паству. Бразильский архиепископ Элдер Камара, последователь Павла VI, писал вскоре после собора: "Настанет день, когда массы Латинской Америки с нами или без нас, или против нас прозреют. И когда наступит этот день, горе христианству, если в массах создастся впечатление, что их тяжелое положение- это следствие того, что христианство было заодно с богатыми и имущими".

В церковных кругах заговорили о "теологии революции", о "теологии освобождения" и даже о "теологии партизанской борьбы". В странах Латинской Америки стали появляться священники-революционеры, призывавшие бороться с реакцией и империализмом не только листовками, но и оружием.

Даже правые клерикалы, вроде лидера чилийских христианских демократов Эдуардо Фрея, обещали осуществить революцию, правда "в условиях свободы", в интересах капиталистов, но все-таки революцию. Именно под таким лозунгом в 1964 г. в Чили впервые в

Латинской Америке одержала победу демохристианская партия, и ее лидер Фрей стал президентом республики.

Хотя Фрей противопоставлял себя и свою "революцию в условиях свободы" Фиделю Кастро и кубинской революции, Павел VI, следуя примеру своего предшественника Иоанна XXIII, продолжал укреплять отношения с революционной Кубой. Его представитель в Гаване, монсиньор Чезаре Дзакки, публично подчеркивал, что "отношения между кубинским правительством и церковью очень дружественны", что "церковь осознала перемены, происшедшие на Кубе, и должна к ним приспособиться", что "католик может быть революционером". Весьма симптоматично, что Павел VI возвел Дзакки в епископское достоинство и назначил нунцием на Кубе.

За развитием событий в Латинской Америке пристально следила курия, ведь в этом регионе проживает почти половина католиков мира. Именно под влиянием этих событий и не без участия таких прелатов, как Элдер Камара, была написана энциклика "Populorum progressio" ("Развитие народов"), опубликованная 23 марта 1967 г.

Несмотря на то что энциклика "Развитие народов", согласно традициям, ссылается на предыдущие социальные документы папства, повторяя их основные положения, она содержит и ряд новых формулировок.

Энциклика начинается с констатации того факта, что в настоящее время "социальный вопрос принял глобальные масштабы". В ней сказано: "В то время как в некоторых странах привилегированные олигархии наслаждаются плодами утонченной цивилизации, остальная часть населения в бедности и разрозненности "лишена почти всякой возможности личной инициативы и доступа к соответствующей работе и прозябает в условиях жизни и труда, недостойных человеческой личности"". Церковь, говорится в энциклике, считает такое положение чрезвычайно опасным, ибо оно может привести к победе "тоталитарных идеологий" (читай: коммунистической идеологии).

Где же выход? Выход в развитии "бедных" стран, которые энциклика противопоставляет "богатым". Как же обеспечить развитие "бедных", то есть отсталых, бывших колониальных или зависимых стран? Энциклика признает, что этого можно добиться только путем осуществления коренных преобразований, в том числе аграрной реформы. Но так как аграрная реформа предполагает национализацию или конфискацию земельной собственности или принудительное ее перераспределение, то энциклика вынуждена еще более решительно, чем это было в тексте конституции "Церковь в современном мире", отступить от принципа святости института частной собственности. Она провозглашает, что "частная собственность отнюдь не для кого не является безусловным и абсолютным правом. Никто не имеет никакого основания присваивать в свое исключительное пользование то, что превышает его нужды, в то время как другие терпят недостаток в самом необходимом...". Следовательно, "общее благо требует иногда экспроприации".

Павел VI, с одной стороны, призывает к немедленным действиям, с другой - к постепенности в осуществлении аграрной реформы и индустриализации, чтобы "не нарушалось резко социальное равновесие". Осуждая "революционное восстание" под предлогом, что оно порождает якобы лишь новые "несправедливости", Павел VI делает при этом существенную оговорку. Он допускает законность революционных действий "против явной и продолжительной тирании, грубо посягающей на основные права человеческой личности и вредящей в опасной мере общему благу страны". Оговорка эта имеет принципиальное значение: впервые глава католической церкви признал законность революционного свержения тиранических режимов. Это положение имеет прямое отношение к Латинской Америке, где такого рода режимы существуют во многих странах.

Энциклика осуждала национализм, расизм, призывала католиков сотрудничать со всеми людьми доброй воли без каких-либо исключений. Вместе с тем она вновь осуждала "материалистическую и атеистическую философию".

"Пусть нас поймут правильно,-заключал Павел VI,-теперешняя ситуация должна рассматриваться со смелой решительностью;

со связанными с ней несправедливостями следует бороться и побеждать их. Развитие требует смелых, глубоко обновляющих старый уклад жизни преобразований. Назревшие реформы необходимо начать безотлагательно".

Адресата энциклики легко было распознать:

это были правящие классы Латинской Америки, а точнее, латиноамериканская олигархия, которую Павел VI призывал "выпустить пар из котла", если она хочет спасти себя от революции. Во многом энциклика "Популорум прогрессио" напоминала программу "Союза ради прогресса", выдвинутую правящими кругами США в противовес кубинской революции, а также избирательную платформу чилийской демохристианской партии, обещавшую осуществить "революцию в условиях свободы".

И все же эта энциклика Павла VI произвела в католических кругах впечатление разорвавшейся бомбы. Интегристы встретили ее в штыки. Обновленцы же не скрывали своего восторга. Еще больший энтузиазм она вызвала среди так называемых левых католиков.

Коммунистические партии католических стран Западной Европы и Латинской Америки отнеслись к энциклике "Популорум прогрессио" с глубоким пониманием. Политбюро ЦК Французской коммунистической партии приняло по поводу нее специальное постановление, в котором отмечалось, в частности, что энциклика открывает новые "возможности сотрудничества между коммунистами и христианами, сотрудничества, к которому Французская коммунистическая партия неутомимо призывает уже в течение 30 лет". Положительные стороны энциклики были отмечены и в журнале "Проблемы мира и социализма". Полный текст энциклики был опубликован в печати революционной Кубы и многих других стран.

В странах Латинской Америки революционно настроенные служители церкви взяли на вооружение энциклику "Развитие народов" в своей борьбе с реакционной частью духовенства.

Один из них, панамский священник Карлос Перес Эррера, организовал в Панаме движение "Популорум прогрессио". В декларации этого движения разоблачалась преступная деятельность империализма США в странах Латинской Америки и подчеркивалось, что "реакционное насилие может быть преодолено только революционным насилием". Декларация призывала католиков к сотрудничеству со всеми антиимпериалистическими народными движениями. "Это сотрудничество,- указывалось в декларации,-должно проходить в атмосфере великодушия, доверия, лояльности и надежды. Таков должен быть подлинный смысл диалога между христианами и марксистами, верующими и неверующими, официально предпринятого католической церковью, начиная со Второго Ватиканского собора".

В других странах Латинской Америки возникали и действовали подобные же группы радикально настроенных священников, деятельность которых вызывала немалое беспокойство как в правительственных сферах этих стран, так и в связанных с ними империалистических кругах. Именно в этих последних все чаще задавался вопрос: не выпустил ли Павел VI, утвердив решения Второго Ватиканского собора и опубликовав энциклику "Популорум прогрессио", из бутылки революционного джина, который вместо того, чтобы отдалить, приблизит триумф коммунизма?

Лицом к лицу с революцией

В августе 1968 г. в столице Колумбии Боготе должен был состояться очередной международный евхаристический конгресс, а в Медельине, тоже колумбийском городе, вторая конференция Латиноамериканского епископального совета (СЕЛАМ), объединяющего национальные епископские конференции этого континента. В печати широко дебатировались проекты документов, подготовленные для конференции в Медельине: их содержание было нацелено прежде всего против олигархии и империализма.

В начале мая 1968 г. Павел VI объявил, что намерен посетить Колумбию в дни, когда там будет заседать евхаристический конгресс и конференция СЕЛАМ. Известие о предстоящем визите главы католической церкви в Латинскую Америку еще более всколыхнуло и без того бурные церковные воды этого континента. Теперь в центре полемических схваток стояла фигура папы римского. К нему взывали, апеллировали, обращались за поддержкой представители враждующих между собой католических течений и группировок. Кого он поддержит, на чью сторону встанет, пойдет ли он дальше своей энциклики "Популорум

прогрессио" или забуксует на ней, повернет ли вправо или влево, призовет ли к революции или осудит ее? Ответы на эти вопросы мог дать только сам папа.

Левые католики, "мятежные" церковники надеялись, что Павел VI поддержит их точку зрения, осудит насилие эксплуататоров. Реакционеры, консерваторы рассчитывали, что папа предаст анафеме бунтовщиков в рясах, встанет на сторону "добропорядочных" католиков.

Колумбийские власти провели основательную подготовку, чтобы достойным образом встретить необычного визитера. В столице заново покрасили фасады домов, выстроили триумфальные арки, починили мостовые. Все это обошлось налогоплательщикам в 10 млн. долларов. Из столицы были удалены женщины легкого поведения и вывезены тысячи беспризорных детей и нищих. Богота была разукрашена плакатами американских компаний и торговых фирм, приветствовавших высокопоставленных гостей: "Паломники, вас приветствует ЭССО!", ""Крейслер" приветствует приезд святого отца!", "Хозяева похоронных компаний выражают радость по поводу международного евхаристического конгресса!" и т. п. ЭССО - американская нефтяная компания, продающая бензин Латинской Америке. "Крейслер" - американская автомобильная компания.

В столицу со всей страны были стянуты полицейские силы и войска общим числом в 35 тыс. человек. Генерал колумбийской армии Хайме Фахардо Пннсон был назначен губернатором с неограниченными полномочиями евхаристической территории, которая стала походить, по свидетельству иностранных журналистов, на осажденный противником военный лагерь. Все помещения конгресса подверглись окуриванию, чтобы очистить их от насекомых и предотвратить возникновение инфекций. Вокруг папского трона в лагере, где должен был проходить евхаристический конгресс, поставили стеклянный щит, предохраняющий от сильных порывов ветра. Злые языки утверждали, что это был пуленепробиваемый щит... Информация о работе конгресса и о деятельности папы должна была передаваться по телевидению через американский спутник связи. В Боготу на конгресс прибыло около 400 тыс. паломников и 2 тыс. журналистов из многих стран мира.

22 августа 1968 г. рано утром белый самолет папы Павла VI приземлился на столичном аэродроме "Эльдорадо". Папу встретили президент Колумбии, министры, церковные иерархи и, разумеется, толпы народа.

Папа вышел из самолета, пал ниц, поцеловал землю, поднялся и сказал в микрофон:

"Провидение оказало нам честь быть первым понтификом, прибывшим на эту благородную землю, на этот христианский континент, где был воздвигнут крест на андских высотах и на перекрестках старых дорог чибча и майа, инков, ацтеков и гуарани".

Дальше все пошло по тщательно разработанному сценарию. Газеты сообщали, что папа обменялся рукопожатием с популярным тореадором Маноло Мартинесом, затем посетил дом бедняка, у которого выпил чашку кофе, и о тому подобных "сенсациях".

23 августа Павел VI встретился под Боготой с крестьянами на поле, названном именем св. Иосифа-церковного покровителя рабочих. На поле собралось несколько десятков тысяч колумбийских крестьян. Присутствовали также крестьянские делегации из других латиноамериканских республик. Поле было украшено гигантских размеров полотнищем с лозунгом: "Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает!"

Чтобы этот "крамольный" лозунг был правильно понят крестьянами, им раздавалась брошюра священника Сальседо, в которой автор писал: "Основной задачей народных масс является не превращать человека в собственника вещей, а пробудить в нем способность производить их. Изменение социальных структур должно в первую очередь произойти в умах людей".

А что же сказал собравшимся крестьянам и всем внимавшим его словам народам Латинской Америки Павел VI?

В речи, которую он произнес по-испански, Павел VI признал, что крестьяне живут в нищете, что они осознали свои нужды и свои страдания и как многие другие в этом мире отказываются вечно терпеть такие условия жизни и ищут средства, чтобы их изменить. Церковь готова защищать их права. Но... "Разрешите мне, любимейшие братья, возвестить, что вам даровано блаженство евангельской бедности. Стараясь всеми средствами обеспечить вам более обильный и легкий хлеб, мы одновременно напоминаем вам, что человек живет не

хлебом единым. Мы все нуждаемся в другом виде хлеба - в хлебе духовном, это значит в религии, в вере, в божественном милосердии.

И скажем более: то, что вы живете в условиях нужды, поможет вам легче достигнуть царствия небесного, то есть высших и вечных благ, если вы эти условия будете сносить с терпением и верой во Христа".

Павел VI, по-видимому, решил напомнить своей беспокойной латиноамериканской пастве несколько старых, но по-прежнему полезных для церковной иерархии истин, которые эксплуататорские классы всегда особенно ценили.

"Разрешите призвать вас,-продолжал далее папа,-не доверять ни насилию, ни революции. И насилие, и революция противоречат христианскому духу и могут задержать, а не ускорить социальный прогресс, к которому вы законно стремитесь...

Старайтесь объединиться и организоваться под знаком креста и быть способными модернизировать методы вашего сельского труда. Любите ваши поля и уважайте экономическую и гражданскую функцию земледельцев, которыми вы сами являетесь".

Французский журналист Алэн Гербран, слушавший эту речь папы, писал в своем комментарии: "Из уст своего верховного пастыря стадо овечек узнало, что их нищета - это богатство, их агония-блаженство, их возмущение греховно и не должно превратиться в насилие и что другое насилие (которому они подвергаются со стороны эксплуататоров) никогда не существовало, ибо о нем не было ничего сказано.

И народ аплодировал...

И чибчи и кечуа, ацтеки и гуарани разойдутся и пойдут по своим древним дорогам, уставленным крестами, чтобы унести домой, подальше от глаз святого отца, своего последнего ребенка, имя которому Надежда".

Выступая в тот же день перед студентами, служащими, рабочими, папа римский вновь показал, что он приехал в Латинскую Америку не "разжигать пожар" социальной борьбы, а тушить его традиционными для церкви средствами.

"Многие, в особенности среди молодых,- сказал Павел VI,-настаивают на необходимости незамедлительно изменить социальные структуры, которые, как они утверждают, препятствуют установлению подлинной справедливости для отдельных лиц и общностей. Некоторые из них приходят к выводу, что основная проблема Латинской Америки не может быть решена без применения насилия".

Свою точку зрения на этот счет верховный глава католической церкви выразил в следующих словах: "Резкие или насильственные изменения структур не будут соответствовать достоинству народа, которое требует, чтобы необходимые преобразования совершались сперва внутри человека". И только когда эксплуататоры внутренне изменятся к лучшему, можно будет осуществить "постепенные и всеми воспринимаемые реформы". Причем, как пояснил далее Павел VI, "идеально было бы, чтобы эти реформы осуществлялись сверху нынешними правящими классами". В связи с этим папа римский предупреждал их:

"Не забывайте, что некоторые великие исторические кризисы могли бы обрести иную ориентацию, если бы вовремя были проведены (опять-таки правящими классами. - И. Г.)... необходимые реформы, могущие воспрепятствовать возникновению безрассудных мятежей".

24 августа Павел VI произнес речь перед участниками епископской конференции в Медельине. На этот раз папа обрушился с критикой на церковных "мятежников", бросающих вызов церковному руководству и отвергающих основные положения католической "вечной философии". Он осудил сторонников "модных философских течений", по его мнению поверхностных и ограниченных, которые пытаются соблазнить верующих историзмом, релятивизмом, субъективизмом и неопозитивизмом. С возмущением говорил папа и о тех, кто "вносит в область веры дух подрывной критики и ложных убеждений".

Павел VI отверг, как ошибочные и вредные, требования оппозиционных теологов разрешить в церкви свободу мнений, секуляризировать церковь. Досталось от папы и тем церковникам, которые отвергают иерархическую церковь, "организованную и дисциплинированную", и отдают предпочтение церкви харизматической и духовной как якобы более способной интерпретировать христианскую доктрину для современного человека и реагировать на острые и неотложные проблемы нашего времени.

В этом выступлении Павел VI вновь осудил тех, кто пытается совместить католическую веру с революцией. Папа сказал: "Мы должны поддерживать всякое честное усилие, способствующее... возвышению бедных и всех, кто живет в недостойных человеческих и социальных условиях. Мы не можем солидаризироваться с системами и структурами, покрывающими и потворствующими недостойному и угнетающему неравенству между классами и гражданами одной и той же страны и не осуществляющими эффективных мер для улучшения нетерпимых условий, от которых часто страдает наименее обеспеченная часть населения. Однако мы вновь повторяем, что силу нашего милосердия составляет не ненависть и не насилие. Среди различных путей, ведущих к справедливому социальному возрождению, мы не можем выбрать ни атеистический марксизм, ни систематический мятеж, ни тем более- путь крови или анархии... Не будем же во имя исправления ошибок прошлого и излечения современных недугов совершать новые ошибки, ибо они будут против Евангелия, против духа церкви, против собственных интересов народа, против счастливого знамения этого часа, часа справедливости, ведущего к братству и миру, подлинному миру, который рождается в верующих и братских сердцах, миру между социальными классами в духе справедливости и сотрудничества, миру международному в духе гуманизма, освященного Евангелием, миру Латинской Америки, вашему миру. Аминь!"

Все эти утверждения Павла VI соответствовали традиционной церковной социальной доктрине, неутомимым глашатаем которой был Пий XII.

Итак, в своих 19 выступлениях в Колумбии Павел VI предпочел не выходить за рамки традиционной позиции церкви по отношению к революции. Он открыто и недвусмысленно осудил тех многочисленных священников, которые, воодушевленные решениями собора и энцикликой "Популорум прогрессио", требовали осуществления структурных реформ и отказывались уповать в этом деле на милосердие божье. Папа, по существу, осудил любой вид борьбы против социальной несправедливости. И хотя решения конференции СЕЛАМ в Медельине были менее категоричны в этом отношении, совершенно очевидно, что они не оправдали надежд латиноамериканских обновленцев.

Что можно сказать о колумбийском визите Павла VI, глядя на него с позиций сегодняшнего дня?

За истекшие 10 лет потоки крови были пролиты в странах Латинской Америки, применение насилия стало фактом политической жизни многих латиноамериканских стран. Но кто и против кого применяет насилие в Латинской Америке?

Взять, к примеру, Чили. В 1970 г. там мирным путем, с соблюдением всех конституционных и правовых норм победил на выборах демократический блок Народного единства, в который входили коммунисты, социалисты, левые католики и радикалы. К власти пришло правительство Сальвадора Альенде, осуществившее, опять-таки при строгом соблюдении существующих законов и в условиях политического плюрализма, ряд социальных преобразований. Это правительство было свергнуто военно-фашистской хунтой, президент Альенде и его сотрудники убиты. От фашистского террора погибло свыше 20 тыс. чилийских демократов, десятки тысяч были брошены в тюрьмы, концлагеря, подверглись чудовищным пыткам и издевательствам. В Гватемале после свержения в 1953 г. демократически избранного правительства президента Арбенса погибло от террора незаконно правящих в стране ультрареакционных клик свыше 30 тыс. демократов. Разгул террора продолжается уже несколько лет в Уругвае и других странах Латинской Америки. Причем повсеместно жертвами террора становятся наряду с коммунистами и другими демократами священники, обвиненные в "подрывных действиях". Сам Павел VI вынужден был неоднократно осуждать эти акты политического варварства, выступать в защиту жертв фашистского террора.

Эти факты убедительно показывают, что виновниками бедствий, жертвами которых являются сегодня народы Чили и других стран, являются вовсе не сторонники социальных преобразований, осужденные Павлом VI в 1968 г., а олигархия и империализм. Это в их интересах действуют военно-фашистские режимы в странах Латинской Америки, действуют, не оглядываясь на осуждение папой насилия, на его призывы к "миру между социальными классами в духе справедливости и сотрудничества".

Кто они, нынешние хозяева Ватикана?

Что же представляет собой Ватикан сегодняшнего дня? Во многом ли изменились его порядки со времен Пия XII, кто ближайшие сотрудники нынешнего понтифика, чем живет и дышит римская курия 70-х годов XX в.?

Жизнь и деятельность обитателей Ватикана в наше время удержать в секрете невозможно. Дела ватиканские широко освещаются буржуазной печатью, которая в погоне за сенсацией срывает все и всяческие "священные" покровы даже со своих собственных кумиров.

В 1974 г. западногерманский журнал "Шпигель" опубликовал серию статей под названием "За кулисами Ватикана". С тех пор мало что изменилось за Бронзовыми вратами. Последуем же за журналистами "Шпигеля" в апостолический дворец и посмотрим, что там происходит.

Утром папу Павла VI никто не будит. В половине седьмого он уже на ногах, часто после лишь пятичасового сна. Спустя час он уже служит мессу в часовне, расположенной в его покоях.

За завтраком папа знакомится с новостями: на столе, рядом со столовым прибором, лежат газеты "Стампа", "Коррьере делла сера" и "Монд", приготовленные его камердинером Франко Гецци.

Вместе с папой завтракают его секретари Макки и Босси. Павел VI обменивается с ними несколькими фразами о наиболее интересных статьях в газетах. Перед тем как спуститься в свои служебные апартаменты, расположенные этажом ниже, он слушает передачу последних известий по радио.

Самое позднее в 10 часов папа уже сидит за огромным письменным столом в своем кабинете, именуемом со времени Пия XI "личной библиотекой". В этом обставленном вполне по-светски помещении с тремя окнами, выходящими на площадь св. Петра, глава католической церкви принимает каждое утро первых посетителей-чиновников ватиканского статс-секретариата.

Дважды в неделю-по понедельникам и пятницам-на прием к папе является глава статс-секретариата кардинал Жан Вийо. Он самое важное после папы лицо в Ватикане. Премьер-министр и министр иностранных дел Ватикана, член важнейших конгрегаций и, кроме того, камерленго святой римской церкви, который после смерти папы и до избрания его преемника является хозяином курии, кардинал Жан Вийо олицетворяет могущество и влияние Ватикана. Он и внешне весьма импозантен: высок ростом, чрезвычайно любезен.

Несомненно, это одна из самых ярких фигур курии.

Статс-секретариат - административный орган Ватикана, наиболее близко стоящий к папе. Без согласия статс-секретариата в Ватикане не может быть принято ни одно важное решение. В то время как руководящие служащие других органов римской курии обязаны после пяти лет пребывания в должности подавать в отставку, к чиновникам статс-еекретариата это не относится.

В последние годы штат статс-секретариата значительно расширился: число его сотрудников возросло до 140. Всего же в Ватикане работает около 3 тыс. человек, в том числе 253 женщины. Служебные помещения ведомства Вийо разбросаны по всему папскому дворцу.

Карьера Жана Вийо, родившегося в 1905 г. в провинции Овернь (Франция), круто пошла в гору, когда в 44 года он стал секретарем конференции епископов Франции. В Ватикане обратили внимание на удивительную способность этого молодого прелата приспосабливаться к быстро меняющимся условиям. Став архиепископом Лиона и первым епископом Галии, он занимал то прогрессивную, то консервативную позицию, в зависимости от того, какой политической линии придерживалось центральное церковное руководство. В 1965 г. Павел VI сделал его кардиналом, в 1967 г. он стал префектом конгрегации по делам духовенства. Вийо получал один пост за другим. Сейчас в Ватикане очень немного учреждений, в которых Вийо не был бы председателем или по крайней мере членом. В курии он фигура популярная, считается превосходным хозяином дома, любит вкусную еду, хорошие вина и ценит остроумную беседу.

Но хотя Вийо и первый человек в Ватикане после папы, однако в курии есть еще более могущественная личность - это заместитель

Вийо на посту статс-секретаря 53-летний Джованни Бенелли. В 1977 г. возведен в кардиналы и назначен архиепископом Флоренции. Через его руки проходит вся почта, адресованная папе; он посредничает между папой и теми, кто хотел бы получить аудиенцию. К нему являются члены дипломатического корпуса, равно как и ватиканские дипломаты, когда они приезжают в Рим для доклада, служащие римской курии и политические деятели иностранных государств.

Бенелли ведет переписку с папскими нунциями, он подготавливает назначения ватиканских дипломатов и важнейших служащих курии. Ни один епископ ни в одной стране мира не будет утвержден без предварительного одобрения его кандидатуры Бенелли. Бенелли подчинена шифровальная и вся информационная служба Ватикана. Лишь немногие члены курии могут позволить себе выступать с речами, давать интервью или публиковать статьи, не получив одобрения Бенелли.

Бенелли стал священником в 1943 г., затем окончил папскую дипломатическую школу. Монтини, служивший тогда заместителем статс-секретаря при Пии XII, сделал 25-летнего Бенелли своим личным секретарем. В 29 лет Бенелли был послан в нунциатуру в Дублин, в последующие 15 лет был сотрудником папских миссий в Париже, Рио-де-Жанейро и Мадриде. В испанской столице он навлек на себя гнев франкистских властей, так как симпатизировал католическим противникам Франко. Из Мадрида он вернулся в Париж в качестве наблюдателя Ватикана при ЮНЕСКО. В 46 лет Бенелли стал заместителем статс-секретаря Ватикана.

Бенелли знает в Ватикане все, или почти все. Главы конгрегаций беседуют с папой раз в месяц, государственный секретарь,- как правило, дважды в неделю, а Бенелли-ежедневно, как только возникает потребность. Кроме того, он имеет прямую телефонную связь с понтификом, не подключенную к общей сети.

По требованию Бенелли в статс-секретариате все засекречено. Его сотрудники не имеют даже права говорить, в какой канцелярии они работают и какие функции выполняют. Нарушение секретности считается тяжелым проступком, а виновник предстает перед "специальной комиссией", которая налагает соответствующее наказание. Поэтому за стены Ватикана проникает очень немного сведений о повседневной деятельности статс-секретариата.

Стремление делать из всего тайну проявляется и в отношении Бенелли к печати. По его указанию ведется контроль за высказываниями по церковным, главным образом ватиканским, проблемам в 60 газетах и журналах мира и издается закрытый пресс-бюллетень, в котором перепечатываются в основном дружественные по отношению к римской курии и консервативные статьи. Особенно зорко следит Бенелли за выступлениями в печати других учреждений курии. Коммюнике конгрегаций, комиссий и секретариатов могут публиковаться только после визы его канцелярии. Для того чтобы показать миру и аккредитованным при папском престоле журналистам, сколь высоко все же ценит Ватикан прессу, создана полностью зависимая от статс-секретариата пропагандистская служба-"Папская комиссия по специальным связям".

От папского пропагандистского ведомства зависит, в свою очередь, "Бюро печати"-служба информации папского престола. Бенелли выселил ее из Ватикана на прилегающую к собору св. Петра Виа делла Кончиллационе, дабы лишить журналистов возможности видеть, что делается в самом Ватикане.

Нынешняя ватиканская служба информации, которую журналисты иронически называют "службой без информации", была создана на базе газеты "Оссерваторе Романо". Один из редакторов этой газеты был уполномочен передавать аккредитованным журналистам официальную информацию.

Когда в печать все же проникает нежелательная для руководства церкви информация, Ватикан реагирует на это давно апробированным способом: он замалчивает ее. Павел VI рекомендовал эту тактику, еще когда сам работал в статс-секретариате: "Святому престолу не нужно ничего опровергать. Об этом позаботится время".

Все, или почти все, о чем официально сообщает ватиканская служба информации журналистам, появляется, как правило, через несколько часов в "Оссерваторе Романо". Эта ежедневная газета (ее тираж около 25 тыс. экземпляров) также находится под контролем

статс-секретариата. Относительно характера содержащихся в ней материалов английский журнал "Экономист" писал: "Папская газета-единственный в своем роде пример хорошо продуманной дезинформации".

Преуспевающим и весьма влиятельным ватиканским сановником является также придворный юрист папы 63-летний кардинал Перикле Феличе. Он безоговорочно поддерживает все замыслы Павла VI и всегда отстаивает его интересы. Он был генеральным секретарем Второго Ватиканского собора. И его же папа назначил председателем комиссии, в которой интерпретируются решения собора. Перикле Феличе возглавляет также комиссию, которая должна пересмотреть устаревший Кодекс канонического права.

Самый близкий к папе человек-и в часы занятий, и в часы досуга-это его личный секретарь - быстрый, аккуратный и тихий Паскуале Макки. Он занимал этот пост, еще когда нынешний папа был архиепископом Милана. Ватиканские служащие называют его "мышкой". В ватиканские канцелярии он входит без стука. Макки привлек к себе внимание, когда осенью 1970 г. в Маниле с молниеносной быстротой обезвредил боливийского художника Мендосу, бросившегося с кинжалом на папу.

О свободе воли говорить в Ватикане не приходится. Ватиканские чиновники обязаны беспрекословно выполнять волю своих начальников. Им запрещено участвовать в собраниях прогрессивных католических групп. Иное дело, когда речь идет о консервативных группировках. Если кто-либо, например, участвует в деятельности христианско-демократической партии, то на это охотно закрывают глаза.

Поскольку высшие сановники Ватикана хотят порой знать, о чем думают их подчиненные, почти во всех ведомствах курии имеются так называемые "ангелы-хранители", которые сообщают начальству о мыслях и поведении своих коллег. Иной раз начальники сами берут инициативу в свои руки и вскрывают частную переписку служащих. Некоторые утверждают, что на телефонной станции Ватикана подслушиваются разговоры и об их содержании докладывают статс-секретарю. Кое-кто говорит даже, что в служебных помещениях имеются специальные установки для подслушивания.

Ватикан придает принципиальное значение признанию его другими государствами. За первые 10 лет пребывания на святом престоле Павел VI установил дипломатические отношения с 24 государствами. В 1973 г. дипломатический корпус при Ватикане насчитывал почти 100 представителей. В круг немногих задач послов при Ватикане входит подготовка государственных визитов. Сильные мира сего- желанные гости в Ватикане. Они помогают папе оставаться на виду у мировой общественности и слыть великим среди великих. В свою очередь, государственные визиты в Ватикан позволяют соответствующим деятелям предстать в глазах своих избирателей-католиков в качестве хранителей моральных и религиозных ценностей. За 10 лет своего правления Павел VI принял глав 54 государств. При этом папа предпочитает иметь дело с государственными деятелями, чьи страны принимают на себя определенные обязательства перед католической церковью, подписывая конкордаты. Павел VI настаивает на этом, пожалуй, больше, чем его предшественники. Только в 1964-1969 гг. Ватикан подписал 24 соглашения с 16 государствами. В настоящее время конкордат с Ватиканом имеют 16 государств: Аргентина, ФРГ, Доминиканская Республика, Сальвадор, Гаити, Италия, Югославия, Колумбия, Австрия, Филиппины, Португалия, Швейцария, Испания, Тунис, Венгрия и Венесуэла.

Ватикан содержит 84 нунциатуры и 22 апостольские делегации во всех частях земного шара. С помощью нунциев папство создало охватывающую весь мир систему контроля и руководства церковной жизнью. Нунции- это, безусловно, преданные чиновники, в большинстве своем итальянцы. В настоящее время насчитывается всего 17 нунциев и апостольских делегатов неитальянцев. В официальные обязанности нунциев входит, в частности, "правдиво и по совести регулярно информировать апостольский престол о положении церквей в стране их пребывания, а также обо всем, что касается церковной жизни и благополучия верующих".

Самостоятельно нунциатуры не в состоянии справиться с этой задачей, поэтому они пользуются услугами большого количества информаторов.

Компетенции нунция в области религиозной жизни настолько широки, что практически он может вмешиваться во все. Он может присутствовать на открытии епископской конференции и на всех последующих ее заседаниях, если этого требует Ватикан или епископы. Он имеет доступ ко всем документам местной церкви. Нунциям принадлежит решающее слово при назначении епископов в данной стране. Они ведут досье на возможных кандидатов, выясняя подробности относительно их жизненного пути, добродетелей и пороков.

После Второго Ватиканского собора положение нунциев осложнилось. Епископы-участники собора высказывали пожелания об ограничении компетенции нунциев.

О "бедности" церкви

Павел VI любит повторять, что "церковь должна не только быть бедной, но и выглядеть таковой". Спустя 17 месяцев после своего избрания на папский престол Павел VI положил на главный алтарь собора св. Петра свою украшенную бриллиантами тиару, заявив, что он жертвует ее бедным. Этот торжественно обставленный жест многие сторонники папы встретили с восторгом. Тиару взял американский кардинал Фрэнсис Спеллман, обещая выгодно ее сбыть в Соединенных Штатах. Но поскольку покупателя на эту реликвию ему якобы найти не удалось, он в конце концов присоединил ее к своей коллекции сувениров. Ныне ее можно увидеть среди экспонатов в "Нэшнл шрайн" - "Национальной святыне" американских католиков в Вашингтоне.

Для того чтобы избавить церковь от дурной репутации "экономической державы с высоким благосостоянием, занимающейся финансовыми спекуляциями и не проявляющей никакого сочувствия к социально отсталым слоям", Павел VI обещал своей пастве провести "смелую реформу" также в финансовой области.

Действительно, в 1968 г. Павел VI заново распределил сферы компетенции в финансовых делах Ватикана в сторону еще большей их централизации. В Ватикане имеется ныне центральное министерство финансов - Префектура по экономическим делам святого престола, сокращенно именуемая Экономической префектурой. Она подготавливает и представляет папе ежегодный бюджет более 60 ватиканских служб и учреждений, координирует и контролирует капиталовложения и финансовые операции Ватикана и следит за состоянием ватиканских финансов. Президентом, то есть главой этого министерства, является 68-летний кардинал Ваньоцци, симпатичный, молчаливый римлянин. В 1959-1967 гг. он был апостольским делегатом в Вашингтоне, там подружился с кардиналом Спеллманом, который связал Ваньоцци с высшими финансовыми кругами США. Президенту помогают еще два кардинала и ряд назначенных папой светских советников, в большинстве своем из финансовых кругов Италии.

Однако большей властью располагает другой финансовый орган Ватикана, действующий в значительной мере самостоятельно,-Управление имуществом апостольского престола. Оно следит за доходами и расходами папского престола. У президента этого управления, каковым является государственный секретарь кардинал Вийо, четыре заместителя- кардиналы Феличе, Сепер, Баджо и Табера. Управление имуществом было создано в результате реформы курии в 1968 г. из двух прежде самостоятельных финансовых органов Ватикана: Управления собственностью папского престола и Специального управления. После реформы они стали называться Постоянной канцелярией и Чрезвычайной канцелярией. Постоянная канцелярия ведает расходами церковного правительства и его ответвлений, находящихся за пределами Ватикана. Она финансирует расходы учреждений курии и выплачивает жалованье ее служащим. Жалованье другим служащим ватиканского государства платит Совет губернаторства. Этот орган, управляющий городом-государством, имеет собственные доходы от выпуска монет, почтовых марок, от продажи бензина, от входной платы в музеи и от универсама "Анона". Этот же орган следит за состоянием и сохранностью зданий, расположенных на территории Ватикана.

С Советом губернаторства и Постоянной канцелярией управления имуществом сотрудничает Институт по делам религии, за благочестивым названием которого скрывается ватиканский банк. Созданный папой Пием XII в 1942 г., этот институт, согласно его уставу, юридически независим от ватиканского государства и папского престола и самостоятельно распоряжается своими доходами и расходами. Однако его наблюдательный совет состоит из пяти кардиналов курии (в их числе кардинал Вийо), а председателем является епископ-

американец Пауль Марцинкус, по прозвищу "горилла". Акции, которыми располагает институт, и его бюджет сохраняются в секрете.

Акции и прочие ценные бумаги Ватикана находятся в ведении Чрезвычайной канцелярии, учрежденной в 1929 г. для приумножения капитала, предоставленного папству Муссолини. Во главе этого таинственного ведомства Пий XI поставил в свое время инженера и банкира Бернардино Ногару (умер в 1958 г.). Стараниями Ногары самое маленькое государство в мире было превращено в один из крупнейших финансовых центров Запада.

В 1967 г. тогдашний итальянский министр финансов Прети оценивал стоимость итальянских акций, которыми владел Ватикан, в 100 млрд. лир, а дивиденды, ежегодно получаемые от этих акций,-в 3-4 млрд. лир.

Кроме акций Ватикан владеет большим количеством облигаций государственных и других займов, записанных на подставных лиц, и поэтому в значительной мере ускользающих из-под контроля общественности. Согласно оценкам английского "Экономист", стоимость акций и прочей собственности Ватикана составляет 22 млрд. западногерманских марок, а по данным американского журнала "Тайм"-от 40 до 60 млрд. марок.

По словам туринского кардинала Микеле Пеллегрино, церковь занимается "беззастенчивой и безудержной спекуляцией земельными участками". Миланская газета "Джорно" сообщила, что Ватикан владеет только в Риме более чем 5 тыс. га земли, а по всей Италии церкви принадлежит около 250 тыс. га.

Достоверно известно также, что Ватикан владеет акциями многих итальянских и зарубежных компаний, занимающихся торговлей недвижимостью, производством изделий из пластмасс, электронной техники, изделий из стали, производством цемента, текстиля, химикалиев, продовольствия, динамита, туалетной бумаги, автопокрышек, газа, смолы, газовых плит, кокса, питьевой воды.

Ногара считал, что религиозные соображения не должны мешать осуществлению ватиканской программы капиталовложений. И хотя церковь осуждает применение противозачаточных средств, фирма "Институто фармаколоджико серано", в которой участвует Ватикан, производит противозачаточные таблетки.

С 1969-1970 гг. особую роль в финансовых делах папского престола играет Америка. В монографии, посвященной американскому католицизму, знаток римской курии Ло Белло оценивает капитал, инвестированный Ватиканом в США и Канаде, в 2 млрд. долларов. Большая часть ватиканских сделок проходит через "Чейз Манхэттен бэнк", "Ферс нэшнл сити бэнк" и "Континентл Иллинойс бэнк".

Посредником для ведения своих дел в Америке Ватикан избрал адвоката Микеле Синдону. 53-летний сицилиец, занимавшийся финансовой деятельностью в Милане, Синдона взял на себя миссию, которую прежде выполнял Бернардино Ногара. К тому времени, когда Синдона в 1972 г. открыл свою штаб-квартиру в Нью-Йорке, он уже вложил ватиканские капиталы в недвижимость и акции. Ватикан имел долю в нескольких банках Синдоны.

Хотя папа назначил в помощь Синдоне комиссию в составе 18 американских дельцов (в их числе вице-президент "Форд мотор ком-пани" Джон С. Бургас, управляющий "ЮС нэшнл индастриэл конференс борд" Мартин Р. Гейнсборо и издатель "Уолл-стрит джорнэл" Вермон С. Ройстер), итало-американская финансовая империя Синдоны потерпела крах. В октябре 1974 г. миланская прокуратура выдала ордер на арест находящегося за пределами Италии и поэтому недосягаемого "таинственного Микеле", как назвал Синдону журнал "Ньюсуик". Причина: мошеннические махинации в принадлежащем Синдоне миланском "Банка унионе", 10 процентов акций которого - собственность Ватикана.

Специалисты не верят в то, что римская курия испытывает нужду в деньгах. Один римский банковский специалист высказал мнение, что финансовые органы папского престола могут покрывать текущие расходы, в том числе выплачивать жалованье 3 тыс. ватиканских служащих, лишь за счет процентов с вложенного капитала, не трогая сам капитал.

Ватикан имеет также регулярные, хотя и неравномерные, доходы от всякого рода сборов. Традиционный сбор "гроша св. Петра" в день праздника святых Петра и Павла 29 июня только в США давал Ватикану до сих пор от 1 до 4 млн. долларов. Приблизительно 30 млн. долларов в год, по данным Ло Белло, Ватикан получает в качестве доли от сборов в епархиях.

В 2 млн. долларов в год оценивается сумма, получаемая от продажи ватиканских почтовых марок (за годы пребывания на папском престоле Павла VI выпущено более 50 специальных серий марок тиражом до 2 млн. штук средней стоимостью в 300 лир). Кроме того, держатся в секрете поступающие более или менее регулярно пожертвования в пользу Ватикана.

Так что назвать бедной католическую церковь никак нельзя, да она такой и не выглядит.

Quo vadis, Ecclesia?

Согласно церковной легенде, на заре христианства апостол Петр направился в Рим. Бог остановил его на Аппиевой дороге, ведущей к Вечному городу, и спросил: "Quo vadis, Petrus?" ("Куда идешь, Петр?"), на что апостол ответил: "Иду в Рим, чтобы основать католическую церковь, которая принесет человечеству вечное спасение и вечное блаженство".

Нам не дано судить о том, насколько продвинулась церковь за два тысячелетия своего существования в выполнении своей потусторонней миссии. Но в земных делах она явно стоит на распутье, и многие современные католические деятели задают вопрос: "Quo vadis, Ecclesia?" ("Куда идешь, церковь?").

Новая ориентация католической церкви, провозглашенная Вторым Ватиканским собором, несомненно, укрепила международный авторитет Ватикана и церкви в целом. Сегодня папство не является уже оплотом "холодной войны", каким оно было до Иоанна XXIII. Как уже отмечалось, нынешний папа Павел VI неоднократно высказывался в пользу укрепления всеобщего мира, разрядки, разоружения. Ватикан подписал Заключительный акт совещания в Хельсинки. Немало было сделано Павлом VI и для нормализации отношений Ватикана с социалистическими странами. Он неоднократно высказывался за прекращение преступной агрессии американского империализма против Вьетнама; выражал симпатии в адрес народов бывших португальских колоний, сражавшихся за независимость; призывал к прекращению политических репрессий во франкистской Испании. Однако Ватикан не порывает своих традиционных связей с господствующими, эксплуататорскими классами, хотя и пытается маскировать эти связи традиционными фразами о любви к страждущим.

Во время парламентских выборов 1976 г. в Италии Павел VI и итальянский епископат призывали избирателей не голосовать за коммунистов. Церковь осуждала священников и католических деятелей, поддерживавших коммунистов. Однако значительная часть верующих отдала свои голоса левым силам.

Кандидаты от коммунистической партии получили рекордное число голосов, за них проголосовало почти 34 процента всех избирателей. Особенно знаменательной была победа коммунистов в Риме, где муниципальная власть впервые перешла к левым силам, чему на протяжении многих лет всячески препятствовал Ватикан. Мэром Рима стал профессор Арган, независимый левый, избранный по списку коммунистической партии. Правда, после выборов "ватиканский маятник" качнулся влево:

Павел VI принял мэра Аргана и обсуждал с ним участие Ватикана в решении таких неотложных проблем в жизни римлян, как безработица, жилищный кризис и им подобные.

Непоследовательная позиция, занятая Ватиканом после собора по отношению к острейшим социальным проблемам современности, послужила причиной серьезных осложнений внутри католической церкви, обострила противоречия между различными церковными течениями и группировками, вызвала недовольство рядовых верующих.

Обновленческая "революция" оказалась весьма поверхностной. Над церковью по-прежнему тяготеет бремя средневековых догм и установок. Она все еще решительно осуждает развод, ограничение рождаемости, применение противозачаточных средств, отстаивает безбрачие священников, накладывает санкции на служителей культа, высказывающих неортодоксальные взгляды.

Не оправдались и надежды обновленцев на демократизацию церковной жизни. Созданный Павлом VI синод периодически собирается, но, являясь чисто совещательным органом, особого влияния на ориентацию Ватикана не оказывает. Правда, была расширена кардинальская коллегия за счет увеличения количества представителей из развивающихся стран. Церковные иерархи, достигшие 75 лет, теперь автоматически удаляются на пенсию.

Папа упразднил папскую дворянскую гвардию, изменил порядок назначения епископов, кандидатуры которых теперь выдвигаются национальными конференциями епископата и только потом утверждаются папой. Среди чиновников курии сегодня значительно больше иностранцев, чем когда-либо в прошлом. Церковь отказалась от практики осуждений и отлучений. Однако, с точки зрения сторонников обновления церкви, все это слишком робкие и половинчатые меры, которые не могут привести к подлинной демократизации церковной жизни.

Не принесла пока желанных для католической церкви результатов и экуменическая политика Павла VI. Ватикану удалось наладить контакты с "отделившимися братьями", но до объединения с ними или даже до какого-либо организационного сближения сегодня столь же далеко, как было до собора. Созданный Иоанном XXIII в 1960 г. секретариат по объединению христиан значительно расширил свою деятельность после собора, число его служащих увеличилось втрое. Казалось, недалек тот день, когда римско-католическая церковь вступит во Всемирный совет церквей, объединяющий 267 религиозных организаций, в основном протестантского толка. Павел VI заявил на соборе, что готов даже переселиться из Ватикана в Латеран (старый дворец римских епископов и пап), если ватиканский дворец служит препятствием для объединения с "отделившимися братьями".

Однако, посетив в 1969 г. в Женеве Всемирный совет церквей, где ожидали его заявления о вступлении католической церкви, он дал понять, что экуменическое движение для него по-прежнему означает возвращение "всех братьев-христиан" в "отчий дом", "под единственную и всеохватывающую защиту Христа", то есть под покровительство папы. Подлинное единство, по его мнению, может предложить христианам только католическая церковь.

Следует ли удивляться, что противоречивая политика Павла VI, которая часто в литературе характеризуется как центристская, вызывает недовольство многих церковников и верующих? Послесоборное положение в церкви характеризуется появлением многочисленных центров и группировок, не согласных с политикой "маятника", проводимой Павлом VI и его ближайшим окружением. Эти недовольные, так называемые контестаторы, в идеологическом и политическом отношении весьма неоднородны: среди них имеются сторонники единства действий с коммунистами, сторонники социализма, есть левацкие и даже анархиствующие элементы. Они располагают своими печатными органами, выпускают много книг, в которых подвергают острой критике различные аспекты деятельности Ватикана и церковной иерархии.

Не устраивает половинчатый курс Павла VI и интегристов, которые считают себя после собора потерпевшей стороной. Лидер интегристов, архиепископ Лилля Марсель Лефевр, бывший оасовец, тесно связанный с неофашистскими группировками в Италии, Франции и ФРГ, щедро финансируемый ЦРУ и крупными западноевропейскими монополиями, открыто обвиняет Павла VI в еретических отклонениях и чуть ли не в сговоре с коммунистами. По словам Лефевра, католическая послесоборная церковь превратилась в "прелюбодействующую жену, порождающую ублюдков". Лефевр открыл свою собственную семинарию в монастыре в Эконе (Швейцария), он не признает литургических изменений, одобренных собором, демонстративно устраивает богослужения по старому, дособорному образцу и открыто угрожает Ватикану расколом.

x x x

Что же происходит в католической церкви сегодня? В ней продолжается процесс дифференциации, множатся автономные течения, обостряются внутренние противоречия. Церковная иерархия, которая до собора находилась под строгим контролем курии и являлась ее послушным инструментом, в настоящее время разделена на несколько течений и группировок. На крайне правом фланге стоят такие воинствующие мракобесы, как архиепископ Лефевр, угрожающие отколоться от церкви, если Ватикан не вернется на старые, дособорные позиции. Затем идут интегристы более умеренного толка, они все еще влиятельны в итальянском епископате, хотя и утратили многие свои позиции в курии. Имеют интегристы влияние в Испании, Португалии, ФРГ, США. Однако большинство национальных епископатов стоят на обновленческих позициях. Бельгийские, голландские и частично французские иерархи не довольствуются решениями собора, выступают за углубление церковной реформы, в частности за отмену безбрачия, признание права на светский развод,

регулирование рождаемости, дальнейшую демократизацию системы управления церковью, за большую автономию национальных епископатов.

С каждым днем все слышнее становится в церкви голос иерархов из развивающихся стран, многие из которых выступают с позиций антиколониализма. Особенно разительные перемены произошли в епископатах стран Латинской Америки, которые до собора отличались крайней консервативностью. Теперь церковные деятели этого региона поддерживают планы структурных преобразований в своих странах, осуждают фашистские и прочие реакционные режимы, олигархию, империализм. В ряде латиноамериканских стран среди священников весьма сильны радикальные и даже левацкие тенденции

На антиколониалистских, антиимпериалистических позициях стоят многие представители новой африканской и азиатской церковной иерархий, пришедшие после собора на смену европейским миссионерам. Они требуют себе больше прав, больше независимости от курии, больше внимания к своим нуждам и потребностям, искоренения старых, проколониалистских миссионерских методов работы среди местного населения.

К таким понятиям, как атеизм, коммунизм, социализм, философский модернизм, часть духовенства после собора старается подойти без предвзятости и недоброжелательства. Как сказал известный французский католический деятель Жорж Монтарон, Карл Маркс уже не пугает католиков. Возможность, хоть и ограниченная, диалога с атеистами создает менее напряженную по отношению к ним атмосферу в церковных кругах, свидетельством чему является все растущее среди верующих течение "христиане за социализм", сторонники которого пытаются не столько примирить христианство с социализмом, сколько привлечь верующих, в том числе служителей культа, к борьбе за социализм. И хотя это течение осуждается курией, оно постепенно набирает силу в ряде стран Западной Европы и Латинской Америки.

Важные перемены произошли в католическом рабочем движении, которое постепенно утрачивает свой конфессиональный характер. Это оказалось и в изменении названия его центральной организации. Теперь она называется Международной конфедерацией демократических (вместо христианских) профсоюзов. Уже несколько лет католические профсоюзы во Франции, Италии, Испании, в ряде латиноамериканских стран выступают единым фронтом с классовыми профсоюзами в защиту прав трудящихся.

Продолжают активно действовать светские католические организации типа "Католического действия", находящиеся под строгим контролем церковной иерархии. Для руководства этими организациями 2 января 1962 г. был создан в курии Совет мирян. Вместе с тем следует отметить, что значение и влияние организаций "Католического действия" в последние годы повсеместно пошло на убыль. На нынешнем уровне развития международного рабочего движения особенно отчетливо видна скудость их позитивной программы, их неспособность предложить конструктивные решения острейших социально-политических, этических, моральных проблем, от которых страдает современное капиталистическое общество, или острейших социально-экономических проблем, характерных для развивающихся стран.

Церковь-общественный организм, и, хотя ее иерархи по-прежнему утверждают, что их волнует прежде всего вечное спасение человечества, земные дела не только им не чужды, но стоят в центре их внимания больше, чем когда-либо в прошлом. Современный служитель церкви, в какой бы стране он ни жил, в первую очередь политик и только потом пастырь. И чем выше его пост, тем политика больше его интересует, а духовные дела - меньше. До собора католическая церковь выступала союзницей наиболее реакционных классов. Это вовсе не означало, что подавляющая масса католиков разделяла подобную политику. Ныне в политическом курсе Ватикана проявляется стремление более трезво учитывать реальное соотношение противоборствующих общественных сил в мире. Такая позиция открыла перед трудящимися-католиками возможность более активно участвовать вместе с другими прогрессивными силами, включая коммунистов, в борьбе за социальную справедливость и укрепление всеобщего мира на земле.

Мир, в котором живет человек, меняется на наших глазах, и меняется он к лучшему. Не без усилий со стороны всех людей доброй воли, не без жертв, но перемены к лучшему происходят, они несомненны. Коммунисты верят в светлое будущее человечества, в

способность людей через все препятствия совершить заветный скачок из царства необходимости в царство свободы. Эта вера вытекает из научного познания объективных законов развития человеческого общества, она подтверждается достижениями развитого социализма в Советском Союзе и опытом построения социализма в ряде других стран. С каждым днем все больше католиков и последователей других религиозных культов активно включаются в борьбу за это светлое будущее.